

63.3(5к)з 62.7
П48

**Пока бьется
сердце**

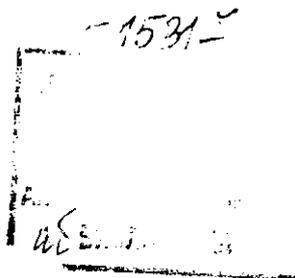
633(5каз)622
ПА8

Пока бьется сердце

Сборник очерков

Алматы
"Жибек жолы"
2005

ББК 63.3 (2) 622
П 48

*Издано по программе Комитета информации и архивов
Министерства культуры, информации и спорта
Республики Казахстан*

П 48 Пока бьется сердце. Сборник очерков / Сост. Г.И. Нечунаев. — Алматы: Издательский дом “Жибек жолы”, 2005. — 184 с.

ISBN 9965-759-12-X

По-разному сложились фронтовые судьбы девушек, о которых рассказывается в настоящем сборнике. Одни работали в медсанбатах и полевых госпиталях, другие служили в войсках связи, третьи посвятили себя летному делу, мужественно противостояли в небе гитлеровским асам. Во многих битвах Великой Отечественной участвовали девушки-воины из Казахстана. Читатель еще раз встретится с Героями Советского Союза М. Маметовой, А. Молдагуловой, Н. Ковшовой, познакомится с фронтовой судьбой медсестры М. Кухарской, военврача Р. Макашевой, штурмана Х. Доспановой, радистки Ш. Кусановой, мл. лейтенанта А. Нургажиновой.

ББК 63.3 (2) 622

П $\frac{0503020600}{430(05)-05}$ без объявл. — 2005

ISBN 9965-759-12-X

© ИД “Жибек жолы”, 2005

К читателям

Перед вами, дорогие читатели, книга о войне. Ее авторы, казахстанские журналисты, рассказывают в своих очерках о женщинах и девушках, вместе с мужчинами героически защищавших нашу Родину от фашистских захватчиков. Много их добровольно ушло на фронт. Известно, что за четыре военных года в различных родах войск на фронте служило свыше 800 тысяч женщин. Они были не только сестрами милосердия и врачами, но и летчицами, десантницами, зенитчицами, снайперами, связистками, разведчицами, партизанками, подпольщицами. Даже трудно перечислить все военные специальности, которыми овладели на фронте женщины. И хотя тогда говорили, что война — не женское дело, наши женщины-фронтовики сражались с врагом, посягнувшим на их землю, семьи и детей. За Победу платили своими муками, своей жизнью. И сегодня оставшиеся в живых женщины вспоминают о той «мужской» войне. Их воспоминания — это правда о войне, отражение подвига советского народа.

Своим смертным дыханием война коснулась и моей жизни. На фронт я пошла добровольцем со школьной скамьи после девятого класса, окончив курсы сандружиниц. С трудом уговорив мать, отправилась вместе с отцом в Алма-Ату, где была зачислена в медико-санитарный батальон 316-й стрелковой дивизии. Ее формировал мой отец — генерал-майор Иван Васильевич Панфилов.

Уже 16 августа 1941 года воины дивизии в эшелонах двинулись в сторону фронта. Чем ближе подъезжали к

Москве, тем больше ощущали дыхание войны: навстречу шли эшелоны с ранеными, беженцами, эвакуированными женщинами, стариками, детьми. 14 октября в районе Волоколамска мы с ходу вступили в тяжелые, кровополитные бои. Наш медсанбат разместился в здании школы. И операционные, перевязочные, госпитальные палаты наполнились стонами раненых. Тогда для меня многое было впервые: наложила первую повязку, в первый раз смочила оперированному бойцу пересохшие губы, первый раз услышала обращенное ко мне: "Сестрица!"

Раненых принимали и оказывали им помощь под непрерывным обстрелом врага. Не обращая внимания на белые флаги с красными крестами, фашисты с воздуха бомбили санитарные машины, обстреливали медсанбат и подъездные пути к нему.

Чтобы понадежнее укрыть медсанбат от постоянных бомбежек, врач Великанова предложила основные его силы оттянуть в глубь наших тылов, в г. Истру, а в непосредственной близости к передовой оставить одну бригаду. Так и поступили, включив в эту бригаду двух врачей — Гугля и Абдукаримова, медсестер Никишину, Строкову, меня и четырех санитаров.

Особенно много раненых было с 15 по 19 ноября, когда враг предпринял второе наступление на Москву. От поступивших раненых мы знали, что бой идет по всей линии обороны, вражеские танки рвутся к столице. Но наша дивизия стояла насмерть! Защищая сердце Родины — Москву, воины наносили сокрушительные удары по фашистам. Самым мужественным, самым бесстрашным воинам, отличившимся в битве за Москву, было присвоено высокое звание Героя Советского Союза. Наступление врага было приостановлено. А 18 ноября от осколка мины на командном пункте погиб генерал-майор Панфилов. Мой отец...

Я прошла с гвардейской мотострелковой Режицкой ордена Ленина Краснознаменной , ордена Суворова, дивизией имени Героя Советского Союза генерал-майора И.В. Панфилова по дорогам Великой Отечественной. Остались позади ранения, контузии, фронтовые дороги. А я все еще получаю письма от тех, кому в трудную минуту спасла жизнь. Для меня это самая большая награда.

По долгу ветерана войны я много времени и сил отдаю патриотическому воспитанию молодежи. Работаю в окружном Доме офицеров, где создается музей истории войск нашего Краснознаменного Среднеазиатского военного округа. Часто бываю в войсках. Рассказываю молодым воинам о своем участии в Великой Отечественной, о своем отце. Встречаюсь с молодежью Алматы, своими фронтовыми подругами, участницами Московской битвы Ниной Павловой, Анной Бадаговой, Ольгой Мещеряковой, Анной Куц, Ольгой Туровой и многими другими.

Знаю почти всех героинь очерков этой книги. У каждой из них поистине героическая биография, немало на счету боевых подвигов и спасенных бойцов. Конечно, не все, что совершили они на фронте , описано в этой книге. Ведь обо всем , что пережито на войне, невозможно рассказать. А с годами и рассказывать все труднее — душат слезы. Не у каждой сердце выдержит. Видимо, поэтому не смогла, не нашла в себе сил Мария Петровна Смирнова-Кухарская — героиня повести "Девушка из легенды" — рассказать журналисту об одном военном эпизоде. Пусть простит меня Мария, но я все-таки доскажу за нее.

Было это под Сталинградом. Наступающие немецкие танки остановила наша артиллерия. Немцы откатились назад, на ничейной земле остался раненый лейтенант, артиллерист Костя Худов. Санитаров, которые

пытались вынести его, убили. Поползли две овчарки-санитарки, но их тоже убило. И тогда, сняв ушанку, Маруся стала во весь рост, сначала тихо, потом громче запела нашу любимую песню “Я на подвиг тебя провожала”. Затихли обе стороны — и наша, и немецкая. Подошла к Косте, нагнулась, положила на санки-волокушки и поволокла. И не раздалось ни одного выстрела, пока не дошла до наших. Всего из-под огня Мария вынесла 481 раненого — это же целый стрелковый батальон. За отвагу и милосердие Мария Петровна награждена высшим знаком Международного Красного Креста — золотой медалью Флоренс Найтингейл.

Разве можно без волнения слушать такое. Думаю, эта книга не оставит равнодушным ни бывалого ветерана войны, ни молодого читателя. Тому и другому интересно будет проследить боевой путь Мархабы Тукубаевой, которая добровольно ушла на фронт из Алма-Атинского госпиталя, дошла до Берлина и оставила свою подпись на стене рейхстага. В Германии же закончила свою боевую медицинскую службу ее землячка, хирург Раиса Каримовна Макашева. После войны она внесла свой вклад в развитие здравоохранения республики. К ее фронтовым наградам и званиям добавились не менее почетные гражданские титулы — доктор медицинских наук, профессор, Заслуженный врач республики.

Читатель, пожалуй, удивится: как смогли все это выдержать женщины? Да, женское самопожертвование на войне заслуживает самого высокого признания. Разве могла женщина оставаться дома, когда видела, что в опасности ее страна, ее народ. И она вслед за мужчинами шла на фронт, на смертный бой. Вместе с ними одержала Великую Победу. Многие из фронтовичек после войны вышли замуж, вырастили детей, нянчат внуков. А вместе с ними живет жен-

ская память о войне. Эта память побеждает время. Все, что вынесли женщины-фронтовички из смертного ада, сегодня является нашим нравственным достоянием, примером беспредельной любви к Родине. Его мы не должны предавать забвению.

*В. И. Панфилова,
участница Великой
Отечественной войны, 1989 год.*

О. Чечеткина

Наша Маншук

Маншук шла по тихим весенним улицам Алма-Аты. Была уже ночь. Запрокинув голову, она смотрела в темное небо, усыпанное огромными мерцающими звездами. Сколько людей думают свои думы, мечтают, глядя на звезды, на серп молодого месяца. О чем они мечтают? Конечно, о счастье.

Маншук задумалась, вспоминая детство.

...В далеком степном ауле в семье казаха Женсигали родилась дочь. В юрте, и без того тесной, стало еще теснее: девочка была пятым ребенком.

Едва научившись ходить, Маншук уже сидела на коне. Когда весной пригревало солнце и семья выезжала на джайляу, мать сажала девочку на верблюда, накрытого мягкими кошмами. Крепко ухватившись за веревки, девочка смотрела широко раскрытыми глазенками на безбрежную степь, на белоснежные вершины гор.

Длинными зимними вечерами, когда в степи завывал ветер, поднимая снежные вихри, когда собаки, съжившись от холода, жались ближе к юрте, когда в очаге тлел, наполняя едким дымом юрту, кизяк, бабушка рассказывала Маншук сказки. И девочка трепетала от страха, слушая, как сказочное чудовище Жалмауз кемпир пожирало людей. Когда же бабушка говорила о быстроногом волшебном коне, «шестимесячный путь шестью шагами проходившем», глаза Маншук на смуглом лице загорались.

Однажды в юрту вошла женщина.

— Аман!— сказала она.

— Аман!— ответили ей родители, поднимаясь с кошмы.

Женщина была закутана в платок, в руках держала мешок. Из мешка она вынула куклу и протянула ее Маншук, а потом посадила девочку к себе на колени и стала рассказывать о большом далеком городе, где люди живут не в юртах, покрытых кошмой, а в домах из камня.

У женщины были большие очень ласковые глаза, голос тихий, спокойный, а рука, которой она гладила голову Маншук,— мягкой и теплой. Это была Амина Маметона, тетка девочки. Они быстро привязались друг к другу. Пока Амина жила в ауле, Маншук не отходила от нее ни на шаг, а после отъезда тетки долго тосковала по ней.

Когда Маншук исполнилось пять лет, Амина взяла ее с собой в город. С тех пор она заменила Маншук родную мать. Родители вскоре умерли, и всю свою любовь, всю привязанность девочка перенесла на Амину.

Семья Маметовых жила в Алма-Ате. Маншук горячо полюбила этот город-сад, где всегда пахнет яблоками: весной — нежным яблоневым цветом, летом — горьковатой зеленью недозревших еще плодов, а осенью воздух наполнен ароматом краснощеких крупных яблок.

Здесь, в Алма-Ате, прошли детские годы Маншук. Когда настало время учиться, Амина отвела ее в школу, и у Маншук стало две семьи, обе одинаково дорогие: дом и школа.

Подруги полюбили Маншук за мягкий и ласковый характер, за веселый смех, за серьезность и настойчивость в учебе.

Всем классом они часто уходили в горы. Расположившись у костра, девочки просили Маншук спеть что-нибудь. Она пела им старинные народные казахские песни, которые слышала еще от бабушки, а потом все вместе они пели новые песни. Запевала всегда Маншук.

Она очень любила петь. Бывало, вечером садилась за стол, и, распевая как птица, вышивала красивые узоры.

Пожалуй, можно сказать, что Маншук была домоседкой. Она любила играть и возиться со своими сестрами Галей и Диночкой. Впрочем, это не мешало ей иметь много подруг и друзей. Самым же лучшим ее другом была Амина. Похвала приемной матери служила Маншук лучшей наградой. Но Амина была скупа на похвалы. Если Маншук начинала рассказывать, что она сделала что-то хорошее, Амина говорила:

И каждый бы сделал так же...

Зато когда Амина говорила: «Это ты хорошо сделала, дочка», радости Маншук не было предела.

...Шли годы. Маншук выросла. Многое она постигла в школе. Сколько раз на уроках истории, слушая рассказы учителя о народных казахских героях, Маншук видела перед собой степные просторы, юрты с вьющимся над ними дымком, высокие вершины Алатау. Когда учитель рассказывал о далекой Москве, она представляла себе высокие стены древнего Кремля, Мавзолей и куранты на Спасской башне. Мир раздвигался перед глазами Маншук. Родина становилась все обширней, прекрасней и дороже ее сердцу.

Окончив школу, Маншук пошла учиться на медицинский рабфак, а потом в институт. В то же время она работала в секретариате Совнаркома республики.

Учеба в институте, работа в комсомоле, веселые прогулки с друзьями в горы заполняли жизнь до краев.

Темные стройные тополя чуть шумят, покачиваясь от легкого весеннего ветра, дующего со снежных горных вершин. Колышется и шепчет что-то карагач яблоням, теряющим свой последний цвет. О чем он шепчет? Конечно, о счастье!

О счастье думала и Маншук. Сегодня ей сказали, что она поедет в Москву на физкультурный парад.

Москва! Сколько радужных мечтаний, сколько затаненных надежд связывала Маншук с этим далеким, но таким близким и родным городом!

Вот оно, счастье! Она пройдет по Красной площади, придет туда, чтобы поклониться Ленину.

Теперь дни летели еще быстрее: так ускоряет свой бег горный поток, приближаясь к долине. Участники парада тренировались — приближался день отъезда.

Но вместо этого светлого дня пришел другой, черный день войны. Гитлеровцы бомбили Киев, Севастополь, Одессу, грозили Москве.

Маншук побежала в комитет комсомола. Она не знала еще, зачем спешит туда, но ей надо было увидеть товарищей, она не могла сейчас без них. Надо было что-то делать. Сейчас нельзя оставаться без дела ни на минуту!

С того дня началась напряженная жизнь военного времени. Жестокая, смертельная битва шла за тысячи километров от Алма-Аты, но ее жаркое дыхание доносились и сюда.

Люди толпами собирались у репродукторов, слушая последние известия. Священной тревогой за Родину был наполнен каждый день. Лучшие сыны казахского народа ушли на фронт, другие в тылу делали оружие, боеприпасы, работали на полях.

Все свое время Маншук отдавала работе, а мысли ее были там, где шла великая битва. Что она должна делать, как может помочь тем, кто ведет сейчас смертельную схватку с врагом?

Маншук вместе со своими подругами записалась на курсы медсестер.

— Надо скорее закончить обучение, надо спешить на помощь нашим на фронте, — говорила она.

В город пришел первый эшелон с эвакуированными. Комсомольцы вышли встречать поезд. Они выстроились на перроне, когда паровоз подтащил длинный состав к вокзалу.

Из вагонов стали выходить люди. Здесь были старики, женщины, дети. Они приехали оттуда, где гремели орудия, где враг разорял нашу землю. Казалось, от них еще пахнет дымом пожарищ. Они привезли с собой тоску по родным местам, превратившимся в пепелища, и смертельный ужас, застывший в глазах.

Ночью Маншук долго не могла заснуть. Она знала: ей не забыть ни перрона, ни людей, заполнивших его, в тот день она впервые заглянула в глаза большому горю.

«Что же ты, Маншук?— спрашивала она себя. — Как же ты сидишь здесь, когда у людей такое горе? Разве ты не знаешь, кто принес им это горе? Разве ты не знаешь врага, который топчет землю твоей Родины?» И решила: нужно во что бы то ни стало ехать на фронт бить фашистов.

Утром Маншук сказала своей приемной матери:

— Ты пойми, дорогая апа, я не могу сидеть здесь... Я уже не девочка, я должна поехать на фронт...

— Но ты ведь и не мужчина, Маншук,— возражала ей Амина, в душе которой боролись страх и гордость за дочь. — Зачем тебе ехать воевать, помогай бойцам здесь. Ты знаешь, моя девочка, как дорога ты мне. Зачем ты хочешь повергнуть меня в печаль?

— Ах, апке, не ты ли учила меня, что печаль — море: утонешь, пропадешь, а смелый поступок — лодка: сядешь и переплывешь!

...Шли дни, шли недели, месяцы. Кончалось лето 1942 года. Маншук уже давно добивалась, чтобы ее отправили добровольцем на фронт. Она научилась хорошо стрелять, закончила обучение на курсах и стала медицинской сестрой.

С пылающими от волнения щеками, то сердясь, то умоляя, Маншук доказывала всем, от кого это зависело, что вполне подготовлена, чтобы ехать на фронт, что она не может, не в силах больше ждать.

Наконец она получила разрешение. Амины не было в городе и Маншук оставила ей письмо.

«Апке,— писала она,— ты не обижайся, что я тебя покидаю. Хочу на деле показать, на что я способна...»

Эшелон уходил на фронт в тот же день.

Прощальные минуты всегда печальны. Маншук стояла на подножке вагона и смотрела поверх голов провожающих на родной город, на зеленые сады, на белоснежные вершины гор.

Поезд шел по широким казахстанским степям. За окном тянулись песчаные дюны, покрытые редкой травой, низким кустарником, появление которого означало, что где-то поблизости просочилась вода. А потом опять пески, желтовато-белые, сверкающие на солнце. Вот на горизонте появился караван верблюдов, а вот юрта и дымок вьется. Так и пахнуло на Маншук детством.

Солнце опускалось все ниже. Огромный красный шар его уже упирался одним боком в песок, повиснув в темно-синем небе, по которому шли полосы — внизу красные, потом серые, а еще выше — густо-лиловые.

Поезд замедлил ход у какого-то небольшого полустанка. Сразу стало тихо-тихо. И вдруг в этой тишине возникли мягкие и прекрасные звуки. Кто-то играл на домбре.

Маншук прислушалась и запела...

* * *

Наконец Маншук на фронте. Она уже слышала разрывы снарядов, видела людей, еще не остывших от жара атаки. Несмотря на настойчивые просьбы отравить ее в стрелковое подразделение, Маншук оставили писарем при штабе.

— Пока поработаете в штабе,— сказали ей. — Освойтесь с военной обстановкой, а там будет видно.

Она молча подчинилась, но в душе обиделась: «Освойтесь! Не для того я сюда ехала, чтобы осваиваться с военной обстановкой, сидя в штабе!» Она твердо реши-

ла добиться своего. Долго Маншук прикидывала: где она сможет принести наибольшую пользу. Она могла быть медицинской сестрой, телефонисткой, радисткой. Но все это не то. «Буду пулеметчицей!»— решила она.

Поздними вечерами, когда в штабе трещали пишущие машинки и беспрерывно звонил телефон, Маншук сидела, склонясь над бумагами. Она вспоминала свой солнечный город, мать, мечтала о том времени, когда станет пулеметчицей. Все свободное время она осваивала пулемет.

...Как-то раз, в далеком детстве, Маншук с матерью была в степи. Там, в юрте охотника, девочка увидела беркута. Птица сидела в углу между стопками мягких шерстяных одеял и подушек.

У беркута были связаны крылья. Несколько дней назад охотнику удалось поймать его в горах вместе с птенцом.

Маншук подошла, хотела погладить птенца. Беркут заклекотал, вытянул шею, перья на нем поднялись дыбом. А глаза — Маншук долго не могла забыть их — глаза птицы были полны такой ярости, такого самозабвенного стремления защитить птенца, что Маншук испуганно отпрянула.

Весь день девочка исподлобья наблюдала за птицей. Она видела: ни на минуту беркут не забывал, что около него враги. И лишь вечером, на закате солнца, когда у птенца стали закрываться глаза, беркут, казалось, забыл о неволе. Птица склонила голову над детенышем. Гортанные нежные звуки послышались из угла.

Теперь сама Маншук напоминала такого беркута. Когда она слышала разрывы вражеских снарядов, когда видела бойцов, вернувшихся с передовой, ей казалось, что и она сама побывала там, где только что были они, что и она была ненавистных гитлеровцев. Глаза ее загорались яростью, все тело ее напряжинивалось, как бы готовясь к прыжку.

Маншук сразу менялась, когда видела раненых, привезенных с поля боя. Сердце ее разрывалось от жалости к ним, от бессилия облегчить их муки.

Темные ночи, наполненные неясными шумами, шорохами, взрывами и перестрелкой, Маншук нередко проводила в полевом госпитале. Вот когда ей пригодились знания, приобретенные на курсах медсестер.

Своей заботой и нежностью она завоевала любовь раненых. Тихонько, полупшепотом рассказывали ей бойцы о своих самых сокровенных думах, при тусклом свете мерцающей свечи диктовали письма родным и друзьям.

Днем, когда Маншук была занята в штабе, они, с нетерпением ожидая ее прихода, рассуждали, какими судьбами занесло ее из такой дали сюда, в самое пекло войны. И каждый раз раненый казах Ахметов говорил:

— А вот послушайте меня... Есть такая казахская поговорка: «Счастье каждого аула — это его женщины».

Маншук писала своей приемной матери: «Дорогая апке, знаю, что я еще совсем плохой знаток в военном искусстве, но зато я довольна, что нахожусь в таком месте, где человек может по-настоящему доказать любовь к Родине!».

Наконец Маншук освоила пулемет. Командир назначил проверку. Ночью девушка не могла уснуть: завтра решалась ее судьба. То ей казалось, что проверка пройдет хорошо, и тогда в сердце ее пели жаворонки, то она, как наяву, видела свою мишень, пробитую где-то сбоку, и тогда сердце ее сжималось в тревоге.

Но когда настало утро и Маншук в строю других бойцов заняла исходную позицию, спокойствие и уверенность сменили все ночные сомнения. Она смотрела на мишень и видела фашиста, а если перед тобой враг, ты не можешь, не должна промахнуться. Ни одна пуля Ман-

шук не прошла мимо цели. Она стала отличной пулеметчицей. В подразделении не было бойца, равного ей по меткости. Всегда подтянутая, она изумляла боевых товарищей своей выдержкой и умением переносить трудности военной жизни.

Маншук и здесь стала всеобщей любимицей. Ее серебристый смех, веселая шутка, ласковое слово скрашивали суровую жизнь солдат.

В те дни она писала домой: «Нахожусь на передовой. Зорко слежу за фрицами. Ночью почти не приходится спать. Отдыхаем днем. Сейчас жизнь пошла веселая, ведем расправу с фашистами огнем своих орудий. Если не ошибаюсь, то на этих днях пойдем дальше, вперед...»

Иногда в минуты затишья бойцы собирались вокруг Маншук, и тогда она, мечтательно глядя в небо, рассказывала им о далеких степных просторах, о свежести горных вершин, о милой сердцу Алма-Ате.

— Ах, если бы ты знал, как хороша Алма-Ата!— говорила девушка своему другу Анатолию.

Маншук могла без конца рассказывать Анатолию о сиянии снегов на вершинах гор, о чудесных тюльпанах, которые покрывают весной степи. Не на них ли глядя, вышивают казашки яркие узоры на коврах? Оба они мечтали о своем будущем счастье. И были эти мечты светлыми и чистыми, как вода горного озера.

Однажды, ничего не сказав Маншук, Анатолий послал письмо в Алма-Ату.

«Разрешите передать вам свой и Маруси (так он упрямо назвал Маншук) фронтовой привет! Я с вашей дочерью Маншук очень подружился. Как бы вам, мамаша, обрисовать ее портрет? Ведь она совсем изменилась, стала настоящим, серьезным бойцом. За две недели она изучила пулемет. Стреляет отлично. А какая у нее ненависть к врагу! Она с нетерпением ожидает, чтобы на

передовую пойти... Если бы вы знали, какой ей здесь почет и уважение! Как же ее не уважать? Ведь она одна у нас, да еще такая».

Бывает на войне, что люди, свикнувшись с мыслью о смерти, как привыкает к высоте верхолаз, вдруг невзначай задумываются о ней. В такие минуты у человека по-слабее могут и руки опуститься.

Маншук понимала это. Когда однажды при ней бойцы заговорили о смерти, она спросила:

— Хотите, я расскажу вам казахскую легенду, которую наш народ сложил в давние времена?

Бойцы придвинулись поближе.

— Это было давным-давно. Жил тогда на свете казах по имени Коркыт. Не мог Коркыт примириться со скоротечностью человеческой жизни. И решил он бороться со смертью. Он ушел от людей. Но везде, где бы он ни был, он видел смерть: в лесу свалившееся гниющее дерево говорило ему о смерти; в степи ковыль, выгорая под солнцем, говорил ему о смерти; даже высокие горы поведали ему об ожидающем их разрушении. Тогда Коркыт, страдая от терзаний наедине с самим собой, выдолбил из дерева ширгай — первый кобыз, натянул на него струны и заиграл. Он вложил всю душу в свои мелодии, и чудесные звуки дошли до людей, пленили их. С тех пор мелодии Коркыта и его кобыз пошли странствовать по земле, а имя Коркыта осталось бессмертным в струнах кобыза. Вот видите, — закончила Маншук, — пока Коркыт думал только о смерти, пока он был вдали от людей, его уделом была тоска. Когда же он с песнями вернулся к людям, он стал бессмертен, потому что жизнь всегда побеждает смерть!

Нежная девичья душа Маншук раскрылась в письмах, которые она писала домой. Писала обо всем: и о товарищах, и о боях с врагами, и о том, что ее приняли в

ряды Коммунистической партии. И тут же, в конце письма, приписка: «Апке, пришлите мне маленькое зеркальце».

Однажды Маншук получила из дома посылку. Смеясь и толкаясь вокруг ящика, бойцы открыли крышку. На них пахло ароматом апорта. У Маншук затуманились глаза. Милый, родной город! Увидит ли она его, пройдет ли по его залитым лунным светом улицам, будет ли когда-нибудь вдыхать чудесный яблоневый запах?

Через несколько дней Амина Маметова получила письмо от дочери.

«Дорогая мамочка! Долгожданное письмо и посылку получила в тот час, когда мы тронулись на передовую. Я была очень рада, хотя мне и досталось всего одно яблоко. Мамочка, уже второй год мы не видим фруктов, и очень редко к нам попадает что-нибудь домашнее. Большое спасибо! Дорогая апке, сегодня днем легла отдохнуть — целую ночь не пришлось спать. Уснула сразу, и мне приснился сон. Вроде приехала делегация из Алма-Аты. Открываю дверь, слышу ваш голос, иду к вам, и вы встаете мне навстречу. Я так и кинулась к вам, обнимаю, целую и говорю: «Неужели я вас вижу?..» И опять целую. А потом как будто все настоящее: начинаю рассказывать, как мы живем, потом спрашиваю, как вы сюда попали. И вы отвечаете, что вам повезло приехать с делегацией... А потом вдруг меня будят на обед, и все это оказалось сном».

Шли бои за Невель. К тому времени Маншук стала уже опытным, проверенным в боях воином с закаленной волей и мужественным сердцем.

Было холодное осеннее утро. Над озером плыл молочный туман. Как не похожа русская природа на природу солнечного Казахстана, но как близка, как бесконечно дорога стала эта земля сердцу казахской девушки, которая шаг за шагом отвоевывала ее у врага.

Фашисты цеплялись за каждый куст, за каждую высоту: они то и дело бросались в контратаки. Но каждый раз пулемет Маншук Маметовой косил ряды гитлеровцев, и они откатывались назад. Трудно сказать, что думала в эти минуты Маншук. Вернее всего, у нее была одна-единственная мысль: помочь подразделению продвинуться. Надо было во что бы то ни стало захватить высоту, господствующую над местностью. Это решало исход боя. Враг знал это и создал перед высотой огневую завесу. Напряжение боя достигло предела. И в этот решающий момент вперед метнулась девичья фигура с развевающимися по ветру косами. То была Маншук Маметова.

Гитлеровцы открыли бешеный огонь из минометов. Взрывной волной опрокинуло пулемет. Кровь залила лицо девушки.

Маншук лежала на холодной, сырой земле. Холод земли освежал пылающую голову. Ей казалось, что вернулось далекое-далекое детство, что лежит она на зеленой сочной траве джайляу, а кругом жужжат пчелы. Где-то рядом ревет горный поток. Маншук чуть приподнялась и острая боль пронзила голову. Взор Маншук прояснился и она поняла: это гитлеровцы, они ползли прямо к ней.

Девушка собрала последние силы. Ярость, охватившая ее, заглушила боль. Она ждала: пусть фашисты подползут ближе. Потом, с трудом повернув пулемет, Маншук открыла по ним огонь. Враги отхлынули. А она все строчила и строчила, очищая путь для наступающих.

Даже мертвая, Маншук сжимала рукоятки пулемета окоченевшими пальцами.

Это было 15 октября 1943 года.

* * *

Если вам доведется побывать в Алма-Ате, вспомните: здесь жила, отсюда уехала на великий подвиг казахская

девушка-батыр, Герой Советского Союза Маншук Маметова. Сюда, в дом ее матери, пришло однажды письмо от ее боевых товарищей.

«Дорогой товарищ Маметова Амина!

С глубоким чувством скорби извещаем вас о героической смерти вашей приемной дочери, отважной пулеметчицы, старшего сержанта товарища Маметовой Маншук. Боевая жизнь славной дочери казахского народа товарища Маметовой может служить беспримерным образцом любви и преданности нашей Родине.

Память о славной дочери казахского народа — о Маметовой Маншук — навеки будет в наших сердцах. Ее имя мы будем с гордостью произносить как имя Героя Отечественной войны.

С фронтовым приветом боевые товарищи Маншук».

На одной из улиц Невеля поднялся памятник. На постаменте — бронзовая фигура девушки-воина. Рядом с ней — станковый пулемет. Это памятник Маншук Маметовой. Благодарные горожане переименовали улицу Приамурскую в улицу пулеметчицы Маншук Маметовой, а переулок Торфяной — в переулок Маметовой. Боевые товарищи помнят Маншук, ее помнит вся наша страна, за свободу и счастье которой она отдала свою жизнь.

Н. Уральский

На берегах Ловати

Шла весна 1965 года. Страна готовилась торжественно отметить двадцатилетие Победы над фашистской Германией. Ветераны войны встречались на полях былых сражений. Я приехал в Новосokolьники Псковской области. В январе 1944 года здесь шли тяжелые бои. В одном из них погибла смертью героя Алия Молдагулова. Вместе с товарищами из Новосokolьнического райкома партии, военкомата и райкома комсомола мы отыскивали ее безымянную могилу. А 9 мая на Маноковском братском кладбище, близ поселка Насва, куда торжественно перенесли останки героини, при большом стечении народа открыли обелиск. На одной из его граней была укреплен мемориальная доска с надписью: «Здесь похоронена Герой Советского Союза, дочь казахского народа Алия Молдагулова, снайпер 54-й отдельной стрелковой бригады, погибшая 14 января 1944 года в боях за деревню Казачиха».

Митинг над могилой Алии, поездки в Казачиху, Насву, Починки – по тем местам, где зимой 1943/44 года развертывалась Новосokolьническая операция, всколыхнули память, и перед мысленным взором встали образы боевых друзей – живых и мертвых, ожили картины жестоких боев за каждое поле, за каждый взгорок этой древней псковской земли. Вспомнилось, как сражался 4-й батальон нашей бригады, атаковавший гитлеровцев в Насве.

Позиции фашистов, занимавших оборону на гористом берегу реки Смердель, были очень удобны. Между пози-

циями врага и нашим передним краем лежала труднопреодолимая преграда: лед реки разрывами мин и снарядов был превращен в крошево. Единственным нашим спасением была железнодорожная насыпь, проходившая неподалеку от линии обороны врага за рекой, вдоль скатов гористого берега. Здесь, под прикрытием насыпи, собрались наши подразделения для броска в атаку. Обстановка под Насвой была сложна. Приходилось под огнем противника преодолевать большое открытое пространство, с боем брать сильно укрепленные высоты. Наши атаки то и дело сменялись контратаками фашистов. Одна за другой вспыхивали ожесточенные рукопашные схватки. Все населенные пункты близ Насвы были сметены огнем вражеской артиллерии. А люди должны были выстоять и победить. И они победили.

Я расскажу об одной из тех, кто, не жалея себя, шел здесь под смертный дождь свинца и беспримерным мужеством своим добывал победу. Я расскажу о Лии Молдагуловой.

В начале августа 1943 года в один из вечеров я приехал с передовой. Только присел к столу — звонок из штаба армии.

— Говорит полковник Горохов. Как фашисты, Николай Матвеевич?

Я доложил обстановку на фронте бригады.

— Могу порадовать, — выслушав мой доклад, сказал Горохов. — Команду снайперов к тебе направил.

Это была действительно большая радость: я горячо поблагодарил начальника отдела кадров армии. Снайперы прибыли наутро, выстроились. Я смотрю и глазам своим не верю: ждал бравых парней, а в строю — девчата. Не только в нашей бригаде, но и во всей армии не бывало еще девушек-снайперов. Рассказал им о положении на фронте, пожелал успехов, но мысль о том, справятся ли девчата с работой снайперов, все-таки тревожила. Ну хотя

бы вон та, на левом фланге,— кареглазая, черноволосая, небольшого росточка, совсем еще девочка. По плечу ли ей фронтная служба?

— Кто она?— спрашиваю полковника Андреева.

А она в ответ по-девичьи звонко:

— Снайпер Молдагулова, товарищ гвардии полковник.

— Снайпер?— переспросил я.

— Так точно!

Передо мной стояло хрупкое юное создание. Подумал: «Нет, рано ей под огонь» и отдал полковнику распоряжение:

— У нас есть раненые. Пусть девочка идет на кухню, кормит их.

Но не успел я отойти и пяти шагов, как девочка, оставив строй, преградила мне дорогу.

— Я не картошку приехала чистить, а фашистов бить.

Я, честное слово, опешил. Стою и молчу. А она повторяет:

Да-да, товарищ гвардии полковник, фашистов бить.

Беру у нее винтовку, вынимаю затвор, думаю: «А в каком состоянии у тебя боевое оружие?». Смотрю в канал ствола, а он блестит как зеркало. Открываю чехол оптического прицела, на нем — ни пылинки. Осматриваю приклад и вижу монограмму с гравировкой: «За отличную стрельбу от ЦК комсомола». Возвращаю винтовку. Гляжу в глаза этой девочки. В них решимость бойца.

— Так вот ты какая!— уже не скрываю ни удивления, ни уважения.

А она в ответ:

— Такая, товарищ гвардии полковник.

— Ну что ж,— говорю,— иди, бей фашистов.

Так я впервые встретил Алию Молдагулову. А было ей в ту пору всего лишь восемнадцать. Но она уже успела ощутить дыхание войны, повидать и человеческое горе, и смерть близких.

Мать Лии умерла, когда девочке не было еще и шести лет. Некоторое время росла у бабушки, потом у дяди. А перед самой войной жила в Ленинграде, в детском доме на Охте. Грозовой 41-й застал ее в пионерском лагере на Свири. Там воскресным днем 22 июня услышала она зловещее слово «война», впервые увидела жестокость врага. Над лагерем появились два самолета с черно-белыми крестами на крыльях. Включив сирены, они стали снижаться и с бреющего полета расстреливать детей. Десять маленьких тел, завернутых в простыни, сквозь которые проступала кровь, с той поры почти неотступно стояли перед глазами потрясенной Лии. Девочка вспоминала эти первые жертвы фашистского зверства и в деревне под Ярославлем, куда был эвакуирован детский дом, и в Рыбинском авиационном техникуме, где она училась после семилетки, и в приемной военного комиссара в ожидании решения своей судьбы. Она просилась на фронт. А комиссар, неловко заправляя единственной рукой пустой рукав за пояс гимнастерки, думал, наверное, то же, что чуть позднее думал я: «Ведь совсем еще девочка — восемнадцати нет». Вслух по-отцовски он внушал ей:

— Нет, дочка, иди учись. Кончишь техникум, самолеты будешь строить для фронта.

А она ему отвечает в точности то же самое, что позже и мне:

— Нет, я должна бить фашистов!

После очередного отказа Лия вновь являлась в военкомат и добилась своего. Военком выдал направление: «Комсомолка Молдагулова направляется Рыбинским райвоенкоматом в женскую снайперскую школу для прохождения дальнейшей военной службы». Это была Центральная женская школа снайперской подготовки при ЦК ВЛКСМ. Уже после войны я просматривал архив школы, встречался с сослуживцами и земляками Лии. И передо мной раскрывался прекрасный образ комсомол-

ки, в душе которой загорелась неутолимая жажда бить жестокого врага, посягнувшего на любимую Родину. Вот первый документ, в котором упомянуто имя девушки — приказ начальника школы подполковника Кольчака: «За отличную боевую и политическую подготовку объявляю благодарность Молдагуловой Лие». Ночью, после отбоя, Лия шепнула своей подруге Наде Матвеевой:

— Знаешь, Надюша, я плачу от радости: ведь моя первая награда — благодарность боевого офицера.

У меня в руках рапорт капитана Селифанова: «В период с 19 по 21 июля (1943 г. — Н. У.) рота фронтовиков совершила 75-километровый марш с тактическими занятиями. На протяжении всего похода курсанты держали себя бодро, явных отставаний не было...» Далее шло описание подробностей марша. Среди них нет той, которую я узнал от боевых подруг Лии. Марш был завершен. Уставший капитан стоял перед строем роты и оглядывал шеренги бойцов. Он, мужчина, устал. «А как-во им, девчатам?»— думал Селифанов. Но строй есть строй — здесь не всякому чувству можно давать волю. И офицер почти на крике выдохнул:

— Спасибо за службу!

— Служим Советскому Союзу!

А когда прозвучала команда «вольно», Лия призналась Зине Поповой, подруге, что стояла рядом в строю:

— Знаешь, Зинушка, как ноют ноги и болят плечи от ремней вещмешка и винтовки!

— Я покрепче тебя, да и то мне тяжело,— посочувствовала Зина.

И это все, что сказала хрупкая девочка о тяготах похода. На марше она ни разу не отстала, не подала даже признака той усталости, что давила плечи и наливала ноги свинцом. Лия закаляла волю, характер бойца. Не зря роту курсантов капитана Селифанова называли ротой фронтовиков: в подразделении со дня на день все

ждали приказа об отправке в действующую армию, на передний край.

Я прочитал письма, которые Лия писала своей сестре перед отправкой на фронт. Они потрясли меня родниковой чистотой чувств этой изумительной девушки. Она беспокоится о жизни, здоровье, настроении милой Сапуры, справляется о тетушке Эжеме и других родственниках, ее интересует «жизнь родной республики». Очень сдержанно сообщает о себе: «Ты уже знаешь, что я учусь в снайперской школе, но пока мое письмо достигнет границ Казахстана, мы уже, вероятно, закончим учебу. В настоящее время... находимся в лагерях и готовимся к зачетам. По окончании, наверное, сразу на фронт. Все с нетерпением рвемся туда. Вот уже несколько дней как приезжает к нам смена со всех концов нашей Родины. Мне очень хочется, чтобы приехала хоть одна казахская девушка, ведь в нашем наборе ни одной казашки, кроме меня».

Алия переносит на бумагу пережитое с первого дня войны без нажима, коротко, не тревожа сестру: «Получаю письма от подруг по детдому, они работают в Ярославле ткачихами. Одна в детском доме пионервожатой... Вообще-то писать можно много, если начать с того времени, как мы расстались, но на это у меня нет бумаги... Сколько я пережила, да вообще все мы... кажется, не восемнадцать лет, а целые полвека прожили». И тут же, вслед за приветами, приписка: «Сегодня ходила в лес за цветами. Набрала букет. Лес близко, кругом луга и поля, цветов много, и какие красивые! Вот, чтобы не одной мне наслаждаться, я шло тебе гвоздичку, незабудочку, земляничку. Лия».

Какие тонкие струны звучали в ее душе! Но над родной землей грозным смерчем клокотал пожар войны. И девушка с нежной, чуткой душой поэта мучилась муками Родины и жила священной ее борьбой.

Эшелон с выпускницами снайперской школы, следуя на Северо-Западный фронт, миновал Москву, Калинин, Торжок. Лия часами не отходила от вагонного окна. Взгляд ее впитывал ужасающие картины разрушений — спаленные деревни, руины станций, городов, свежие курганы братских могил.

— Лия, садись ужинать,— звала ее Надя Матвеева.

А Лия, погруженная в себя, шептала:

— Вот так же, как с этими деревеньками, фашисты расправляются сейчас с моим Ленинградом.

И склонялась над белым листком. «Милая Сапура,— писала она сестре,— выехали позавчера, и сегодня, думаем, будем уже у цели. Но точно неизвестно. Куда я держу путь, я думаю, ты и так поймешь. Я сама попросила послать меня в действующую армию...»

Однако в день прибытия девушек-снайперов все это было мне, конечно, неизвестно. Возвратив винтовку Лие, я был в глубоком раздумье: «Справится ли девчонка?». Но фронт дает ответы на такие вопросы быстро: в бою и сильный духом, и слабый раскрываются вполне. Вскоре мне доложили об исходе одной операции, в которой не последнюю роль сыграла Лия Молдагулова.

Нам дозарезу нужен был «язык», но гитлеровцы так зарылись в землю, так замаскировали свои позиции, что разведчики, непрерывно наблюдавшие за их передним краем, вот уже пять суток не могли определить, где удобнее всего подобраться, чтобы действовать наверняка. Вместе с бойцами из группы захвата — Липатовым, Манайдаровым, Серобабой и командиром отделения разведчиков Глушко — не спускала глаз с вражеской линии обороны и снайперская группа Алии. И вот уже на закате, когда в лучах заходящего солнца зарозовели пристывшие лужицы, когда синие тени стали ложиться на землю, Молдагулова засекла врага.

— Товарищ Глушко,— легонько толкнула она отделенного,— в районе третьего ориентира дымок.

Тот припал к окулярам стереотрубы. Точно: около едва приметного кустика дымчатой кисеей чуть курилась синь. Присмотрелись к тому кусту, очертаниям взгорка, тени, падавшей от него, и сомнения рассеялись: третий ориентир — не что иное, как хорошо замаскированное пулеметное гнездо. Командир разведроты старший лейтенант Нищеренко и взводный лейтенант Лутиков разработали план вылазки и группа захвата попластунски двинулась вперед. Молдагулова и ее подруги изготовились к бою — в случае опасности они должны были прикрыть огнем разведчиков. Вот Глушко и Липатов уже под кустом. Но за их спинами вдруг вспыхивает свет карманного фонарика: на смену озябшему пулеметчику пришел другой. Наши разведчики замерли. Как только у пулемета остался один фриц, они тут же накрыли его. Все произошло мгновенно: кляп — в рот, руки — за спину, и скрученного веревками врага разведчики волокут к своим. Минуты через четыре гитлеровцы замечают исчезновение солдата: взвизывается ракета, начинается пальба, но на каждую вспышку Лия и ее подруги отвечают точным огнем. И умолкают фашистские пулеметы, захлебываются автоматные очереди. Даже бывалые солдаты не могут сдержать восхищений:

— Ну и молодцы девчата! Бьют-то как, по-снайперски! Без их помощи вряд ли взяли бы «языка».

Так хрупкая невысокая девушка становилась известным в бригаде бойцом. В ней сочетались превосходные качества, о которых хорошо сказал в одном из писем ко мне Василий Иванович Ефимов, бывший начальник политотдела нашей бригады. «Лию Молдагулову,— писал он,— я помню хорошо... Эта маленькая худенькая казашка казалась мне застенчивой, скромной, и только глаза выдавали ее дерзновенную решительность и го-

готовность пожертвовать собой за правое дело защиты Родины».

Такой она осталась и в моей памяти — немногословная, предпочитающая слушать других, но уж если она говорила, то в слове была и мысль, и чувство. Вероятно, поэтому каждая встреча с ней запомнилась, запечатлелась в памяти.

— Мне восемнадцать лет, — сказала как-то Лия. — А временами мне кажется, что прожила все пятьдесят. Это оттого, что воюю я уже пятьдесят дней. Видела смерть ленинградских мальчишек и девчонок, кровь товарищей. Теперь я сама охочусь за фашистским зверьем. Уже уничтожила пять извергов. Это — за Ленинград. Но я еще не отомстила за всех товарищей, за сожженные города, за молодость, которую отняли у меня фашисты. Я воюю пятьдесят дней и становлюсь воином. Пусть знает мой Казахстан, пусть знают дорогие мои ленинградцы: я буду воином.

Снайперская «охота за фрицами» вошла в повседневную жизнь частей. Несмотря на непрерывность этой «практики», мы не забывали об учебе снайперов. В бригаде время от времени устраивались специальные занятия, организовывались школы снайперов, проводились сборы для обмена боевым опытом. На одном из таких сборов участвовало до двухсот человек. Снайперы для них даже «класс» оборудовали: врыли столбики, на столбики положили обтесанные доски. Получилось почти как в настоящей аудитории. Перед этим «залом» — столик, за столом Василий Иванович Ефимов, начальник штаба бригады подполковник Иван Викторович Рудый, ну и мне, комбригу, здесь же положено быть. Вижу: в первом ряду Лия. Сидит, как всегда, сосредоточенная, положив на колени каску. Присмотрелся, и хотя всякое приходилось видеть, а тут сердце сжалось: на каске порядочная вмятина.

— Что за вмятина?— спрашиваю Лию.

Вместо Молдагуловой рассказывает Зина Попова, потом Надя Матвеева. На правом фланге 4-го батальона, против 3-й роты, у фашистов появился снайпер. Уже больше недели охотились за ним наши лучшие стрелки, но безуспешно. А он нет-нет, да и подстрелит кого-нибудь из наших. Шестерых ранил, одного убил. И тогда майор Моисеев приказал старшине И. И. Варлахину, командиру роты автоматчиков, в которую входила и снайперская группа Поповой, поручить Молдагуловой уничтожить фашиста. Началась охота. Три дня Алия со своей группой безуспешно выслеживала матерого врага, а не четвертый, уже к вечеру, Попова, наблюдавшая за лесной опушкой в стереотрубу, заметила, что, несмотря на безветрие, на одном дереве качнулась ветка.

— Он!— подала Зина знак Лие.

И только взялась за чучело, чтобы высунуть его, отвлечь внимание фашиста на себя, как Лия схватилась за винтовку, да, видно, погорячилась, сказалося нервное напряжение нескольких дней слезки — поднялась над бруствером чуть выше, чем следовало. Этим немедленно воспользовался фашист: грянул его выстрел. К счастью, неточный. Лия тут же расквиталась с врагом. Она отчетливо увидела дымок выстрела, силуэт стрелка и нажала спусковой крючок. Фашист, обламывая ветки, рухнул наземь.

Мы разобрали этот случай и, конечно, пожурили Лию, внушая ей и всем участникам сбора, что самый благородный порыв должен сочетаться с трезвым, холодным расчетом.

— Да, но ведь я все-таки убила фашиста,— слабо возразила Лия.

— Хорошо, что поединок закончился в твою пользу. А не сплеховал бы фашист — тогда что? Может, тебя и не было бы теперь с нами.

...Эти события происходили под городом Холмом, на берегах старинной русской реки Ловати. Правее нас стояли панфиловцы. Мы соревновались за отличное выполнение боевых заданий с полком Баурджана Момышулы. Плечом к плечу с панфиловцами, прославившимися на всю страну подвигом двадцати восьми гвардейцев, выдержали не один натиск гитлеровских войск, а теперь и сами готовились к решающему наступлению. Этим и объяснялась совершенно неотложная надобность в «языке». В нем нуждалась не только наша бригада, но и вся 22-я армия, весь 2-й Прибалтийский фронт.

Майору Моисееву было приказано послать в тыл врага группу разведчиков. Темной ночью двенадцать человек перешли линию фронта. День, проведенный в фашистском тылу, не увенчался успехом. К вечеру разведчики под командованием лейтенанта Гусева добрались к деревне Новички, что в пятнадцати километрах западнее Холма. Здесь оккупанты меньше всего ожидали наших бойцов и все-таки держались осторожно: не выходили за околицу. Нужно было принимать решение. И тут к Гусеву обратилась Лия:

— У меня есть план захвата «языка». Я взяла с собой одежду деревенской девушки...

Она скрылась в кустарнике, а через пять минут перед лейтенантом уже стояла кареглазая дивчина, повязанная клетчатым платком, в юбочке и блузке.

— Шинель, брюки, каску дарю вам,— озорно улыбнувшись, сказала Лия. И в тон шутке погрозила пальцем: — Только не насовсем. Да скорого свидания.

— В случае чего, дай знать. Мы тебя огоньком прикроем,— уже вдогонку сказал ей лейтенант.

И Лия пошла по тропинке неспешно, словно с гулянья возвращалась домой. Поравнявшись с крайним домом, вошла во двор, прислушалась. Из-за резных ста-

вен доносилась чужая речь хмельных мужчин. «Ага, подгуляли фрицы»,— обрадовалась Лия. Оглянулась — на улице ни души. Тихо вошла в сени и резко толкнула дверь в комнату. За столом сидели два гитлеровца. Хозяйка дома хлопотала у печи.

— Матка, млеко,— требовал немец.

— Хенде хох!— крикнула разведчица, выхватив из накладного кармана юбки пистолет.

Тот из немцев, который требовал молока, схватился за кобуру, но тут же рухнул под стол, сраженный выстрелом. Второй оказался благоразумнее и поднял руки. Возвратилась Лия к своим товарищам, когда стало уже совсем темно. Разведчики тут же обыскали, коротко допросили «языка». Это был командир батареи тяжелых орудий обер-лейтенант Тиман.

— Хорошего «языка» добыла, Лиечка,— уже на ходу пожал Гусев руку Молдагуловой. — Генерал будет доволен.

Радист передал в штаб срочное донесение: «Язык» взят. Идем на прорыв». Лишь после того, как разведчики отошли на полкилометра, над Новичками взвились в небо несколько зеленых ракет, донеслись встревоженные голоса фашистов и собачий лай.

— Поздно хватились,— бросил Гусев.

Через линию фронта разведка пробивалась с боем. Приняв донесение радиста, мы поддержали ее огнем. Больше часа шла перестрелка. Наконец с передовой сообщили: «Группа Гусева благополучно возвратилась. «Язык» направлен в штаб». За взятие «языка» Лию представили к награде.

Так Лия становилась опытным бойцом. Она вела «охоту» за фрицами, ходила в разведку, вместе со всеми поднималась в атаки, дралась в рукопашной.

Но особенно ярок был взлет ее духа в бою за деревню Казачиха. Этому бою предшествовали ожесточенные

схватки, которые не стихали несколько суток в районе Насвы. Каждый день мы отбивали по нескольку атак фашистской пехоты, наступавшей во взаимодействии с танками. В самой Насве отдельные кварталы и даже дома по нескольку раз переходили из рук в руки. Лия все это время была в первых рядах своего 4-го батальона. От ее метких пуль под Насвой навек легли в псковскую землю больше тридцати фашистов.

День 12 января 1944 года был особенно тяжелым. 4-й батальон уже пробился на западную окраину Насвы. Фашисты вновь бросили против него пехоту и танки. И тут случилась беда: выбыл из строя командир роты автоматчиков, той роты, где служила Лия. Гитлеровцы все усиливали натиск. В критическую минуту Лия вскочила и крикнула:

— Братья, казахи и русские, за мной!

И бросилась вперед. Увлеченные примером, солдаты устремились в атаку. Соседний батальон, видя, что 4-й атакует, тоже пошел вперед. К вечеру Насва была взята.

Когда завязался бой за деревню Казачиха, Лия была в первой цепи атакующих. Она первой ворвалась в траншею врага и, длинной очередью из автомата уничтожив восьмерых фашистов, схватилась врукопашную с офицером. Этот острый эпизод боя по горячим следам событий был отражен в листовке, которая потом распространилась в войсках. Вот он, этот документ: «...немецкий офицер схватил Лию. Она вырвалась и мгновенно направила свой автомат в его грудь. Но немецкий бандит успел выстрелить, потекла кровь по ее смуглому лицу, руки ослабли. Но она не выпустила автомата. Отважная комсомолка собрала последние силы и дала длинную очередь по фашисту. Гитлеровец упал. Это был последний (78-й — Н. У.) немец, убитый уже умирающей девушкой-героем».

Так 14 января 1944 года в 16 часов дня в районе деревни Казачиха Новосокольнического района Псковской области погибла смертью героя славная дочь казахского народа Лия Молдагулова. А 17 января со всеми воинскими почестями Лию похоронили у деревни Починки. Бригада же, развивая наступление, гнала врага все дальше на запад. Закаленные в боях батальоны мстили за павших под Насвой и Казачихой, за нашу любимую Лию.

Бригада была уже далеко от этих мест, когда из ЦК комсомола Казахстана пришло письмо, в котором от имени комсомольцев республики бойцам и партийной организации соединения выражалась благодарность за то, что они воспитали такого храброго, стойкого воина, каким была их землячка Лия. А несколько позднее, 4 июля 1944 года, Указом Президиума Верховного Совета СССР Лии Молдагуловой посмертно присвоено звание Героя Советского Союза.

Митинг на Манокновском кладбище, открытие обелиска над новой могилой героини до глубины души взволновали меня. Я давно уже собирал материалы о жизни и подвиге знаменитого снайпера нашей бригады. После поездки по местам боев с помощью сотрудников Главного управления кадров Советской Армии разыскал В. И. Ефимова, бывшего начальника политотдела нашего соединения. Василий Иванович очень хорошо помнит и бои за Насву, Казачиху, и подвиг, совершенный там Лией Молдагуловой. Вот что написал он мне в конце 1965 года:

«Дорого фашисты заплатили за Алию. Окопы были завалены их трупами, ими же было усеяно и поле преследования.

Алия спасла жизнь не только своего (4-го — Н. У.), но и соседних батальонов. Она спасла бригаду от полного разгрома, который нависал над ней, и обеспечила своим благородным поступком выполнение задачи брига-

дой. Вот за это Лия Молдагулова и была представлена нами к званию Героя Советского Союза».

Письмо В. И. Ефимова я опубликовал в газете Новосокольнического района «За урожай». Жители этого района свято чтут память Лии. В самой Казачихе, где погибла героиня, сельчане установили мемориальную доску в память о бессмертном подвиге. В летнем парке районного центра Новосокольники установлен бюст Лии Молдагуловой работы скульптора П. М. Криворуцкого, а в Насве имя Лии Молдагуловой присвоено средней школе.

В 1965 году во дворе одной из чимкентских школ дети выстроились на линейку по случаю традиционного праздника первого звонка. Но на этот раз праздник был особенный — открывался памятник Лие Молдагуловой. Со скульптуры соскользнуло покрывало, и взорам собравшихся открылась фигура девушки-солдата. Из-под тонких, словно ласточкины крылья, бровей — взгляд, устремленный вдаль. Что она видит там, за голубою дымкой? Может быть, околицу деревни Казачиха? И кажется, что Лия вот сейчас спросит меня словами песни, которую она любила:

Ты помнишь, товарищ,
Как вместе сражались,
Как нас обнимала гроза?

Нет, не сразила тогда, в 44-м, вражья пуля нашу
Лию!

Н. Четвергов

Девушка из легенды

В свое время имя ее гремело по всему Донскому фронту. Вряд ли фронтовые газеты писали о ком-нибудь столько, сколько было написано о ней. Молва о подвигах санинструктора Марии Кухарской докатилась даже до далекой Латинской Америки, и девушки Аргентины прислали ей посылку.

Когда она выписалась из госпиталя после ранения, командование дивизии устроило митинг по случаю ее возвращения в часть, на передовую, где шли бои за Сталинград.

Эта маленькая хрупкая девушка — в то время ей был только двадцать один год — вынесла с поля боя четыреста восемьдесят солдат и командиров. Одной из первых среди санинструкторов ей была вручена высшая награда Родины — орден Ленина. В числе других девушек-фронтовичек (женщины в Параде Победы не участвовали) Мария Кухарская летом 1945 года была приглашена на беседу к всесоюзному старосте Михаилу Ивановичу Калинин.

С далекой Брянщины в село Ленинградское Кокчетавской области приехали два фронтовика, награжденные в общей сложности двадцатью двумя орденами и медалями, — Мария Кухарская-Смирнова и ее муж, Николай Смирнов. Приехали вместе с детьми осваивать целину, начинать новую жизнь в необжитом краю. Это было продолжением подвига двух бывших офицеров, коммунистов, фронтовиков, прошедших путь от стен Сталинграда до Дрездена и Праги.

В октябре 1973 года Марии Петровне Международный совет медсестер, работающий под эгидой Международного комитета Красного Креста, присудил высшую награду — Международную медаль имени Флоренс Найтингейл.

Песня в степи

— Эй, поберегись!— крикнул водитель грузовика, младший сержант. Машина грозно взревела. Девушки-студентки, стоявшие около автовесов, бросились врассыпную. Анатолий показал им язык. Раздался взрыв смеха.

— Подайвай,— улыбаясь, сказала весовщица.

Машина осторожно двинулась на площадку весов и замерла на месте.

— Ты сегодня какую езду делаешь?

— Четвертую. А что?

— Молодец. Медаль заработаешь.

— Это уж точно,— пряча накладную в карман, ослепительно улыбнулся сержант.

К его машине подошла полная пожилая женщина в сопровождении директора совхоза.

— Вы куда возите хлеб?— спросила она у водителя.

— На Даутский элеватор.

— Я с вами поеду.

Женщина повернулась к директору и продолжила прерванный разговор:

— В детский комбинат вы, видно, давно не заглядывали. Ребят кормят одной лапшой и кашей. И это в сентябре, когда вдоволь овощей, фруктов. Порядка в помещениях нет, масса мух. Словом, полная антисанитария.

Совхоз в тот год собрал полтора миллиона пудов хлеба. Двадцать часов в сутки директор пропадал в поле, на току, хлебоприемных пунктах. До детского комбината ли ему было? Но он слушал женщину внимательно, делая какие-то пометки в блокноте.

— Докладывать никому не буду. Надеюсь, выберете время и заглянете к малышам,— закончила женщина и, открыв кабину, неожиданно легко вскочила на подножку.

— Не сомневайтесь, Мария Петровна, заеду,— заверил ее на прощанье директор.

— Надеюсь. — Она крепко пожала руку директору, потом повернулась к водителю:

— Ну что, едем, товарищ младший сержант?

— Едем.

Немного помолчав, он сказал:

— А вы строгая — даже директор вас вон как слушает, а он человек с характером.

...Патронажная медицинская сестра Кухарская-Смирнова всю уборку колесила по совхозам. Район огромный: пятнадцать хозяйств, три десятка населенных пунктов, в садах и яслях полторы тысячи ребятишек. Осмотр маленьких пациентов, беседы с их матерями, встречи с руководителями совхозов и отделений, бесконечные просьбы и требования — да мало ли дел у патронажной сестры районной больницы.

Около тридцати лет прошло с тех пор, как приехала Мария Петровна сюда. Сколько воды утекло за это время. Дочери выросли, имеют своих детей. Сединой покрылась голова мужа, Николая Макаровича, да и у самой серебрятся волосы. Жизнь в целинном совхозе не прошла бесследно. Детская смертность сократилась, а теперь вообще сходит на нет. Сколько писем-благодарностей от родителей получила она — не перечесать.

Машина продолжала свой бег по грейдеру.

— Много служить осталось?— первой прервала молчание Мария Петровна.

— Какой там. Уже и документы на увольнение оформили, а тут вызывает командир роты и говорит: «Сдайте проездные документы и готовьте свою машину. Сегодня вечером погрузка и отъезд на уборку хлеба. Задача ясна?».

Поездка на целину вполне устраивала Анатолия. Он

знал, что деньги, заработанные на перевозке хлеба, дома не помешают: отец-инвалид, работает колхозным сторожем, живут они скромно.

— Закончил служить, говоришь? Будущее-то свое определил?

— А как же? Буду крутить баранку в родном колхозе.

— А родители чем занимаются?

— Батя в колхозе сторожует, маманя на пенсии. Занятый у меня отец. На гармошке играет, песни поет. Танцевать, говорят, любил, да вот с войны без ноги вернулся. Отца ранило осколком снаряда, а ногу оторвало после возвращения из госпиталя, когда началось наше наступление. Он воевал в 66-й армии.

— В 66-й, говоришь?— встрепелась Мария Петровна. — А в какой дивизии?

— Не знаю. Кажется, в армейском батальоне связи. Батя у нас памятный, каждую мелочь помнит с войны.

— А про Жадова он что-нибудь рассказывал?

Мария Петровна заметно волновалась, напряженно глядела на сержанта. Казалось, от его ответа зависело многое.

— Как же. Он был командармом 66-й. Вы так спрашиваете, как будто сами воевали под Сталинградом.

— Это очень важно для меня,— сказала Смирнова.

— Вот была битва... Сколько лет прошло, а батя чуть не каждый день про нее вспоминает. Армия в нескольких километрах севернее города стояла. Ее части все время бросали в бой, чтобы отвлечь гитлеровские войска от Сталинграда.

— Да ты настоящий стратег,— засмеялась женщина.

— Еще какой,— улыбнулся Анатолий. — Воспоминания Жукова, Василевского от корки до корки проштудировал.

Парень умолк и вдруг тихо запел. Мотив песни, кажется из кинофильма «Остров сокровищ», был знаком. Там пела девушка. Ну да, «Я на подвиг тебя провожала...» Музыка, кажется, Никиты Богословского. А слова? Да ведь это те, сталинградские...

Машина мчалась по грейдеру, а водитель напевал. В мыслях он, наверное, был сейчас где-то далеко, может быть, дома с отцом или со своей девушкой. Мелодия была грустная, но песня звала на бой, на подвиг.

— Погромче, шепотом попросила Мария Петровна.
И парень запел:

Мы на выручку
Волжской твердыне
По степям и оврагам идем.
Об отважной дивчине,
О своей героине,
О Марусе Кухарской поем.
 Пойте так,
 Чтобы песня гремела
 И в атаках не знала преград.
 Слава девушке смелой,
 Самой храброй из наших девчат.
Никогда не забудет Отчизна
Боевой санитарки дела,
Как в атаку мы шли с ней,
Как четыреста жизней
В сраженьях Маруся спасла.
 С бинтами и ватой,
 С дружком-автоматом,
 Сквозь пули, разрывы, пожар,
 Не горюя, не трусая,
 В бой выходит Маруся
 Отважный боец-санитар.

Анатолий умолк. Молчала и Мария Петровна. Дорога повернула к элеватору.

— Откуда ты знаешь эту песню?

Пассажирка была взволнована, почему-то покраснела, достала носовой платок и смахнула скользнувшую по щеке слезу.

— Что с вами?— спросил Карамышев. — Вам плохо? Песню эту часто пел отец. Выпьет на праздник, возьмет гармошку и поет. Поет, а у самого слезы бегут, как у вас сейчас. Отец часто говорил в такие минуты: «Вот люди были. Смерть за плечами стояла, косила всех подряд, а они сочиняли песни, пели их под огнем врага. Ничего не боялись — ни бога, ни черта».

Машина подъехала к элеватору. Анатолий взял накладные и пошел в лабораторию. Мария Петровна тоже вышла из кабины, размялась. «Сказать или не сказать?— думала она. — Не поверит». Когда солдат вернулся, она подала ему блокнот.

— Запиши адрес своего отца. Спасибо, сынок, что довез. И за песню спасибо.

Положив в сумочку блокнот, Мария Петровна пошла искать попутную машину: до Ленинградского оставалось проехать еще десять километров.

А история создания песни такова. В 1942 году под Сталинградом начальник политуправления Донского фронта Сергей Гладжев вызвал поэта Евгения Долматовского и сказал, что нужны песни о героях фронта. Но композитора на фронте не было, поэтому они решили: надо писать стихи на знакомые мелодии, может, ввести даже специальную рубрику в газете «Красная Армия».

Тогда поэт и узнал про Марию Кухарскую, побывал в ее дивизии, дислоцированной тогда в районе Дона. Слова песни напечатали в газете, а потом на листовке. Песня понравилась, ее пели на фронте.

Фронтовой подвиг Марии Кухарской начинался так...

Накануне

Слободка, прилепившаяся к Одессе, буйно зеленела. Высоченные груши и раскидистые сливы скрывали черепичные крыши. Сад Анастасии Кухарской был тих и уютен. Сквозь его деревья белели платья девчат, которые собирали сохранившуюся кое-где черешню.

Со станции донесся длинный гудок паровоза, закончившийся коротким, отрывистым.

— Девочки, опять красноармейцы едут,— крикнула Марийка. Спрыгнув с черешни, она пулей помчалась к железнодорожной насыпи. За Марийкой побежала младшая сестренка Вера и подруги.

Вскоре девчата вернулись.

— Ну что там, Марийка?— спросил дел Опанас, сидевший на завалинке.

Марийка Кухарская — самая старшая из подруг. Уже пять лет она вместе с братишкой и тремя сестрами живет без отца. Растет задумчивой, серьезной. Все каникулы помогает матери обрабатывать сахарную свеклу, а вечерами ходит на занятие сандружинниц.

— Состав на целый километр растянулся,— обстоятельно рассказывала Марийка. — Солдаты молодые, рослые. Говорят, что они из Сибири. А на платформах, под брезентом,— пушки, в вагонах — лошади.

— Значит, артиллерийская часть,— со знанием дела заключил дед Опанас.

На курсы сандружинниц, организованные при Словодской железнодорожной больнице, записались все выпускницы класса. Сагитировала их участковый врач Маргарита Евгеньевна — энтузиастка военно-санитарной подготовки девушек. Вопрос обсуждался на заседании комсомольского комитета школы и в комсомольской группе. Марийка выступила на комсомольском собрании класса.

— Все ребята учатся стрелять на курсах ворошиловских стрелков. А мы чем хуже? Или забыли: «Если завтра война, если завтра в поход, то сегодня к походу готовься»,— горячо убеждала она.

Спокойная, рассудительная Надя Слива тихо, но веско возразила:

— Половина девчат нашего класса решили поступить в мединститут. Зачем же нам изучать санитарное дело, если

изучим его в вузе? Давайте лучше запишемся на курсы ворошиловских стрелков.

— Правильно, я хочу стать снайпером,— крикнула с места Люба Тягун. — Выдумали — учиться на сандружинниц, стирать бинты, перевязывать раны — еще неизвестно, будет ли у кого. Подаемся в ворошиловские стрелки!

— Девочки, воевать будут мужчины, а мы выносить раненых с поля боя,— не сдавалась Марийка. — Что может быть благороднее — спасти бойцов, помогать им быстрее возвратиться в строй, чтобы они били врага пуще прежнего. Вспомните Флоренс Найтингейл, знаменитую сестру милосердия. А русский хирург Н. И. Пирогов! Он первым предложил привлекать женщин в армию в качестве медицинских сестер.

Маша Кухарская, разумеется, не знала, что скоро будет война, что ей суждено спасти сотни бойцов и командиров, что в первые же дни войны уйдет она на фронт и станет санинструктором, а затем командиром санвзвода. Марийка была комсоргом и старостой курсов. Она никому не спускала нерадивого отношения к учебе.

Маргарита Евгеньевна встретила Марийку в коридоре больницы.

— Хорошо, что пораньше пришла,— сказала она. — Сегодня нам надо провести занятие, не предусмотренное программой — вынос с поля боя раненых. Собери ребят. Они у нас будут играть роль раненых.

— Почему играть?— воодушевилась Марийка. — Все должно быть как на войне.

— Мы не знаем, как будет на войне, дорогая Маша. Тренироваться, приобретать необходимые навыки — вот наша задача на сегодня.

— Понятно, Маргарита Евгеньевна...

И вот занятия начались. Высокий, плотный Беркович упал на траву. Марийка достала индивидуальный пакет, начала перевязывать его. Вокруг «раненого» и «санитара» собрались сандружинницы и ребята.

— Ну что же вы стали?— задорно спросила Марийка. И вдруг, свистнув, громко крикнула:

— Мина! Ложись!— И упала рядом с Берковичем.

Первой, прикрыв руками голову, распласталась на земле Маргарита Евгеньевна. За ней последовали остальные.

— Отбой, перевязывать раненых!— скомандовала Марийка и первая взялась за бинты. Она умело наложила шины на ноги раненого, взвалила его на плечи. Попробовала идти, но он оказался слишком тяжелым.

— Не так, не так, Маша,— поправила Маргарита Евгеньевна. — Надо вытаскивать его на плащ-палатке — так легче передвигаться.

Она ловко положила Берковича на плащ-палатку, привязала к ее углам лямки и медленно поползла вперед, опираясь на свободную руку и подтягивая натренированное тело.

— Теперь я сама,— отстранила ее Марийка.

Через минуту она была мокрая, словно мышонок. Не хватала воздуха, немело тело. Девушка оглянулась назад и увидела, что проползла не более десяти метров. А оставалось еще по крайней мере пятьдесят.

— Брось, Марийка,— уговаривал ее Беркович. — Во мне же около семидесяти килограммов.

— Ну и пусть,— выдохнула она и медленно поползла дальше. Девушка чувствовала, что сейчас на ней сосредоточено внимание всех сандружиниц и поэтому напрягла усилия, метр за метром продвигаясь вперед.

Глядя на Марийку, Маргарита Евгеньевна подумала: «Эта хрупкая девчушка в трудную минуту не подведет».

Война

В июне 1941 года Марийка получила аттестат зрелости и небольшую книжечку сандружинницы. Всю ночь девушки бродили по Слободке, не раз возвращались к своей школе. А не следующий день наступило двадцать второе июня...

«Если бы неделю назад,— писала она в своем дневнике тогда,— мне сказали, что я буду сидеть в подвале, прижиматься к холодной, скользкой стене, дрожа от страха, я бы ни за что не поверила. Как все было чудесно: сдан последний экзамен в школе, впереди — поступление в институт, все прекрасно, как мечта.

Навсегда запомню: июньское солнце, площадь, море голов, поднятых к громкоговорителю, и страшное слово: «война».

Эти строки я пишу в медсанбате, куда меня взяли не то медсестрой, не то санитаркой.

Вчера сказала маме, что уйду на фронт с одной из медико-санитарных частей Красной Армии. Было много слез, но я настояла на своем. И вот на мне белый халат. Сегодня снова при виде глубокой раны упала в обморок. Очнулась и первая мысль — непременно выгонят.

— Я ничего, я привыкну,— с трудом выдавила из себя.

Хирург ничего не сказал, только грустная улыбка мелькнула и тут же исчезла с его бледного усталого лица.

Пришел начальник медсанбата.

— Сегодня уходим,— сказал он. — Может, останешься с матерью? Мы тебя еще не оформляли.

— Нет, я с вами,— как можно тверже сказала я.

— Смотри, возможно, тебе придется расстаться со своими не на месяц и не два, а на годы,— предупредил начальник.

— Я это знаю».

28 июля наш фронт на юге дрогнул. Потянулись автомашины и конные повозки с ранеными. Маша бегала от одной повозки к другой, поправляла повязки, чем могла помогала бойцам.

Вечером над отступающими пролетел самолет-разведчик, а позже с запада послышался гул бомбардировщиков.

Позже Кухарская запишет в своей дневнике:

«Это был какой-то кошмар, дурной сон. Лошади ржали, автомобили рассредоточились по степи. Кто-то громко крикнул: «Ложись». Я упала в высохшую траву. Рядом со мной промчалась повозка. Кругом взрывы, комья земли падали на меня. Я прижалась к земле, охваченная ужасом. А бомбы падали все чаще. Одна из них попала в повозку с ранеными. Потом я почувствовала боль в ноге. Подумала: «Ранена».

Да, это было мое первое ранение. Случилось это восьмого августа. Пришлось сесть в машину, набитую ранеными. И снова бомбежка».

Ехала вместе с отступающими частями. Вскоре показался Бердянск. В бывшем санатории развернули госпиталь. Мария разыскала начальника госпиталя, сдала раненых и с первым же санпоездом выехала в Ростов-на-Дону, куда только что прибыла сформированная в Ставрополе 343-я стрелковая дивизия. Ее зачислили в санвзвод, выдали красноармейскую книжку и медальон для адреса, личное оружие. С этой дивизией Мария Петровна Кухарская прошла по всем дорогам войны, которая закончилась для нее 9 мая 1945 года в Праге.

Из письма бывшего начальника политотдела 343-й стрелковой дивизии Антона Кирилловича Ткаченко:

«В октябре 1941 года в одной из рот нашего батальона появилась небольшого роста девушка с короткой стрижкой русых волос и синими глазами. Она чем-то напоминала разбитного мальчишку-подростка, которому и море по колено. Я тогда был старшим адъютантом батальона. Наша 343-я стрелковая дивизия, сформированная на Северном Кавказе, была переброшена под Ростов-на-Дону... Все мы были еще не обстреляны, и нас несколько шокировал залихватский вид санитарки, ее наигранное, как нам казалось, бесстрашие при бомбежках.

Это была Мария Кухарская. А вскоре бойцы нашей роты и батальона узнали, что бесстрашие ее — не игра,

а выдержка, стойкость, желание показать другим, что бомбежка не так страшна, если лечь в отрытый окоп, в ложбинку или размытую колею дороги. Ведь она по сравнению с нами — опытный боец, была ранена и контужена. Потом мы узнали, что это действительно героическая девушка...»

Под Ростовом-на-Дону

Мне повезло. Работая в Подольске, в архиве Министерства обороны СССР, я разыскал донесения 343-й стрелковой дивизии, подписанные комиссаром штаба И. Водопьяновым, ныне председателем совета ветеранов 97-й гвардейской (бывшей 343-й) стрелковой дивизии.

Вот это донесение:

«В середине ноября для нашей дивизии наступили тяжелые времена. Еще 5 ноября мы стояли далеко западнее Ростова, а 21-го немцы уже захватили город. В это же время войска нашего Южного фронта перешли в контрнаступление, создав угрозу тылу и флангу фашистов, прорвавшихся к Нижнему Дону. Развивая наступление, советские войска 29 ноября отбили Ростов. Это был первый крупный город, освобожденный Красной Армией с начала Великой Отечественной войны. Первая ласточка, предвестившая наступление наших войск сначала под Тихвином, а затем и под Москвой.

Во время наступления наших войск на Ростов я получил боевое донесение из штаба 1151-го стрелкового полка. В нем говорилось, что санинструктор Кухарская в течение двух дней вынесла и вывела с поля боя 16 военнослужащих, в том числе четырех сержантов и старшин и одного лейтенанта».

Полковник в отставке Водопьянов в годы войны не знал, что спасенный Марией Кухарской лейтенант Юрий Андреевич Науменко дослужится до звания генерал-пол-

ковника, а после войны будет командовать дивизией, корпусом, армией, Приволжским военным округом.

Шли бои за станицу Гниловскую.

«К этому времени,— рассказывает Мария Петровна,— меня назначили санинструктором и присвоили звание старшины. Я уже была обстреляна, научилась при передвижении по-пластунски использовать воронки, ложбинки, окопы. 24 ноября 1941 года разгорелись бои за станицу Гниловскую. Я искала на «ничейной» земле раненых, прятала их в воронки и там перевязывала. Поздно вечером перетасила их на плащ-палатке на берег Дона и уложила под лодки. На следующий день раненых было уже шестнадцать человек. Куда их девать? Лейтенант Науменко посоветовал:

— Иди вниз по реке, недалеко отсюда должен быть штаб нашего полка.

Действительно, километрах в двух нашла штаб. Мне дали четыре подводы с ездовыми. Раненых доставила в санчасть 1151-го стрелкового полка, а позже — в эвакуационный госпиталь дивизии».

Так началась нелегкая работа Марии Кухарской по спасению раненых.

Газета Донского фронта «Красная Армия» в период Сталинградской битвы отводила целые страницы показу опыта лучших санитаров. В номере за 9 января 1943 года в статье «Забота о раненом на поле боя» газета писала: «У таких санитаров-инструкторов, как Мария Кухарская, раненый не останется долго без помощи. Она изучает местность, где проходит бой, замечает, кто и где из бойцов находится, отрывает непосредственно у переднего края блиндаж или окоп, в котором можно сделать перевязку, укрыть раненого от огня. У рачительного санитаря все под рукой: перевязочный материал, шины, плащ-палатка для транспортировки раненых, носилки. Такой медработник олицетворяет собой заботу Родины о раненом бойце».

После освобождения Ростова-на-Дону началось наступление наших войск на запад. Однако под Таганрогом немцы стянули крупные силы, поэтому пришлось занять оборону.

Водопьянов рисует схему обороны 343-й стрелковой дивизии и комментирует:

— Вот здесь вместе с артиллерийским полком стоял в обороне 1151-й стрелковый полк. В двухстах метрах в выработанном карьере — немцы. Их позиции были предпочтительнее — карьер позволял фашистам глубже зарыться в землю. Западнее — дорога, за которой фашисты незаметно от нас сосредоточили артиллерию. После вражеского артналета, нацеленного на наши 76-миллиметровые пушки, артиллеристы вывели лошадей из укрытия, прицепили к ним пушки и стали отступать. Немцы воспользовались этим: они расстреливали прямой наводкой наши батареи, били по лошадям.

Сию на командном пункте дивизии и вдруг слышу шум, выстрелы из пистолета. Выскочил на улицу и вижу такую картину: посредине улицы стоит совсем девочка с пистолетом в руках и кричит: «Назад, иначе всех перестреляю! Пехотинцев оставили, а сами бежите в тыл?».

Гляжу, артиллеристы остановились. А немцы продолжают палить. Девушка забежала в тыл отступающим и командует: «За мной!». Пушки повернули в сторону передовой, так что моего вмешательства не потребовалось. Подхожу к ней:

— Кто такая?

— Санинструктор первой роты первого батальона 1151-го стрелкового полка Кухарская.

— Молодец, действуй так же и впредь.

Доложил о поступке Кухарской командиру дивизии.

— Похвально, — сказал он. — Ну-ка, позови ее сюда.

Зашла Мария.

— Если бы не комиссар, который все видел своими глазами, ни за что не поверил бы, — сказал Чувашов. — Героиня, настоящая героиня. Теперь к делу. Видишь

сама — находимся в глухой обороне, окопались. Главное тут — разведка. А у нас в разведроте нет санинструктора. Пойдешь?

— Какой разговор?— ответила Кухарская.

— Ну вот и хорошо. Сейчас получишь приказ о переводе.

Для тех, кто идет в разведку очень важно знать: в случае ранения он будет вовремя перевязан, а при тяжелом — вынесен или выведен к своим. Поэтому назначение санинструктора Кухарской в отдельную разведроту бойцы и командиры восприняли с радостью. Они знали о бесстрашии девушки и ее хладнокровии. И все-таки командир роты, отправляя группу на задание, всегда спрашивал у Марии:

— Пойдешь?

— Зачем вы задаете этот вопрос? Конечно, пойду.

Потянулись будничные фронтовые дни. Чуть ли не ежедневно ходила Мария с разведчиками в тыл врага. Ночью просачивались сквозь боевые порядки врага, засекали огневые точки. Иногда заходили в далекий тыл противника, оставаясь там на несколько дней.

Рассказывает заместитель начальника разведки 343-й стрелковой дивизии Владимир Николаевич Веденский:

— Как-то летом 1942 года штабу срочно потребовался «язык». Командир разведроты и я отобрали группу бойцов из пяти человек. Как обычно, вызвалась идти Маруся Кухарская. Было это в излучине Дона, наши войска отступали к Сталинграду. Разведка при отступлении особенно трудна. Здесь может случиться всякое. На этот раз все было намного проще. Только разведчики выползли из пшеницы, как послышался стук колес. В повозке, наигрывая на губной гармошке, сидел рыжий немец лет сорока. Когда он проехал, один из разведчиков заскочил сзади в повозку и вырвал у фашиста автомат. Мария сунула немцу в рот индпакет, села и погнала лошадь через поле.

В повозке оказалась полевая почта. Мы узнали номера многих немецких частей, а в дальнейшем использовали письма для контрпропаганды.

Много славных боевых дел было на счету Кухарской, в том числе и взрыв моста через Северный Донец в районе Изюма, где немцы приблизились к правому берегу реки. Эта дерзкая операция позволила дивизии организовано отойти в направлении Ворошиловграда, сохранить технику и живую силу.

Из записи беседы с командующим Приволжским военным округом Героем Советского Союза генерал-полковником Юрием Андреевичем Науменко:

«Смирнову-Кухарскую отличали мужество, бесстрашие, выдержка на поле боя и твердая воинская дисциплина. В битве под Ростовом-на-Дону я был ранен. Кухарская вывела меня с поля боя. Беззаветную храбрость проявила она в разведывательных операциях.

В свое время я был начальником штаба и командиром 289-го гвардейского полка, в котором служила и Мария Петровна. Могу сказать, что она до конца выполнила свой долг. Особенно неоценимы ее заслуги в битве под Сталинградом, где в высшей мере проявились лучшие качества Кухарской как пламенного патриота своей Родины. Такой человек навсегда останется в памяти своих однополчан».

Сталинград

Шла битва на Волге. В распоряжение командира 402-й отдельной разведроты 343-й стрелковой дивизии прибыла девушка лет двадцати. Русая прядь волос, выбившаяся из-под пилотки, опускалась на лоб и от этого она казалась совсем юной. Поношенная, но тщательно отглаженная гимнастерка, ладные кирзовые сапоги, туго затянутый ремень, аккуратно пришитые погоны старши-

ны медицинской службы — все говорило о том, что девушка уже служила в армии и хорошо знает ее порядки.

Старшина строевым шагом подошла к командиру роты, ловко щелкнула каблуками. Вскинув руку к пилотке, отрапортовала:

— Товарищ капитан, старшина медицинской службы...

— Маруся!— капитан бросился к девушке. — Ты ли это?

Бойцы окружили старшину, заговорили:

— Снова к нам, значит.

— Братцы, а худющая какая стала...

— Тебя бы так осколок хватил — год бы отлеживался.

А она — два месяца.

— Ну, теперь смело можно в бой идти — Маруся выручит.

— Хватит вам тормозить ее,— сказал пожилой старшина роты. — Пусть пообедает сначала. А то она в госпитале настоящей солдатской каши с мясом, поди, и не видела.

В это время командир роты накручивал полевой телефон. Наконец с противоположного конца провода раздался знакомый голос:

— Слушаю.

— Товарищ Хозяин,— взволнованно выдохнул капитан.

— Старшина Кухарская вернулась из госпиталя.

— Вот и отлично,— оживился командир дивизии Анциферов. — Погоди-ка минуту, я с начальником политотдела посоветуюсь. — Вот что,— продолжил комдив через некоторое время,— собери разведчиков в укрытие и проведи митинг по поводу возвращения ветерана части из госпиталя. Тут подполковник подсказывает, что у вас есть заявление Кухарской о приеме в партию. Прямо на митинге и примите.

На следующий день газета «Красная Армия» так опишет это событие:

«Н-ская часть. Здесь состоялся митинг, посвященный возвращению в строй после ранения знатного санинст-

руктора Марии Кухарской. Имя Марии Кухарской, награжденной орденом Ленина, известно далеко за пределами части.

Тепло встретили ее возвращение бойцы и командиры. Выступающие на митинге приветствовали боевую подругу, желали ей новых успехов на поле боя. На митинге отважную патриотку приняли кандидатом в члены партии Ленина.

Кор. «Красной Армии» капитан И. Поляков, старший лейтенант Б. Шутой».

Через несколько дней в полосе обороны дивизии провели разведку боем. Бой затянулся. В этом крошечном аду какое-то чудо спасло Марию, передвигающуюся попластунски, от пуль и осколков. Она подползала к раненому, укладывала его на плащ-палатку, перетаскивала в ближайшую воронку, перевязывала и снова ползла, не обращая на пули внимания...

Как драгоценные реликвии листаю пожелтевшие от времени подшивки газет. В «Красной Армии» за октябрь 1942 года в статье «Девушка — орел» читаю: «Ее знают в части все. И любят. Когда подразделение идет в атаку, вместе с бойцами в одной цепи и М. Кухарская. Как орел, облетает она поле боя, и ни один раненый не останется без помощи.

Десятки писем получает героиня из госпиталей. Раненые благодарят ее за то, что она сохранила им жизнь. Сегодня Кухарская на передовой, она в первых рядах борцов за Сталинград».

Дивизионная газета «Героический поход» рассказывает об отважной девушке: «Среди гула канонады и пулеметной стрельбы бойцы снова услышали голос санинструктора Марии Кухарской. Она для каждого раненого находит теплое слово, каждого подбодрит — и словно сил прибавляется у бойца. Первые слова раненого, увидевшего в кро-

мешном аду женщину с санитарной сумкой: «Сестричка, родная, ты здесь?».

С песней и шуткой уходит комсомолка Мария Кухарская на поле боя. Ее неисчерпаемая бодрость и жизнелюбие передаются бойцам».

В другом номере дивизионной газеты: «За последние дни боев старшина Кухарская вынесла с поля боя более тридцати раненых. Командование представило ее к очередной награде».

На первой полосе этого номера помещен рисунок: Мария перевязывает командира, тяжело раненого в голову. Нарисовал ее фронтовой художник, казахстанец Василий Белоусов, до войны работавший в газете «Кокчетавская правда».

Еще один номер «Красной Армии». В передовой «Подвиг Марии Кухарской» говорится:

«Подвиг Марии Кухарской достоин славы... Она лучший санитарный инструктор нашего фронта. Каков бы ни был вражеский огонь, какие бы трудности не приходилось преодолевать, отважный санитарный инструктор приходит на помощь раненому. Кухарская знает — каждая минута промедления стоит бойцу крови».

С волнением продолжаю перелистывать пожелтевшие страницы, отпечатанные где-то в блиндаже на небольшой тигельной машине, которая приводилась в движение ногой. Почти в каждом номере нахожу имя отважной девушки.

Марию знали не только на Донском фронте. В книге «Провал операции "Цитадель"», посвященной разгрому немецких полчищ на Курской дуге, приводится песня, которую распевали бойцы Степного фронта:

Вспомним, братцы-сталинградцы,
Про горячие дела.
Про Кухарскую Марию,
Как она в разведку шла.
Ох и жарко было фрицам!..

Мария Кухарская делилась с подругами опытом работы на поле боя, давала советы, как лучше и быстрее перевязывать бойца, доставить его в безопасное место.

24 октября 1942 года. «Красная Армия» посвятила ей целую полосу. На всю полосу — «шапка»: «Я — санитар» и заголовок «Жизнь бойца — моя жизнь». Хочется коротко изложить статью.

«У меня часто спрашивают: «Как это ты, Маруся, вынесла такое большое количество раненых, к тому же с оружием? Ростом вроде бы невелика, силы в тебе особой нету. Как же ты управляешься со столь тяжелой работой?».

Дело не в силе, дорогие товарищи. Нужна сноровка, а главное — не нужно бояться. Вынесешь быстро раненого — спасешь ему жизнь, меньше крови прольет боец, больше сил сохранит, раньше в строй вернется. Об этом всегда следует помнить.

Я со своими санитарями всегда нахожусь при роте — и в атаке, и в обороне. Рота в окопе — я с ней, бойцы в цепи — в цепи и санитары, поднялась рота в атаку — санитары за ротой. Бойцы всегда должны видеть рядом санитаря.

Приведу случай. Ранило старшего лейтенанта Белова. Бой — голову поднять невозможно. А он, словно дуб, — крепкий, тяжелый. Напрягла все силы, поползла с ним попластунски — и вынесла в безопасное место. Положила его на плащ-палатку, две обмотки привязала за углы, положила их на плечи и поволокла командира к медпункту для оказания первой помощи.

В бою со мной всегда плащ-палатка с лямками. Всегда полная сумка бинтов, чтобы не бегать за ними в санчасть. Припасаю и шины — дощечки от ящиков.

Во фляге у меня вино, водка или разбавленный спирт. От одного глотка раненому становится лучше, утихает боль, прибавляются силы.

Сейчас я снова зачислена санинструктором в роту разведчиков. Ни в одну разведку бойцы не идут без

меня. Этим горжусь больше всего. Стремлюсь быть там, где я нужней. Это мой долг — долг медработника.

Дорогие товарищи и подруги, все, кто делит с бойцами фронтовые будни! У меня мать, вся семья осталась на оккупированной территории. Я рвусь к ним, хотя и не знаю, живы ли они. Поэтому и стремлюсь к победе всеми силами души.

Я дважды ранена (вскоре ее ранило в третий раз. — Н. Ч.). Но это не уменьшило желания жить и бороться, чтобы увидеть свою мать, родных сестер и братишку, всю нашу Родину свободными и счастливыми*.

Конечно же, такие пламенные строки воодушевляли бойцов, вселяли уверенность, что и при тяжелом ранении они будут спасены, чтобы продолжать биться с ненавистным врагом.

31 октября 1942 года газеты Донского фронта опубликовали приказ:

«21 октября 1942 года. № 24/Н. Действующая армия.

От имени Президиума Верховного Совета СССР за образцовое выполнение заданий командования на фронте борьбы с немецкими захватчиками и проявленные при этом доблесть и мужество награждаю орденом Ленина санинструктора Кухарскую Марию Петровну.

Военный совет фронта».

Началось наступление наших войск. Как правило, потери при наступлении больше, чем при обороне. 2 февраля 1943 года был закончен разгром и уничтожена сталинградская группировка противника. Войска праздновали великую победу. Еще дымились развалины города, а на улицах царило ликование. Сол-

*Архив МО СССР, ф. 328, о. 298, д. 7.

даты обнимали друг друга, радовались неожиданным встречам. Неутомимый фронтовой газетчик батальонный комиссар Марьясов увидел Кухарскую около Центрального универмага.

— Мария, с победой тебя!— крикнул он издали.

— И вас тоже!— сияя, ответила девушка. — Вы кого-то ищите?

— Николая Смирнова, замполита пулеметной роты. Ему сегодня орден Красного Знамени будут вручать. Хочу вот написать о нем. В боях за Сталинградский тракторный завод он истребил из пулемета 12 фашистов, а всего за время боев уничтожил 48 и взял в плен 14 солдат и офицеров противника. Награжден орденом Красной Звезды и снова представлен к награде. Да вот и сам Смирнов — легок на помине.

Перед Марией стоял совсем еще молодой офицер. Он смутился поначалу, но потом нашелся:

— Так вот она какая, Кухарская? Вот о ком поют мои солдаты: «Эх, чай пила, самоварничала, десять фрицев перебила — накухарничала».

— Бить фрицев — не по моей части, хотя случилось и бить их. Мое дело — спасти своих, попавших в беду.

Марьясов ушел, а они бродили по городу до вечера. Непривычно тихо было кругом. Фронт ушел к Ворошиловграду, Новочеркасску и его дыхание здесь совершенно не чувствовалось.

— Скоро и нам на запад,— проговорил Николай.

— Теперь только на запад,— подхватила Мария.

Они уже знали, что через день-два догонят своих боевых товарищей, ушедших далеко за Дон — к Белгороду, Курску, Орлу.

А потом новая встреча. Теплый зимний день. Николай и Мария медленно шли в сторону тракторного завода. Неожиданно оказались возле заводской стены. Мария вспомнила, как три месяца назад под при-

крытием развалин собрались воины ее части на митинг. Они только что вышли из боя. Опаленные зимними ветрами лица, сжатые в руках автоматы. Тут был и Чеботарев, которого она спасла в разведке. Рядом стоял большой, словно медведь, сержант Потапов. Он часто шутил:

— Если меня ранят, ты пропала: как будешь тащить такую тяжесть.

— Сам поползешь,— смеясь, отвечала девушка.

А тащить его все-таки пришлось. Два часа добрались до безопасного места и все-таки вынесла.

— Давай постоим здесь,— попросила Мария. — Здесь коммунисты оказали мне большое доверие — приняли в ряды Ленинской партии...

Через месяц Кухарская и Смирнов воевали под Курском в одном полку: она — командиром санитарного взвода, он — заместителем командира роты по политчасти.

Пока на фронте стояло затишье, встречались часто. Фронтальная дружба переросла в любовь. И вот 30 мая 1943 года появился, наверное, единственный в своем роде приказ по 289-му гвардейскому (бывшему 1151-му) стрелковому полку. Немногим более месяца оставалось до знаменитой Орловско-Курской битвы, которая должна была решить судьбу всей летней кампании сорок третьего года. А приказ говорил о сугубо мирном событии:

«Утвердить брак заместителя командира первой пулеметной роты по политчасти гвардии старшего лейтенанта Смирнова Николая Макаровича и командира санитарного взвода первого стрелкового батальона гвардии старшины медицинской службы Кухарской Марии Петровны.

Командир полка гвардии подполковник Панский».

Так сложилось, что 5-я гвардейская армия, в которой служила Смирнова-Кухарская, на протяжении более двух лет действовала на Центральном направлении советско-германского фронта. Полки дивизии сражались под Ростовом-на-Дону и Харьковом, Ворошиловградом и Сталинградом, на Курской дуге. Участвовали они и в кровопролитных боях при форсировании Днепра, Вислы, Одера, Нейсе. В послужных списках Николая Смирнова и Марии Смирновой немало благодарностей Верховного Главнокомандующего за освобождение Белграда, Полтавы, Кременчуга, Знаменки, Кировограда, Новоукраинки, Первомайска, Сандомира, Ченстохова, за взятие Дрездена и Праги.

На войне бывает всякое. Весной 1944 года часть, в которой воевала Мария, освобождала родную Одесскую область. Когда наши вступили в Ананьевский район, в полк вернулся после госпиталя муж Марии.

Часть стояла в пятидесяти километрах от Слободки, где находился штаб армии. Смирнова упростила командира полка Науменко отпустить их в Слободку, чтобы навестить родных. Три дня добирались.

В Слободке ждала не только радость встречи с друзьями, но и большое горе. Мать Марии немцы угнали в Германию, при массированном налете погибли брат и сестра. Велика боль утраты, но война есть война.

На целине

Как сложилась дальнейшая судьба одной из славных героинь Великой Отечественной войны?

Целинная эпопея творилась умом и руками мо-

лодых парней и девушек. Сюда ехали люди, не обремененные семейными заботами. А тут вдруг в степь, в палатки, приехала целая семья. Новоселов встречали комсомольцы — посланцы города Ленина, закладывавшие новый поселок, названный позднее Ленинградским (теперь это районный центр).

Устроившись в тесной квартирке, Смирновы на следующий же день пошли на работу: Мария Петровна в медпункт, Николай Макарович — в строительную бригаду. Патронажная сестра пошла по поселку, чтобы составить списки малышей и познакомиться с их матерями. В палатках и бараках ее встречали доброжелательно: она была чуть ли не единственным медицинским работником в округе.

В небольшом поселке как на высоком кургане в степи видно, кто чем дышит, что у кого случилось — эти новости разносятся по улицам, как поземка в сильный ветер. За короткое время целинники узнали о доброте Марии Петровны и веселом нраве Николая Макаровича — заядлого охотника.

Сейчас вокруг Ленинградского выросли совхозы с многоэтажными жилыми домами, клубами, школами, производственными помещениями. А тогда до ближайшего населенного пункта было пятьдесят километров. В жаркую погоду берегли каждый глоток воды — ее доставляли сюда автоводоносами, позднее — железнодорожными цистернами. Зимой поселок заметало сугробами. Люди часто оставались без хлеба.

Первое время энтузиазм охватил всех, на трудности никто не обращал внимания. Но наступило время, когда обыкновенный камешек на дороге стал казаться булыжником, а отсутствие умывальника — проблемой. Резкие слова в адрес «высших сфер» были нормой поведения одних, равнодушные — законом жизни других.

Мария Петровна часто слышала крепкие выражения, видела недовольство и апатию среди некоторых целинников. Однажды она не выдержала и сказала:

— Создается впечатление, что некоторых из вас высадили за какую-то провинность на необитаемый остров. Всего десять лет назад война кончилась. Там было в тысячу раз труднее, но все-таки люди выстояли. А вы по всякому поводу начинаете распускать нюни. Стыдно!

— Целина — не война,— парировал один из новоселов. — Здесь легче хотя бы элементарные условия создать. Да и какое отношение вы имели к войне?

— Об элементарных условиях в первую очередь должны позаботиться вы сами,— резко оборвала Смирнова. — Ну, а о моем отношении к войне поговорим, когда представится случай.

Однажды в целинном поселке появился военный в форме полковника. Целый день ходил он по полям, а вечером зашел в общежитие. Расспрашивал ребят о жизни на целине. Хозяева рассказывали о будущем поселка, о парке, школе и Дворце культуры, которые со временем появятся здесь.

А через неделю, накануне годовщины Победы, его попросили рассказать о войне, о боевых эпизодах, в которых участвовал он сам.

— Я расскажу вам о своем однополчанине, с которым прошел от Сталинграда до Праги. — И рассказал о Марии Петровне Кухарской.

Целинники знали о ее самоотверженности, многие видели, как спешит она ночью к заболевшему ребенку по первому же вызову в метель, сильные морозы, дождь. Если нужно было, Мария Петровна работала целыми сутками.

После рассказа полковника ребятам стала еще бли-

же эта невысокая хрупкая женщина, в их глазах она была теперь примером мужества и самоотверженности.

Ветераны полка не забывают друг друга. Одна из встреч состоялась в станице Потаповской Краснодарского края. Поезд опоздал. Мария Петровна с мужем подъехали к Дому культуры на такси. Их встретили бывшие офицеры полка, комсомольцы, молодежь станицы. Некоторые однополчане стали крупными военными деятелями, партийными и советскими работниками. Были там и ее «крестники», спасенные ею на поле боя.

— Какая это была встреча!— вспоминает Смирнова.
— Расстались молодыми, а увидели друг друга убежденными сединами людьми.

На встрече вспоминали погибших друзей, боевые эпизоды, запомнившиеся на всю жизнь, рассказывали о своей мирной жизни.

...В последнюю поездку я зашел к Смирновым рано утром. Главы семьи не застал — он лежал в больнице после операции. Не было и Марии Петровны. Ее вообще трудно застать дома. На попечении бывшего командира медицинского взвода около полутора тысяч маленьких пациентов.

В тот день малышей осматривали врачи. В длинном коридоре собрались бабушки и мамы с ребятишками на руках. И каждая, прежде чем зайти к врачу, непременно посещала кабинет Марии Петровны. Иногда Смирнова выходила в коридор, чтобы успокоить ревущего пациента. Когда же осмотр закончился, Мария Петровна сказала мне на ходу:

— Сейчас некогда, десять моих подопечных не явились на осмотр. Бегу узнать причину. А вы заглядывайте к нам вечером, хорошо?

Из областной газеты «Степной маяк» от 25 ноября 1968 года. «Святая любовь к людям осталась у Марии Петровны с фронтовых времен. Как и на войне она сей-

час на переднем крае — целине, где тоже нелегко. Могла бы жить в родном городе, где цветут каштаны и где нет таких буранов и метелей, как в наших степях. Но именно здесь ее труд нужнее. Она это знает и не может, не хочет покинуть людей, которые уважают ее, верят ей».

Единственный в мире

Любят и чтут Смирнову кокчетавцы. В Кокчетавском медицинском училище преподаватели и учащиеся несколько лет назад начали создавать музей, посвященный медицинским сестрам, удостоенным медали Флоренс Найтингейл.

Началось все с того, что ребята написали письмо в Международный комитет Красного Креста и попросили сообщить данные о награждении медалью советских санитарок. Из Женевы пришел пакет со списком тридцати трех советских «Флоренс», с кратким описанием их заслуг и письмо вице-президента комитета господина Пикте: «Если вы создаете в училище такой музей, он будет уникален. На земном шаре другого такого нет».

В будущий музей приходили посылки, бандероли, письма, воспоминания. Очень помогли рассказы однополчан Смирновой о работе Марии Петровны на фронте. Она передала фотокопию своего наградного листа и письмо из Женевы, в котором сказано:

«М. П. Смирновой, старшей медицинской сестре больницы Ленинградского района Кокчетавской области Казахской Советской Социалистической Республики... Вам присуждена медаль Флоренс Найтингейл, которой награждают за выдающиеся и достойные быть отмеченными действия в области медицинского дела. От имени президиума Международного совета медсестер Адель Гервиц».

Медаль была вручена летом 1973 года в Алма-Ате. Речь М. П. Смирновой была яркой и взволнованной.

— Дорогие друзья,— сказала она. — Я горжусь, что Международный совет медицинских сестер в числе тридцати трех сестер милосердия — участниц Великой Отечественной войны — назвал и мое имя. Что мне сказать по этому поводу? Все мы, советские люди, страстно желаем, чтобы никогда не было ни фронтовых сестер, ни фронтов, ни войн — больших и малых.

Есть на свете люди, которым войны приносят колоссальные барыши. вспомните Америку, разбогатевшую на крови и слезах миллионов людей. Если случится непоправимое, нам, медицинским сестрам, делать будет нечего — все живое сгорит в атомном пожаре. Толстосумам США не придется делить вместе с другими империалистическими державами кровавую прибыль — атомная катастрофа их не минует.

Я хочу, чтобы все мы, медицинские сестры-фронтовики, активно боролись за мир, за предотвращение ядерной войны, чтобы наши дети и внуки жили под ясным небом.

Эти слова потонули в громе аплодисментов.

Конечно же, главное место в музее уделено землячке. На карте отмечен ее боевой путь, рассказано о славных делах, о наградах.

Запись в книге отзывов музея: «Хочется пожелать ребятам и преподавателям медучилища, чтобы они продолжали начатое благородное дело. Экспонаты музея — и те, которые есть, и те, что будут — хорошее средство не только патриотического, но и эстетического воспитания молодежи».

Память сердца

На краю прямой, как стрела, центральной улицы села Ленинградское стоит небольшой утопающий в

буйной зелени деревьев и цветов дом, огороженный невысоким штакетником. Сюда часто приходит почтальон с туго набитой сумкой, доставляя письма с Украины, из Российской Федерации, Прибалтики и других мест.

В свое время газеты и журналы рассказывали о ратных и трудовых делах Марии Петровны Смирновой-Кухарской. Большой отклик у зрителей вызвал телеочерк, показанный по Центральному телевидению в октябре 1973 года. Сразу же возрос поток писем героине телеочерка, причем они шли не только из нашей страны, но из-за рубежа. Марии Петровне писали однополчане, родные и близкие погибших воинов, учащиеся, студенты.

Люди выражали свою любовь и восхищение, благодарили за спасение советских солдат на поле боя. С разрешения Марии Петровны я взял небольшую часть ее почты — быть может, сотню конвертов — и просидел над ними две ночи напролет. Эти письма — пример того, что люди помнят и никогда не забудут великие подвиги родной Советской Армии, сокрушившей немецко-фашистские войска.

«Я для вас незнакомый человек, никогда не видела и не знаю лично. О Вашем участии в войне и награждении Международной медалью прочла в газетах. Что мне сказать? Большое спасибо Вам, Мария Петровна, за воинский труд во имя спасения наших людей на поле брани. Вас будут всегда помнить не только те, кого Вы спасли, но и все их родственники: матери и отцы, братья и сестры, дети и внуки», — пишет пенсионерка Прасковья Ивановна Иванова из города Красноармейска Куйбышевской области.

Рабочая Г. П. Клюева из Бурятии считает, что о подвигах советских людей на фронтах Великой Отечественной войны должно хорошо знать подрастающее поколение, которое пользуется плодами мира и не знает, что такое война. «Вы спасли жизнь почти пятистам бойцам — это значит совершить немыслимое», — заключает товарищ Клюева. В знак уважения она прислала Марии Петровне сувениры — кедровые шишки, веточки багульника.

174-5

Авторы писем делятся с Марией Петровной Смирновой сокровенными мыслями о важности сохранения мира. Товарищ Бедарева из Усть-Каменогорска рассказывает, что среди ее родных и близких многие сложили головы на полях сражений, другие вернулись с фронта искалеченными. «У мужа погиб брат, два брата тяжело ранены. Их, наверное, спасла такая же медицинская сестра, как Вы, Мария Петровна. Горечь утраты перенесли и мои родители. Хоть бы больше не повторились эти ужасы!»— восклицает Бедарева.

Теплые и сердечные письма шлют однополчане. Бывший связист полка Николай Петрович Кравченко, проживающий в городе Бердянске, пишет: «Меня, возможно, Вы не помните. Времени прошло много — считай, целая жизнь. Хочу выразить чувство радости, что Вы живете на свете и остались такой же, какой были под Сталинградом: непреклонной, целеустремленной. Ведь надо же — с малыми детьми уехать осваивать целину. Так вот какая Вы, наша Мария, легендарная девушка, о которой сталинградцы слагали и пели песни. Слава Вам, воину-сталинградцу и целиннику. Последний раз я видел Вас в ноябре сорок второго. Тогда в разведке Вас тяжело ранило осколком вражеской гранаты. Мог ли думать, что увижу еще раз через десятилетия на экране телевизора?»

В почте есть немало писем людей, которые знают и помнят Марию Петровну по работе в качестве патронажной сестры. Вот строки из письма бывшей медицинской сестры Ленинградской больницы Фаины Могилевской: «Дорогая Мария Петровна! Прочла в газетах сообщение о присуждении Вам Международной медали. Горжусь, что жила и работала вместе с Вами, замечательной женщиной, патриоткой, душевным и простым человеком».

Письмо Любви Радомской из Таллина: «В 1960 году

Вы спасли моего сына от смерти. Он тяжело заболел, а врача на месте не оказалось. И вы по первому зову пришли в больницу, не ушли до тех пор, пока не миновал кризис. Теперь Юра играет в сборной команде Эстонии, закончил институт, работает инженером. Вас он считает своей спасительницей, часто говорит: «Меня она «вынесла» с поля боя, как многих бойцов в Сталинграде».

Много писем шлют Марии Петровне школьники. В каждом из них просьба выслать фронтовую фотографию, приглашения приехать в гости, рассказать о войне, о работе санинструктора.

Учащиеся 6 «а» Благовещенской школы Павлодарской области написали: «Мы прочитали о Ваших подвигах на фронте и решили сделать специальный альбом, посвященный Вам. У нас уже есть вырезки из газет. Пришлите, пожалуйста, фотографии – фронтовые и теперешние».

О бесстрашных фронтовых делах санинструктора Марии Петровны Смирновой узнали учащиеся средних школ болгарских городов Толбухина и Торговиште. Пионеры отряда «Молодой санитар» средней школы имени Димитрова Торговиште сообщают, что они занимаются изучением санитарного дела, интересуются вопросами медицинской помощи во второй мировой войне, разыскивают медсестер.

Взволнованное письмо и подарок – кизилую ветку-сулавницу, которую в Болгарии дарят уважаемому человеку, прислали учащиеся 7 «б» класса школы имени Д. Ганева из Толбухина. «Наш пионерский отряд носит имя Велы Пеевой – героини болгарского народа, отважной санитарки, спасшей, как и Вы, жизни многим раненым партизанам. Мы заверяем, что будем равняться на Велу и на Вас».

Смирновы не оставляют ни одного письма без отве-

та. На это уходит все свободное время, которого у главной сестры больницы в обрез. А начальнику районной киносети Н. М. Смирнову пришлось изучить фотодело, чтобы снабжать многочисленных корреспондентов фотографиями.

...Живет в целинном степном селе простая русская женщина, имя которой, как и имена многих тысяч других воинов, золотыми буквами вписано в летопись Великой Отечественной войны. «Девушкой-орлом» называла ее когда-то газета Донского фронта «Красная Армия». Ей обязаны своей жизнью сотни воинов. Советские люди помнят о ней и ее подвигах, ибо это — память сердца.

В. Лебедев

Баллада о снайпере

Глубокой ночью через бруствер наших окопов ловко скользнула маленькая, почти детская фигурка в белом маскировочном халате. Потрявоженный снежный наст, сухой и крепкий, отозвался тихим, осторожным шорохом. словно почуввав приближение опасности, кто-то с немецкой стороны торопливо выпустил в небо одну за другой сразу четыре осветительных ракеты. Четыре ослепительных звезды засияли над полем и близким лесом, заливая все вокруг нежизненным светом.

Человек привычно замер, уткнувшись лицом в снег. Часто останавливаясь, мелкими перебежками он достиг редкого кустарника на ничейной полосе. До рассвета оставалось еще два часа.

Кусты с наметенными возле них небольшими сугробами (отличное прикрытие!) он забраковал сразу, зато ровная и открытая, как на ладонке, площадка впереди привлекла его внимание. Перевернувшись набок, он неуловимым движением вынул из маленьких аккуратных ножен финку и стал точными движениями резать твердый наст.

К утру на небе неожиданно высыпали звезды, но их острый и холодный блеск не застал человека врасплох. Когда на востоке стало светлеть, он бережно расчехлил оптический прицел винтовки, прильнул к окуляру. Сильные линзы перенесли его к самым окопам врага.

Если бы фашистский снайпер узнал, кто сделал этот выстрел, он бы не поверил: в смертельном поединке двоих,

в совершенстве владеющих искусством стрельбы, побеждает тот, кто уже обожжен пламенем передовой, а значит более умен и осторожен.

Восемь часов назад снайпер Зинаида Матющенко получила свой первый боевой приказ. Нынешняя зима 1942-го была в ее жизни шестнадцатой.

...С утра на железнодорожной станции тревожно гудели паровозы — Новосибирск принимал эшелоны Красного Креста. Весь день Зина вместе с одноклассниками помогала взрослым переносить раненых бойцов. Девчонки потихоньку плакали.

Поздно вечером, возвращаясь домой по гулким пустынным улицам, она вдруг увидела, как он потускнел и как будто постарел, ее город, словно большой и сильный человек в горе. У нее защемило сердце.

Третьего июля в полном составе их 8 «б» отправился в военкомат. Они выстояли огромную очередь и получили ответ: «Подрастите сначала!». Повторили попытку 4 июля. Тогда им пригрозили, что сообщат родителям. В третий раз она пришла сюда уже одна. И опять отказ.

В кабинет замполита военкома она буквально ворвалась. Капитан Скоробогатов сразу узнал дочь своего друга, с которым партизанил в гражданскую, но помочь ей отказался наотрез.

— Тебе ведь даже семнадцати нет!

— А вы прибавьте два года,— предложила она и замолчала испуганно, увидев, как побелели от гнева губы замполита.

Через два дня, пораженный ее упрямством, Скоробогатов доложит о ней военкому. А затем ее пригласят к военному комиссару.

Домой — летела.

— Мама! Кружку, ложку... Я уйду на фронт! Поезд — через два часа...

Потом все смешалось. Отчетливо запомнился только вок-

зал. Отец с матерью плакали. Помнит Зина: взлетела над их головами фарфоровая тарелка, подброшенная двоюродной сестрой, ударилась об землю, и ... не разбилась. Только паутинки трещин разбежались по голубому донышку...

— Вот видите!— радостно рассмеялась сестра. — Обязательно вернется Зина. Не плачьте...

Эшелон с трудом продирался сквозь небольшие станции и мощные железнодорожные узлы, забитые воинскими составами. Часто останавливались, уступая дорогу санитарным поездам, пропуская вперед тяжело громыхающие на стыках рельсов вереницы платформ с танками, артиллерией.

Жизнь в теплушках протекала согласно Уставу. Несли караульную службу, дневалили, проходили, кому положено, курс молодого бойца. Винтовка едва доставала Зине до плеча, невысимо тяжелая «лимонка» не умещалась на маленькой ладони. Как ныли у нее плечи и пальцы после напряженных уроков огневой подготовки! Девочка быстро выросла.

Перед Москвой их поезд настигли бомбардировщики. Люди бежали в поле, подальше от обреченного поезда, а она в оцепенении стояла возле своей теплушки, глядя в небо. Пять самолетов со свастикой на крыльях по очереди бросились к земле. Впервые она услышала свист вонзающейся в воздух пикирующей машины, пронзительный вой бомбы. Вдруг все завертелось у нее перед глазами, потому что кто-то сильной рукой сгреб ее и сбил с ног, она покати-лась с насыпи.

...Могилы вырыли в лесу неподалеку. Впервые Зина хоронила друзей, павших в бою. Сухой жар, охвативший ее сердце, стал слабеть, уступая место недоумению и боли. В эти мгновения горького раздумья многое успеваешь понять в себе и в людях, которые рядом с тобой.

На формировочном пункте в столице ей предложили поехать в небольшой городок под Москвой. Ворошиловские

снайперские курсы делали первый набор. Так она оказалась в числе 48 курсантов — первых воспитанников будущей Центральной женской школы снайперов.

...Вместо длинных каштановых кос с черными бантами — короткая мальчишеская стрижка (других причесок армейский парикмахер не знал). Взамен туфельки 32-го размера — солдатские ботинки 42-го размера, самые маленькие, какие нашлись на складе.

Пожилой старшина, выдававший обмундирование, сжалившись, протянул Зине вторую пару обмоток:

— Намотай-ка и эти, все реже будешь терять ботиночки-то...

Обледеневшие ватные брюки, наваленные на горячую печку, не успевали просохнуть за ночь. Утром, морщась, девчонки влезали в горячую и мокрую одежду. И опять на несколько часов они превращались в «ящериц» и «кротов» — умение неслышно передвигаться попластунски, быстро маскироваться так, чтобы в двух шагах от инструктора остаться незамеченной, приравнивалось к искусству точно поражать цель.

Стрелять по-снайперски учились из всех видов стрелкового оружия, и, конечно, из своей СВ — винтовки с оптическим прицелом. Учились мыслить и действовать в бою «нелогично», изобретательно. Тренировали глаза и слух. Выработывали в себе особенную выносливость (вот мука так мука!) — сидели в засаде в полной неподвижности по 5—10 часов подряд.

Как благодарила она потом суровых своих учителей!

Декабрь 1941-го. Позади четыре с половиной месяца учебы.

Перед выпуском им разрешили съездить в Москву сфотографироваться. Припухшие детские губы и строгий взрослый взгляд. Не по-уставному чуть сдвинута назад шапка, тяжелый «ТТ» в кобуре на ремне, туго опоясавшем шинель. Такой увидел шестнадцатилетнего кур-

санта столичный фотограф. И остановил мгновение, чтобы теперь, спустя почти 47 лет, мы могли взглядеться в эти черты и понять ее и ее друзей, всех солдат, выживших и победивших в той невероятно трудной, навязанной фашистской Германией войне.

— Может быть, она ослышалась? Весь их выпуск оставляют на курсах инструкторами. Значит, и ее тоже. А кто будет уничтожать фашистов? Кто отомстит им за все? Ночью, захватив с собой свои винтовки, Зина вместе с подругой Леной Пучковой незаметно покинули казарму. Через час «отставшие от своих», девушки уже сидели в теплушке воинского состава. Эшелон мчался на фронт.

На следующее утро растерянный и бледный начальник курсов доложил по телефону в Москву об исчезновении двух инструкторов.

— Дезертировали ваши хваленые снайперы!— гневно перебили его на другом конце провода. — Вот только куда...

Они обманули начальника эшелона, боясь, что тот не поймет их. Это была их первая и последняя в жизни ложь. Командиру части, в которую они прибыли, девушки чистосердечно признались во всем. И тот разрешил им остаться.

Их арестовали на четвертые сутки. Под конвоем доставили в Москву.

Приговор военного трибунала был суров: «...Младших лейтенантов Матющенко и Пучкову разжаловать до старших сержантов и отправить на фронт в штрафную роту...» Из сказанного Зина с Леной поняли только «на фронт» и на глазах изумленных членов трибунала бросились друг другу в объятия.

Вскоре они вновь были в пути. Красноярская, а позднее — 17—19-я гвардейская дивизия, где им теперь предстояло служить, стояла под Ржевом. Кончался январь 1942 года. Бои шли отчаянные — враг рвался к Москве.

В штабе дивизии их разлучили. Каждая пошла в свой полк. Снайперы (редкая по тем временам специальность) требовались везде. И уже на третий день Зину вызвали к командиру роты. Зачем — она догадывалась. Немецкий снайпер вторую неделю терроризировал участок обороны роты.

Командир роты штрафников капитан Иван Избицкий был человеком замечательным. Незаурядный ум сочетался в нем с высокой порядочностью, безудержная отвага — с холодной и ясной рассудочностью. В бою эти качества приобретали значение исключительное, сохраняя бойцам жизни. Но самым удивительным было то, что в свои 25 лет Иван Избицкий глубоко и остро понимал всю силу и одновременно беззащитность человеческого достоинства. Ни разу не прошел он мимо того, кто нуждался в помощи, ни разу не дал в обиду того, кто был прав. Ему-то первому и рассказала Зина историю своего появления на фронте. Он слушал ее, и сердце его сжималось от гордости и тревоги.

Она вошла в его блиндаж, вскинула руку к шапке. Избицкий шагнул навстречу, сказал просто: «Ты помоги нам...»

Для хорошего снайпера все звуки на войне понятны, как буквы для грамотного человека. Звуков Зина слышала много, а вот «прочесть» их мгновенно не успевала. Однако мозг ее работал остро и ясно, как всегда бывает в минуту опасности у смелых, хладнокровных людей.

И все-таки невидимый противник обнаружил ее первым и не собирался упускать своего шанса. Пуля цвкнула может быть в миллиметре от ее виска. Она мгновенно ткнулась лицом в снег. «Умри!» — приказала она себе, с трудом подавив желание вскочить и броситься прочь от этого страшного места. И она «умерла».

Хмель легких побед сыграл с вражеским снайпером нехорошую шутку. «Русского глухаря» он всегда бил влет

и еще ни разу не промахивался. Уверенность не покинула его и на этот раз, и он перенес внимание на линию нашей обороны.

...Тщательно замаскировавшись под раскидистым кустарником, ветки которого лежали на снегу, Зина глянула в прицел и сразу увидела «победителя»— фашист увлеченно охотился. Посланная ею пуля навсегда успокоила его.

...Сюда, в небольшую квартиру на втором этаже, где живет Зинаида Дмитриевна, я прихожу каждый день. Но говорим мы недолго — около часа. На большее у нее нет сил. В такие минуты память возвращает ей сразу все: грохот и вой снарядов, голоса убитых боевых товарищей, их улыбки, просьбы, привычки, тепло ладоней. В назначенное ею время в вновь набираю номер ее телефона и слышу ровный, чуть глуховатый голос: «Приходите...»

Она могла бы отказать мне. Это ее право. Но важнее собственного покоя для нее — стремление помочь живущим сегодня познать горькие и простые истины, потому что никто так не тревожит и не волнует сердце человека, как правда о жизни и смерти. Правда, которую она постигла так рано...

В июле в бою под Великими Луками их рота поднялась в контратаку. Быстрая, ловкая, она сразу оказалась в первой шеренге бегущих. Но ее тут же оттеснили назад. Бергли солдаты свою «сестричку». А она злилась, видя перед собой выцветшие от солнца и пота гимнастерки, потому что не могла пустить в дело автомат.

Но пуля все-таки нашла ее. В горячке она пробежала еще метров двадцать, и тут острая боль в ноге свалила ее на землю. Левый сапог был полон крови. Пуля прошла ступню, разорвав сухожилия и раздробив пятку.

Первое ранение, первая награда — медаль «За боевые заслуги», приказ о ее реабилитации. Неполные три месяца лечения в госпитале вместили немало важных событий. Она принимала их как что-то второстепенное, ведь глав-

ное, на ее взгляд, происходило не здесь, в раздражающе тихих палатах с тошнотворным запахом йода, а на передовой.

25 октября 1942 года (даты выздоровлений она помнит особенно хорошо) Зина вышла из ворот госпиталя, и, не оглядываясь, пошла прочь, мысленно поклявшись никогда больше не попадать сюда. Если бы так и было!

Сортировочный пункт. 345-й полк Сибирских стрелков отдельной 50-й армии. Наконец-то фронт! Вновь взялась она за привычную работу. Слово «охота» уже не пугало ее, как в первые дни на передовой (ведь охота — на человека!), потому что уже видела она и смрадные пепелища на месте сел и деревень, и осиротевших ребятишек, разучившихся улыбаться, и виселицы на площадях покинутых врагом городов.

Ненависть укрепила ее сердце.

Неподалеку от города Белого их часть попала в окружение. Уничтожение ее фашисты рассчитали с большой точностью. Особые инструкции, видимо, получили и снайперы — сосредоточить внимание на людях, которые разносят бойцам горячую пищу.

Вражеский ас единственную тропу, которая вела от полевой кухни к нашим окопам, закрыл на замок. Несколько раз в течение трех дней бойцы хоззвода, нагруженные термосами, пробовали преодолеть опасное место, но всякий раз возвращались, унося убитых и раненых товарищей. Пытались проскочить с наступлением темноты, но ночь мало чем отличалась от дня — ракет гитлеровцы не жалели.

...Только на второй день Зина и двое ее товарищей-снайперов обнаружили врага. Стрелял он из-под корней столетней сосны. Но их пули не достигали цели — могучие, переплывшиеся друг с другом корни надежно укрывали его со всех сторон.

— Прикрой меня, — попросила она охранявшего ее автоматчика, снимая с пояса гранату. — Отвлеки его, подразни.

Только не «умирай» сразу, поиграй... — И пропала, как сквозь землю провалилась.

Он все понял, и выругал себя последними словами. Это он, старый солдат, должен быть сейчас на месте этой девочки. Но и теперь многое зависело от того, как искусно он разыграет представление. И спектакль начался.

Зная, что охотятся за ним профессионалы (меткость стрельбы исключала сомнения), немецкий снайпер сразу оценил представившуюся возможность избавиться от одного из них. Выстрел его был точен. Но странно: исчезнув на мгновение, голова в белом капюшоне чуть-чуть приподнялась над снежным бугром и медленно двинулась вдоль него. Может, он ранен и теперь пытается выйти из зоны поражения? Опять загремели выстрелы.

...Она ползла навстречу собственной смерти и крепко держала в руке гранату. В другой обстановке ее поступок был бы безумием. Но сейчас, судя по выстрелам, фашист принял игру. Значит, один шанс из ста у нее был. Она приближалась к сосне слева, под прямым углом, рискуя в любую следующую секунду быть обнаруженной.

Испытывала ли она страх, о чем размышляла все эти длинные метры? На этот вопрос она бы не смогла ответить ни тогда, ни сейчас, спустя столько лет. Когда до цели оставалось метров тридцать, она остановилась, зубами выдернула чеку, но... бросать не стала, потому что не была уверена в стопроцентном попадании. Сколько проползла еще? Пять, десять, пятнадцать метров? Все, нет больше сил. Сердце сотрясает грудь. Плавно отвела назад руку с «лимонкой».

Вздригнуло от взрыва могучее дерево. Страшно закричал затаившийся под его корнями человек.

Он был девятнадцатым на ее счету — девятнадцатым врагом, уничтоженным ею.

Через два часа рота пойдет на прорыв, и она, задержавшись на несколько секунд у сосны, осмотрит гнездо снайпера. Просторный, в человеческий рост блиндаж был вырыт под деревом. И от передовой вел в нему искусно замаскированный ход сообщения. Позиция — идеальная. Подумала: «Сама бы до такого не додумалась ни за что...» Выходит, стоило учиться и у врага...

Орденом Отечественной войны II степени отметили дерзость и отвагу семнадцатилетнего снайпера. Шел 21-й месяц войны.

Второе ранение чуть не стало роковым в ее снайперской судьбе. Под грохот близкого боя она перевязывала раненого.

— Погоди-ка, сестренка,— морщась от боли в груди, он приподнялся и тяжело привалился спиной к пню. — Так тебе удобней.

«И безопасней», — наверняка подумал он про себя,— все-таки с одной из четырех сторон он ее прикрыл.

Он оказался прав. В следующее мгновение сзади него черным огнем метнулась в небо земля, и десять осколков прилетевшей мины, прошив старый трухлявый пенек, подсекли бойца. Десять из двенадцати, предназначавшихся двоим.

Она стояла перед ним на коленях, широко раскрытыми глазами всматриваясь в его спокойное, как и за минуту до смерти, лицо.

Она отшвырнула от себя санитарную сумку почти с ненавистью. Сестра милосердия! Какое же это милосердие, если оно бессильно уберечь человека от смерти! Нет, ее милосердие — уничтожать тех, кто шлет эту смерть.

От боли в руках перехватило дыхание. Поднесла к глазам залитые кровью ладони. Указательные пальцы перебиты. Два кусочка вражеского металла ужалили

ее ядовито, но для жизни неопасно. Для такой жизни?! Как же теперь она будет стрелять?

— Отвоевалась,— сказали ей в госпитале. — Вот починим пальчики, и — домой. Насовсем.

Соль, посыпанная на раны, обеззараживает. Нервы — в кулак. Только бы не разреветься. Улыбнулась белозубо в ответ:

— А курсы Красного Креста? Зря училась в школе? Санитаркой пойду на передовую.

Через неделю раздобыла бумагу, карандаш.

— Письмо, что ли? Давай поможем,— предложили соседи по палате.

— Сама!

Несколько строчек писала три вечера. Вскоре ляжет на стол командиру дивизии, той самой, где начинала воевать, серый солдатский треугольник со странными каракулями. Письмо было по-детски отчаянным и по-военному кратким: «Прошу вызвать меня к себе для дальнейшего прохождения службы».

Разве можно было отказать ей?

В мае 43-го она распрощалась с госпиталем, чтобы возвратиться на фронт. Она все продумала. У нее было для этого много времени. Пусть изуродован указательный палец. Она научится нажимать на спусковой крючок средним пальцем. Она возвращается в строй, и время попусту терять не намерена.

Зина сдержала данное себе слово. Никто не требовал от нее вновь стать снайпером — с ее ранением это было невозможно. Но существовали другие требования. Например, в совершенстве овладеть рацией, стать первым номером пулеметного расчета, грамотным санинструктором. И она выполняла приказы. А каждую свободную минуту отдавала тренировке с винтовкой. И наступил день, когда «охота» вновь стала ее основным делом на передовой.

За участие в освобождении города Белого Зинаида Матющенко была награждена орденом Красной Звезды.

В декабре 43-го ее ранило снова. Пулей в локоть левой руки.

— Никуда не годится,— хмурился хирург, осматривая изувеченный сустав. — Придется отнять...

— Попробуйте только!— зло блеснула она глазами.

Двое суток боялась заснуть. Проснешься — а руки нет. Обошлось.

Выписалась в феврале следующего года. Вскинула на плечо тощий вещмешок. Рука не разгибается. На шесть месяцев — инвалид. А дальше — как решат врачи. Куда теперь? Сначала — в Бердск к сестре. Потом — в Хмельницк по направлению ЦК комсомола Украины на комсомольскую работу. Шутила, прощаясь с сестрой: «Больные руки быстрее заживают, если ими что-то делать...»

Но «пороху» хватило только на три месяца. Что-то задержалась она в тылу. Вот и рука стала чуть-чуть двигаться в суставе. Списалась со своей частью, и, не дождавшись решения врачей, умчалась на фронт.

Через несколько месяцев ее ранило опять. В левую руку. «Хорошо, что не в правую», — подумала она.

Осколок извлекали в полевом госпитале под местным наркозом — ехать в тыл она отказалась наотрез. Боль была страшной. Но близость фронта делала боль осмысленней: ей нужно было быстрее возвратиться в строй. Каждый лишний день ее пребывания на передовой мог стоить жизни кому-нибудь из фашистов. К моменту пятого ранения на ее снайперском счету значилось 86 гитлеровцев.

До Берлина Зина Матющенко не дошла. 9 мая, когда ее боевые друзья салютовали Победе и миру, разряжая обоймы своих автоматов в дымное небо Германии, девушка находилась в далекой Махачкале, в госпитале. Она

лежала на белоснежной постели тихая и недвижимая. В тот день они форсировали реку у Кенигсберга, и уже были близки к цели, когда за ее спиной раздался взрыв, и осколки снаряда впились ей в позвоночник.

Жизнь возвращалась к ней нехотя, словно не доверяя больше той, которая не дорожила ею. Конечно, она любила жизнь. И по возможности старалась беречь ее, боясь только одного – бессмысленной, а значит бесполезной смерти. Наверно, можно было остаться невредимой даже в такой страшной войне, но как потом жить?

Через пять месяцев к ней вернулся слух и она узнала о Победе. Но вместе с радостью вошла в сердце боль – погиб на фронте отец...

Как хотела она жить! Молодой организм яростно боролся с болью, слепотой, немотой и неподвижностью. И наступил день, когда она вновь заговорила. Со зрением было хуже. Надеяться можно было только на чудо. И это чудо совершили волшебные руки профессора Филатова.

12 декабря 1945 года, тяжело опираясь на костыли, младший лейтенант Матющенко с трудом спустилась по госпитальному крыльцу. Инвалид первой группы в 20 лет. Ее направили в дом инвалидов города Дербента. Оттуда Зина поехала к сестре в Бердск.

Сопровождала ее молоденькая медсестра. На одной из остановок, накинув новенькую Зинину шинель и забрав ее продовольственный аттестат, девушка вышла за продуктами. Больше Зина ее не видела.

Судьба продолжала испытывать ее, словно пыталась узнать, сколько может вынести эта хрупкая девушка.

В этом месте своего рассказа Зинаида Дмитриевна надолго умолкает. За окнами теплый весенний ветер тихонько раскачивает ветки деревьев, слово будит их от долгого зимнего сна. На жестяном подоконнике ссорятся из-за хлебных крошек воробьи.

И вдруг неожиданно:

— А может, случилось с ней что?

Сколько надежды в ее вопросе! А у меня перед глазами поезд. И девушка в офицерской форме с костылями в холодном вагоне. Зябко без шинели. Очень хочется есть. Но хуже холода и голода — частые приступы эпилепсии.

Пришла в себя после приступа. Лежит на полке, укрытая чьим-то стареньким полушубком. А вот и его хозяин — худенький, седенький старичок.

— Опамятовалась? Это контузия, девонька. Пройдет... А вот мы сейчас чайку с липовым цветом.

Смешные у него усы: снизу почти зеленые, а сверху — желто-коричневые. От махорки, наверно.

Он не отходил от нее до самого Бердска.

У сестры Зина жила недолго. Вскоре вернулась в Новосибирск. Не обращая внимания на инвалидность, пошла работать в школу.

Как сложилась ее дальнейшая судьба? Трудилась. Военруком, пионервожатой, учительницей в младших классах, судебным исполнителем в нарсуде, воспитателем в рабочем общежитии.

В 1946-м на Сахалине встретила Зина свое счастье. Маркшейдер Герасим Кисловский сделал ей предложение.

Семнадцать лет назад переехали они с мужем в Джамбул. В маленьком коллективе Дома культуры областного управления профтехобразования, где Зинаида Дмитриевна Кисловская заведует костюмерной, ее любят. За неумение быть в стороне, когда человеку рядом плохо. За улыбку и мягкость в обращении. И мало кто знает о юности этой худенькой, не любящей ни на что жаловаться женщины.

Все бы хорошо, если бы не осколки фашистского снаряда, которые вот уже более 42 лет носит она в себе. Иногда они начинают двигаться и тогда — больничная койка. На три-четыре месяца.

Нам бы хоть часть ее боли...

Вот и все, что я хотел рассказать о Зинаиде Дмитриевне Кисловской — одной из 800 тысяч женщин, разделивших с мужчинами тягости фронтов Великой Отечественной войны.

В. Чен

Штурман Хиваз Доспанова

Хиваз училась в десятом классе, когда в Уральске открыли аэроклуб. Училась на отлично, была секретарем комсомольской организации школы.

Комсомольское собрание подходило к концу, когда попросил слова приглашенный к школьникам начальник аэроклуба:

— Как видите, ребята, обстановка в мире серьезная. Видимо, многие из вас скоро пойдут в армию. Я предлагаю: записывайтесь в аэроклуб. Думаю, это вам не мешает в учебе.

Класс затих: немногие тогда еще понимали, что стоит за словами «аэроклуб». Пауза грозила затянуться. И тогда Хиваз решительно поднялась с места, взяла листок бумаги и написала свою фамилию. Вторым записался Леня Мироненко, а потом многие другие.

Домой Хиваз прибежала возбужденная. Глаза ее радостно блестели.

— Мама, я летчицей буду!

Родители не стали отговаривать дочь. Старые коммунисты, прошедшие суровую школу жизни, считали: Хиваз сделала правильный выбор.

Занятия в аэроклубе отнимали много времени и сил. Редко выдавалась свободная минута, ведь была еще школа, комсомольская работа.

Наступил долгожданный день первого полета с инструктором. На учебном самолете У-2 Хиваз выполнила полагающиеся фигуры пилотажа. Когда приземлились, инструктор сказал:

— Думаю, со временем летчик из тебя выйдет. Если конечно, не испугаешься трудностей.

Чутье опытного летчика подсказывало ему, что девушка чувствует самолет — качество, которым наделен далеко не каждый пилот.

Мечта Хиваз сбылась. Счастливая, окрыленная, каждый день она спешила после школьных уроков на аэродром, напевая «Мы рождены, чтоб сказку сделать былью»...

Прыжки с парашютом, потом экзамен по воздушному пилотажу: боевой разворот, петля Нестерова, скольжение, виражи, срыв в штопор и, наконец, плавная посадка самолета на взлетную полосу.

Хиваз закончила школу с отличием, получила аттестат зрелости. А на другой день произошло еще одно радостное событие: питомцам аэроклуба вручили военные билеты и поздравили со званием «пилот запаса».

В 1940 году Доспанова стала студенткой 1-го Московского медицинского института. Они сдавали последние зачеты, когда услышали ошеломляющую весть — гитлеровская Германия вероломно напала на нашу страну.

Война перечеркнула все планы, все мечты о счастливом будущем. Услышав по радио правительственное сообщение, Хиваз сразу же пошла в райком комсомола и попросила отправить ее на фронт. Но вместо фронта она попала на строительство очередной линии метрополитена, который во время войны приобретал оборонное значение. Работа оказалась тяжелой: по колено в жидкой грязи приходилось бурить грунт, устанавливать крепи в шахтах, вывозить тачки с землей. А вскоре молодежь, в том числе и Хиваз, послали на строительство оборонительных сооружений. Так прошло лето сорок первого.

К началу учебного года студентов медицинского института отозвали на занятия. Хиваз не находила себе места. Ее преследовала одна неотступная мысль: «Я пилот запаса и обязана быть на фронте». Все доводы товарищей о том, что она нужна в тылу, казались ей неубедительными.

Узнав, что ЦК ВЛКСМ начал формирование женского авиационного полка, девушка сразу же обратилась к секретарю Краснопресненского райкома комсомола столицы. Последовал отказ. Доспанова обратилась в Центральный Комитет комсомола и в конце концов добилась своего: ее зачислили в штурманскую группу женской авиационной части, которую формировала Герой Советского Союза Марина Раскова.

На следующий день будущим боевым летчицам выдали военное обмундирование. Когда девушки стали примерять его, мало кому удалось сдержать смех. Форма, обувь, белье — все оказалось мужским. Многим форменная одежда была явно не по росту, девушки выглядели в ней неловкими, смешными. Особенно огорчали сапоги, почти все 40—43 размера.

— Просто не представляю, как буду ходить в таких скороходах,— сокрушалась Хиваз, носившая туфельки тридцать третьего размера.

— Попробуй мои,— протянула ей свои сапоги темно-волосая девушка. — Заодно и познакомимся. Меня зовут Раей. Рая Аронова.

— А я Хиваз Доспанова.

— Можно называть тебя Катей?— спросила Аронова. — Так быстрее запомнится.

— Катя так Катя, пусть это будет моим боевым прозвищем,— согласилась Хиваз.

С этим именем она прошла всю войну, а Рая стала ей близкой подругой. Они попали в одну группу штурманов. Вместе изучали специальные предметы, выходили на тактические занятия и строевую подготовку. Учебу предстояло закончить в самый короткий срок.

— Время не стерло из моей памяти те далекие дни. Марина Раскова, казавшаяся прежде недоступной, стала хорошим товарищем, педагогом,— вспоминает Хиваз Доспанова. — Конечно, еще до войны я много слышала о ней и представляла Раскову красивой, решительной, ум-

ной женщиной. Такой она и оказалась. Почему-то Раскова сразу выделила меня из всей группы. Скорее всего потому, что была я тогда хрупкой, выглядела намного моложе своих и без того юных лет. Симпатия эта никогда не проявлялась внешне — Раскова не позволяла себе внеуственного обращения с подчиненными, была строга и сдержанна. И хотя ей было по-матерински жаль нас всех, она понимала: суровое время отпустило нам единственный шанс выжить — необходимо быстрее научиться бить врага, изгнать его с советской земли. Мне казалось, Раскова старалась держать меня возле себя немного дольше остальных, словно стараясь передать по невидимым проводам уверенность в себе, в своих силах. Впрочем, я могу ошибиться, точно так же могли думать и мои подруги. А причина была простая: редкое человеческое обаяние и тонкий педагогический такт Расковой. Само присутствие рождало атмосферу дружбы.

Со временем у Хиваз появилось много подруг, с которыми ее сблизила не только совместная военная служба, но и общность взглядов и интересов. И какие же они были все разные, эти девушки. Строгая и серьезная москвичка Ирина Себрова, первый мастер парашютного спорта; первая в Азербайджане девушка-летчик Зулейка Саид-Мамедова; суровая и молчаливая башкирка Сыртланова; грустная и задумчивая татарка Санфирова; замкнутая карелка Смирнова; веселая и жизнерадостная белоруска Радчикова; обаятельная украинка Наташа Меклин; общительная Саша Хорошилова... Но самой близкой ее подругой была уроженка Саратова Рая Аронова. Девушки об одном мечтали — поскорее попасть на фронт.

Наступила весна 1942 года. После выпускных экзаменов был создан женский авиационный ночной легкобомбардировочный полк под командованием старшего лейтенанта Евдокии Давыдовны Бершадской. Раскова же осталась в училище готовить курсантов для будущих истребительного и дальнебомбардировочного полков.

В течение двух недель девушки тренировались — проводили полеты в лучах прожекторов, посадки при минимальном числе стартовых огней, отрабатывали прием отыскания своего аэродрома в условиях строгой светомаскировки. И вот 12 июня 1942 года из дивизии пришел приказ: «Ночью командиру полка и командирам эскадрилий вылететь на боевое задание».

Вечером весь летный состав был в сборе. Три бомбардировщика стояли наготове. Первым поднялся в воздух самолет командира полка. Потом с интервалом в пять минут взлетели комэски Амосова со штурманом Розановой и Ольховская с Тарасовой.

Через час Бершадская докладывала командиру дивизии:

- Товарищ полковник, задание выполнено!
- Поздравляю с первым боевым вылетом!

Через некоторое время вернулся с задания самолет Амосовой. Третьего самолета не было. Когда прошли все сроки, стало ясно — случилась беда.

Первая потеря... Жертвы на войне неизбежны, но так неожиданно, в первую же ночь...

Первый боевой вылет Хиваз совершила с командиром звена Катей Пискаревой. Командир полка поставила задачу перед всем летным составом — уничтожить сосредоточенные в местечке крупные соединения противника, готовящиеся к наступлению.

Хиваз села в кабину, осмотрелась, проверила, все ли на месте. На крыло самолета поднялась и парторг полка Мария Ивановна Рунт, пожелала боевых успехов.

— Все в порядке, Катя?— она одобряюще улыбнулась.

— Все нормально, Мария Ивановна. А это вам,— Хиваз протянула ей вчетверо сложенный листок бумаги — написанное только что заявление о приеме в партию.

«Отправляясь в первый самостоятельный боевой вы-

лет, прошу принять меня в ряды славной Коммунистической партии. Если не вернусь, считайте меня коммунистом. Х. Доспанова».

Рунт взяла заявление, крепко пожала летчице руку, спрыгнула на землю.

Вскоре самолет оказался у линии фронта. В темноте очень хорошо были видны пулеметные и орудийные выстрелы. То тут, то там, как факелы, вспыхивали разрывы, длинными светящимися цепочками стелились над землей трассирующие пули.

Передний край пересекли незамеченными, но вот все потонуло в сплошной мгле — немцы тщательно маскировали свои объекты. Кое-где отдельными пятнами выделялись ориентиры. По ним Хиваз сверяла курс самолета — они шли точно на заданную цель.

— Подходим, — предупредила Хиваз.

— Держу на цель, — ответила Пискарева.

Шли напролом, не снижаясь. Умение маневрировать придет позже, с опытом. А тогда их заметили с земли. Ударили зенитки. Небо совсем рядом осветилось разрывами снарядов. Отработанным движением Хиваз дернула вытяжные шарики бомбосбрасывателя и крикнула:

— Получайте!

Бомбы с шипящим свистом полетели вниз.

Тут же Катя убрала газ и двойным разворотом увела самолет из зоны вражеского огня. На предельной скорости они возвращались назад. Успели заметить — сброшенные бомбы угодили точно в цель. На земле горели склады и пакгаузы врага.

Это было боевое крещение. В ту ночь многие не вернулись с задания: сказались отсутствие боевого опыта. Если Доспановой и Пискаревой повезло — их машину лишь поцарапали осколки снарядов, то для других первый вылет оказался последним.

Позже Хиваз стала летать с Полиной Белкиной. Де-

вушки выработали свою тактику — подходили к цели с приглушенным мотором, чтобы противник по звуку не мог обнаружить самолет. Так и уходили, сбросив на противника смертоносный груз. Особую ценность представляли данные воздушной разведки, которые доставлялись в штаб. Летчицы сообщали о местонахождении складов, артиллерийских и зенитных батарей врага, прожекторных установок и т.д.

Часто вылетали на задание всем полком. Еще на аэродроме разрабатывался план совместных действий. Четко определяли, через какие промежутки времени подходить к цели, кто пикирует первым, кто отвлекает врага и вызывает огонь на себя.

Девушки привыкли к ночным полетам и чувствовали себя в воздухе так же уверенно, как и днем. Ориентиров было множество: луч прожектора, замеченный огонек, озеро, река или лиман, расположение звезд на небе. Достаточно было помнить один из этих ориентиров, чтобы потом не сбиться с курса.

Однажды ночью экипаж Белкиной — Доспановой вылетел бомбить укрепленную линию противника в районе Моздока. Доспанова приготовила бомбы, но сбрасывать их не пришлось: на земле неожиданно зажглись десятки прожекторов и направили свои лучи на самолет. Что делать? Идти намеченным курсом — верная гибель. Маневрировать, искать другие пути подхода к цели — потеряешь слишком много времени.

И вдруг совсем неожиданно пришла помощь. Прямо над своим самолетом они увидели вспышки яркого света. Бомбардировщик, летевший выше, сбросил груз. Внимание противника рассеялось. Лучи прожекторов стали беспорядочно шарить по небу. Воспользовавшись замешательством немцев, девушки сбросили бомбы точно на вражеский объект и благополучно вернулись на аэродром.

Потом выяснилось: тот же объект одновременно бомбили и скоростные бомбардировщики. Они-то и выручили экипаж, приняв на себя заградительный огонь.

Жизнь в полку шла своим чередом. Осенью 1942 года шли тяжелые бои за Кавказ. Снег еще не выпадал, почти непрерывно лили затяжные дожди, небо закрывала сплошная облачность. Линия фронта еще окончательно не установилась, поэтому приходилось менять аэродромы. В один из пасмурных осенних дней самолеты приземлились на очередном наскоро выбранном «аэродроме подскока». Ориентиром для взлета здесь служил довольно большой стог сена.

Хиваз и Полина готовились к очередному вылету. «Вооруженцы» подвесили бомбы под плоскостями самолета, Полина запустила мотор. Машина начала разбег, но вдруг сильно трянуло. Хиваз потеряла сознание. Когда очнулась, командир полка Бершадская сказала, наклонившись над ней:

— Потерпи. Знаю, больно, но потерпи немного. Мы срочно снимаемся с этого аэродрома и полетим сейчас на основную базу.

Она помогла Хиваз забраться в заднюю кабину своего самолета. Девушка вновь потеряла сознание. В себя пришла только в госпитале.

— А что с Полиной Белкиной?— были ее первые слова.

Доспанову успокоили, сказав, что Белкина пострадала меньше, чувствует себя хорошо, поэтому ее оставили в расположении части.

Вскоре в госпиталь пришли подруги Хиваз. От них она узнала, что при взлете сдал мотор и их самолет врезался в стог сена. Доспанова сильно ударилась о приборную доску. В результате — сотрясение мозга и растяжение голеностопных суставов. Счастье, что при ударе не сработали бомбы.

В госпитале Хиваз пришлось пролежать больше месяца. Она ходила, опираясь на палочку. «Война еще не кончена, нужно быстрее возвращаться в полк»,— неотступно преследовала ее мысль. Она начала тренироваться и упорство победило: Хиваз допустили к полетам.

К тому времени в полк прибыло новое пополнение. Теперь штурман Хиваз Доспанова летала с 20-летней летчицей Юлией Пашковой. В один из ночных вылетов экипаж подходил к станице Крымской, где, по оперативным данным разведки, немцы сосредоточили много живой силы и техники. Девушек поразила необычная тишина. Странно, что их не обстреливают, хотя было точно известно, что фашисты располагают мощной противовоздушной обороной и не собираются покидать этот хорошо подготовленный к обороне объект. Юля приготовилась к атаке, а Хиваз — сбрасывать бомбы. И вдруг разом вспыхнувшие прожекторы осветили самолет, он оказался в перекрестке лучей.

Хиваз, не раздумывая, сбросила бомбы и в переговорную трубку крикнула подруге:

— Все в порядке, разворачивайся...

Юля резким падением на одно крыло вывела машину из огня. Туго пришлось бы им, если бы самолет еще хоть на некоторое время остался бы в лучах прожекторов. С большим трудом после сложного маневрирования девушкам удалось все-таки преодолеть световую полосу и уйти от вражеских зениток.

Хиваз вспоминает другой запомнившийся ей вылет.

Весенним вечером вылетели бомбить фашистский штаб, расположившийся в станице Славянской. Перед станицей набрали высоту и стали заходить в заданный квадрат. И тут Хиваз услышала в переговорном аппарате всхлипывания. Пашкова плакала.

— Что случилось?— испуганно спросила Хиваз.

— В этой станице живут мои родители.

Хиваз стала успокаивать подругу, пообещала сбросить бомбу точно в цель. Задание они выполнили.

Позднее, после освобождения станицы Славянской, когда полк базировался на берегу Азовского моря, Хиваз наведлась к родителям Пашковой. Все были здоровы, нисколько не пострадал их домик, только самой Юли не было в живых. Трагический случай оборвал ее жизнь.

В одну из ночей экипаж Пашковой – Доспановой возвращался с боевого задания. По расчетам штурмана выходило, что линия фронта уже позади и самолет находится на подступах к аэродрому. Действительно, девушки вскоре увидели лучи приводного маяка и тусклые огоньки посадочных сигналов. Больше Хиваз уже ничего не помнила. При заходе на посадку в воздухе столкнулись два самолета. В одном были Юлия Пашкова и Хиваз Доспанова, в другом – Полина Макогон с Лидией Свистуновой.

Очнулась Хиваз на земле под обломками машины. Кругом тишина. Она хотела крикнуть, позвать на помощь, но из груди вырвался лишь стон. Сознание затуманилось, но как-то нужно было дать о себе знать. Усилием воли Доспановой удалось вытащить из кобуры пистолет, но, сделав несколько движений, она опять впала в беспамятство.

Выручила Юлия Пашкова. Несмотря на адскую боль, она все же сумела выстрелить в воздух и вскоре к месту катастрофы подъехала санитарная машина. Макогон и Свистунова погибли, а Доспанову и Пашкову доставили в полевой госпиталь.

Юля умерла на операционном столе, Хиваз тоже была в тяжелом состоянии. Казалось, шансов выжить у нее не было – бедренные кости обеих ног оказались раздробленными.

Несколько дней и ночей врачи боролись за жизнь

Доспановой. Мучительным было выздоровление. Рентген показал, что сращение костей у нее идет неправильно. Пришлось ломать гипс. И так несколько раз. Хрупкая на вид девушка поражала своей стойкостью и выдержкой. Боли она переносила молча, только до крови закусывала губы и закрывала глаза. Не один месяц пролежала Хиваз в госпитале, и не было дня, чтобы она не думала о возвращении в полк. Приходили подруги, привозили письма, рассказывали новости. Это были радостные и грустные минуты. Хотелось снова быть вместе со всеми. Но сможет ли она вернуться в строй? Про себя Хиваз твердо решила – вернуться во что бы то ни стало.

С радостью встретили Доспанову в полку. Двойное чувство испытывала Хиваз. Она снова была со своими боевыми подругами, но в то же время угнетала весть о гибели Полины Белкиной, Дуси Носаль и других девушек, с которыми она делила все тяготы фронтовой жизни.

Больших трудов стоило Хиваз забраться в самолет. Поэтому пока длились боевые вылеты, она не вылезала из кабины, и штабные командиры принимали ее доклады прямо с самолета.

Однажды в полк для вручения партбилетов приехал начальник политотдела дивизии. С утра девушки тщательно отутюжили форму, надели боевые награды. Доспанова имела на своем счету около трехсот боевых вылетов и получила звание гвардии лейтенанта. На груди у нее сверкал орден Красной Звезды. Там, в полку, Хиваз и вручили партийный билет.

...Мы беседуем с Хиваз Доспановой в ее уютной алма-атинской квартире. О чем бы ни говорила хозяйка, память все время возвращает ее к прошлому.

— У меня в гостях, — говорит Доспанова, — перебивали почти все мои боевые подруги — Рая Аронова, Наташа Меклин, Ира Себрова, Саша Хорошилова. В последнее время, правда, все реже навещают. Многие из нас давно уже бабушки. Это сейчас о нас написаны книги, сняты кинофильмы, а тогда никто и не думал о славе. Мы были счастливы сознанием того, что Родина дове-

рила нам защищать ее. И мы защищали честно, выполняя трудную, прямо скажем, неженскую работу.

Свой боевой путь Хиваз закончила в Берлине. Ей был вручен второй орден – орден Отечественной войны II степени.

Учебу в медицинском институте она продолжать не стала. Страна восстанавливала разрушенное войной народное хозяйство. И коммунист Доспанова оказалась там, где нужны были ее энергия, убежденность, беспредельная преданность делу партии. Она долгие годы трудилась на комсомольской и партийной работе. Была удостоена ордена Трудового Красного Знамени. Сейчас Доспанова на заслуженном отдыхе.

В Центральном государственном музее Казахской ССР есть стенд, рассказывающий о замечательной летчице. Будете в музее – подойдите к стенду, взгляните в пожелтевшие фотографии, с которых смотрит юная, полная надежд девушка. И хотя судьба ее оказалась не легкой, надеждам этим суждено было сбыться.

* * *

В канун 60-летия Великой Победы Хиваз-апа Доспанова указом Президента Республики Казахстан Н. А. Назарбаева удостоена высокого звания “Халық Қаһарманы”.

ЛАНДЫШИ

Подвигу Героя Советского Союза Наташи Ковшовой посвящено немало страниц. Мать Наташи Н. Д. Араловец, уже ушедшая из жизни, написала книгу. Я читал ее и пытался ответить на волнующий меня вопрос: «Какая сила заставила взяться за оружие девушку, в мирное время мечтавшую стать летчицей?». Рылся в различных архивах, слушал воспоминания Наташиных сверстниц, знакомился с различными свидетельствами ее вдохновенной, как песня, жизни. Ответ, раскрывающий нравственную красоту и величие духа девушки, нашел в простых, непритязательных, но исполненных огромной жажды к жизни строчках ее школьных сочинений и писем. Передо мной встали зримые картины ее короткой, но полной нравственной красоты жизни.

...Война. Кровь. Гарь. А сквозь черный дым пожарищ с лесной опушки плывет тонкий аромат ландышей. Кажется, тоненько позванивают белые колокольчики, и этот весенний мелодичный звук заглушает грохот орудий, свистящий вой мин и бомб.

Девушка собирает ландыши, они вспыхивают на солнце, как свечи. В лесном мраке, когда сгустятся сумерки, они напоминают о том еще теплящемся во мраке ночи дрожащем огоньке свечи, которую дала ей в руки мама, прежде чем затеряться в темноте.

Была это во время их приезда в Казахстан, в село Полудино. Не успела Наташа с матерью побросать в

темноту вещи и спрыгнуть с подножки вагона, как паровоз дал длинный гудок, мелькнули огни последних вагонов, и поезд умчался в ночь. Мать и дочь остались одни посреди голой безбрежной степи, в кромешной тьме. Они едва могли различать друг друга. Надо было что-то предпринимать: не сидеть же сложа руки, ведь должен же их кто-то встретить.

«На разведку решила пойти мама. Она вынула из кармана свечу, которой мы освещались в вагоне, зажгла ее, дала мне в руки (это чтобы я не потерялась в темноте) и ушла. Я осталась совсем одна, и сейчас же мной овладел страх. Я не знала, чего именно я боюсь, и от этого было еще страшнее. Сердце билось часто-часто, глаза напряженно вглядывались в темноту, дыхание стало прерывистым. Я вслушивалась в тишину, держа в одной руке горящую свечу, а другой лихорадочно вцепившись в свертки. Где-то несколько раз твкнула собака, вдали послышался гудок паровоза; и снова тишина. Время тянулось невыносимо медленно. Рука, сжимавшая свертки, затекла, но изменить положение не было сил. Я сидела как прикованная и ждала. Наконец услышала какой-то стук, затем скрип отворяемой двери и людские голоса. Я повернула голову и увидела вдали полоску света, пробивающуюся из отворившейся двери какого-то дома, совершенно невидимого во тьме. Через минуту ко мне подошла мама. Ее сопровождал высокий широкоплечий человек. Не говоря ни слова, он взвалил на свои плечи добрую половину наших пожитков...»*

Наташа погасила ненужную больше свечу, не зная, что она позже вспыхнет в памяти строчками школьного сочинения на вольную тему, что ландыши будут излучать ту самую полоску света из довоенной Наташиной жизни. А в ней — и милая ее сердцу Москва, которая, как она писала в другом школьном сочинении, «цвела зеле-

*Араловец Н. Д. Наташа Ковшова. М.: Молодая гвардия, 1952.

нюю парков, блестела асфальтом широких улиц, улыбалась жемчужной улыбкой электрических фонарей».

И старый, со скрипящими половицами деревянный двухэтажный дом в Уфе, где она родилась, принадлежащий до революции татарскому мулле.

И бывшая старинная крепость села Полудино с еще хорошо сохранившимися рвами и валами, со следами двух крепостных пушек, сданных в музей; с зарослями гигантской полыни, доходившей до двух метров; с маленькими глинобитными, крытыми дерном избушками; с березовой рощицей; с приподнятым насыпью грейдером. И домик на краю села, около которого каждый день останавливалась телега с огромной кадкой. Водовоз выдавал полагающиеся по норме четыре ведра пресной воды на день — в селе в то время имелось всего два колодца с пресной водой и большое горько-соленое озеро.

Все это — и приковавшая взоры всего человечества Москва («Я верю, что скоро в нашу столицу смогут приехать все угнетенные народы, что зарево мировой революции встанет над миром»), и затерянное в далекой серо-зеленой степи с белоствольными березовыми рощицами Полудино, и тогда еще не знакомая деревня Сутоки, где она вступит в смертельную схватку с врагом — есть родная земля, один большой Наташин дом, который она должна защищать, с которым неразделимы те, кто живет в нем.

Листаю пожелтевшую от времени подшивку «Комсомольской правды» за 1943 год. Под призывной «шапкой» щемящей душу некрасовской строки «Иди в огонь за честь Отчизны» опубликованы письма Наташи Ковшовой с редакционной врезкой: «В дни, когда немецко-фашистские полчища подходили к Москве, тысячи юношей и девушек вышли навстречу врагу. Среди добровольцев-москвичей были комсомолки Коминтерновско-

го района столицы Наташа Ковшова и Мария Поливанова.

Во многих боях участвовали девушки-снайперы. Они мужественно сражались, истребили десятки немцев, обучили целую группу молодых снайперов. В своем последнем бою Наташа Ковшова и Мария Поливанова оказались в окружении. Расстреляв весь запас патронов, отважные патриотки предпочли смерть позорному немецкому плену. Они взорвались на своих гранатах. Девушкам посмертно присвоено звание Героев Советского Союза.

Редакция получила от родственников Наташи Ковшовой письма героини. Пересылая нам их, родственница Наташи тов. Н. Араловец пишет: «Посылаю Вам письма Героя Советского Союза Наташи Ковшовой, которые она писала нам с фронта. Наташа — дочь моей сестры. Используйте письма Наташеньки в печати, пусть наша молодежь учится у нее смелости, любви и преданности матери-Родине. Комсомол вправе гордиться Наташей. Она свято выполнила свой долг перед Родиной»*.

Позже Наташины письма опубликовала ее мать Нина Дмитриевна Араловец в своей книге «Наташа Ковшова», вышедшей в издательстве «Молодая гвардия» в 1952 году.

Словно из прошлого в настоящее и будущее обращается в письмах к родным девушка с широко распахнутыми глазами. Огромный мир со всеми его красками сузился в страшную годину испытаний до прорези оптического прицела снайперской винтовки.

Ноябрь 1941 года

...Научилась стрелять из ручного и станкового пулемета, метала боевые гранаты. В общем и целом в запа-

*Комсомольская правда, 1943, 23 мая.

се у меня теперь достаточно способов, чтобы разить проклятых гадов. Мы им покажем, как к нашей Москве подбираться.

...20 октября приняла присягу, с этого числа считаюсь кадровым бойцом нашей Красной Армии.

Декабрь 1941 года

...Мы находимся на Волоколамском направлении, на второй линии обороны... Все мы рвемся в бой и, вероятно, скоро наша мечта осуществится. Да и скорее бы, а то я уже столько фанерных фашистов перебила, что даже обидно пули зря пускать. Скорее бы в наступление.

28 декабря 1941 года

Живем в деревне, в полутора километрах от которой проходили бои. Много ужасного рассказывают местные жители, побывавшие в лапах у фашистских извергов. К нашей хозяйке приходила женщина, брата которой немцы расстреляли только за то, что он и еще четверо его товарищей 14–16 лет вышли на улицу после 4 часов дня. Фашисты везде звонят о культуре своей нации, а сами ведут себя хуже всяких дикарей.

6 марта 1942 года

...Началась настоящая фронтовая жизнь, о которой я раньше только в книжках читала и в кино видела. За последнюю неделю ваша Наташа так закоптилась, что стала похожа на цыганку. После того, как я основательно умылась теплой водой, один командир сказал: «Да вы, оказывается, светлая, а я считал вас брюнеткой».

Вот такие дела. Ну ничего, зато фашистов здорово бьем!
Вчера ночью еще деревню освободили...

24 мая 1942 года

...Пишу вам из роты выздоравливающих, куда я попала после боя 20 мая. Меня немножко ранило осколком мины в левую руку, повыше локтя. Ну и погнали мы опять проклятых гадов. За один день заняли 6 пунктов! Мне удалось убить в этом бою еще пять фрицев. Больше не успела. Жаль! Ну ничего, мы еще повоюем.

30 мая 1942 года

...В последнем бою мы снова заняли шесть деревень, а мне удалось подстрелить еще пять фрицев. Мы вошли в деревню прямо вслед за штурмующей группой, за танками. Ну и дали жару фрицам! Будут помнить. А до этого я обучала группу снайперов, и уже успех: один мой снайпер открыл счет — убил двух пулеметчиков, одного немецкого снайпера. Правда, молодец? Горжусь своим учеником.

Читаешь Наташины письма и задаешься вопросом: когда и где родилась у нежной, щедро любящей мир девушки готовность взять оружие в руки, чтобы отстаивать свою землю от поругания, где истоки ее мужества? Пытаюсь найти ответ в воспоминаниях ее полудинских сверстниц, которые теперь уже старше той Наташи на добрых сорок лет.

Бывшая учительница, ныне пенсионерка Анна Матвеевна Кривеня рассказывает:

«Первого сентября 1934 года в класс вошла высокая худощавая девочка и назвалась Наташей Араловец. На первой же перемене познакомилась со всеми ребятами, угощала их пирогами с повидлом, а после уроков

разучивала вместе со всеми песню «Смело мы в бой пойдем за власть Советов».

Наш пионерский отряд носил имя Павлика Морозова. Председателем отряда выбрали в тот год Наташу. Мы собирались по вечерам и читали вслух книгу «Павлик Морозов».

Зимой катались с горки на «санках». Мы делали их из замороженного коровняка и всем отрядом, составив поезд, неслись с горы, а впереди всех — Наташа.

А как она любила играть в снежки! Называла себя Чапаем, врвалась в самую гущу мальчишек, но никогда не обижалась, не жаловалась, не плакала, если ей попадало от них.

В летнее время ходили полоть колхозное поле. Уничтожали тарантулов. Причем, надо было раздавить тарантула босой ногой — это считалось подвигом.

За селом стояла вышка. Мы гурьбой отправлялись к ней. Наташа первой взбиралась на вышку и делала там мостик: она была прекрасным акробатом, увлекла этим многих, и весь класс стал заниматься акробатикой. Не было праздника, чтобы наш класс не выступал с физкультурными номерами».

Готовность к подвигу рождается еще в отрочестве, когда начинаешь постигать мир. Именно эта готовность заставляла ее, порой вопреки приказу командира, рваться вперед, спасать раненых, делать еще многое помимо своих снайперских обязанностей.

17 июня 1942 года Северо-Западный фронт

...За бой 20 мая я получила самый строгий выговор от комбата. Он перед боем указал мне точку, из которой я должна стрелять, а оттуда ничего не видно, и я со своим учеником Борисом Г. выдвинулась вперед. Смотрю, наши танки уже пошли на деревню, за ними — штурмующая группа. Ну, я вижу, что больше пользы от нас будет в деревне, и — туда (как раз группа наших автоматчиков во главе с замкомбата двигалась в том же направлении). Вслед за штурмующей группой влетели мы

в деревню. Там мне удалось подстрелить пять фашистских автоматчиков. А потом меня позвал замкомбата. Комбат налетел на меня при всех: «Вы у нее спросите, что она там только ни делала. На немецкий танк лазила, прикладом по нему стучала, раненых перевязывала. Спрашивается, ее ли снайперское это дело? А результаты? Вышел из строя нужный человек». Тут он, конечно, преувеличивает. Просто меня, замкомбата и комиссара ранило осколками одной мины, когда мы собирались двигаться вперед. Раненого комиссара я отправила со связным, а сама осталась одна с замкомбата в каменном доме. Тащить я его никак не могла, так как ранена была в обе руки и в обе ноги. Причем, левая рука сразу повисла, как плеть и — ни туда, ни сюда. Но правая действовала, поэтому я ему немножко помогла передвигаться.

Я никогда не забуду этих минут, проведенных с глазу на глаз с умирающим. Все время он кричал: «Наташа, Наташа, я умираю!». Я затащила его в ближайший дом, подложила под голову шапку. «Мне душно, Наташа, сними с груди камень». Я расстегнула ему воротник, шинель. «Теперь лучше. Возьми меня за руку, Наташа, за правую руку, я сейчас умру...» Он помолчал минуту, я вытерла с лица его пыль и копоть. «Ты передай всем, что я умер как настоящий москвич. Отомсти за нас, Наташа. Поцелуй меня». Поцеловала я его, и он замолчал. Пришел адъютант комбата и отправил меня на перевязку. Я сама дошла до БМП, а уже оттуда меня отправили на лошади, а потом на машине».

Всеми Наташиными поступками двигала всепобеждающая любовь ко всему живому, к жизни. Там, на жестокой кровопролитной войне, она продолжала оставаться нежной, любящей дочерью, внучкой, племянницей. В письмах к матери, бабушке, тете обращалась не иначе, как «милая, род-

ная моя мамусенька», «бабусенька, родненькая моя» или «тетушка Надюшка». На войне не черствела душа, распахнутая навстречу любви, солнцу, свету. И на войне влюблялись, любовались цветами, красками закатов. Победа была за тем, кто оставался человеком в высшем понимании этого слова.

Может быть потому и потрясает трогательное письмо Наташи, в котором она сообщает матери: «Мне подарили маленького щенка вроде нашей Бобки, помнишь? Пушистый, шустрый; как юла, маленький желтоватый комочек. Зовут Дези. Я согрела воды в котелке и немного ее помыла. Теперь она совсем замечательная и кроме меня никого не признает».

Можно представить, сколько воспоминаний о своей полудинской поре жизни вызвали у Нины Дмитриевны Араловец эти строки. Дочери, когда они жили в Полудино, приходилось оставаться одной. Чтобы Наташа не очень скучала, она подарила ей щенка Бобку, котенка и кролика, перевернувших вверх дном весь дом.

«Провожая меня в очередную поездку,— вспоминала Нина Дмитриевна,— Наташа всегда выходила к воротам, держа в руках маленького пыхтуна Бобку, и, прощаясь со мной, говорила:

— Ты, мама, теперь за меня не тревожься. Видишь, какой у меня грозный пес! Он меня никому не даст в обиду.

А «грозный пес» был не больше рукавицы».

С таких вот неприметных, но милых сердцу картин жизни и складывается, быть может, наша большая любовь к дому, селу или городу, где живешь, любовь к Отечеству.

Потому так трогают за душу Наташины полудинские впечатления, изложенные все в том же школьном сочинении на вольную тему.

«Навстречу нам летела дорога. Свет фар то и дело выхватывал из темноты то куст полыни, то хоровод стройных то-

неньких березок. Казалось, что эти березки в испуге шарахались и прятались в темноту. Перед машиной кружились, блистая крылышками, бабочки, привлеченные светом. Они то и дело стучались о ветровое стекло машины. Картина была довольно однообразная, и я начала дремать.

Вдруг мама ахнула, тихонько толкнула меня локтем и движением головы указала вперед. Прямо перед машиной, обогнав ее шагов на десять, мелькая белым хвостиком, во весь дух скакал зайчишка. Он, видимо, боялся свернуть в темноту и мчался по освещенной дороге громадными прыжками, буквально расплываясь в воздухе. Я затаила дыхание. Казалось, вот сейчас, сию минуту, машина догонит и раздавит бедную, глупую зверушку. Все ближе и ближе мелькал белый хвостик... Но дорога круто свернула в сторону, и зайчишка удрал в кусты. Облегченно вздохнула мама, шофер тихонько выругал глупого зайца.

Я откинулась на спинку сиденья, закрыла глаза и уже не открывала их до тех пор, пока машина не остановилась и шофер не сказал: «Приехали!»

Девочка, так болеющая за бедного зайца в свои четырнадцать, влюбленная в белоствольные березки, в суровую пору военного лихолетья напишет в письме к родным:

«Северо-Западный фронт, 9 июня 1942 года

...Как хочется мне на вас посмотреть, хоть бы карточку прислали. У меня по этому случаю будет большой праздник-концерт в составе: соловьи — хором, соло — кукушка, лягушки, жаворонки и прочие певчие птички — их здесь хоть отбавляй.

Вообще природа здесь замечательная. А ландышей сколько! Ягоды цветут, так что скоро появятся такие деликатесы, как земляника, черника, малина, брусника в неограниченном количестве и совершенно бесплатно, ешь — не хочу. А грибы уже начали появляться, мы ходили и набрали штук 15—

20 маслят и подберезовиков. Сварили суп у себя в шалаше на костре. А шалаш у нас был замечательный. Стоял в самом центре, на пригорке, и вывеска к дереву приби-та: «Дача № 13». Это, конечно, я придумала.

А сейчас мы переехали в другое место, продвину-лись вперед. Теперь живем в землянке. Тоже неплохо. Печка, нары, даже стол и полочка есть. Ну, конечно, без бу-кета ландышей не обошлось, а отсюда уют и запах. Красо-та!».

...Ландыши! Как знать, быть может, их яркий ослепитель-ный свет и вспыхнул в последний раз перед широко раскры-тыми Наташиными глазами в местечке Сутоки, на подсту-лах к Старой Руссе, освобожденной нашими частями. Неме-цы предприняли в течение суток 15 контратак. Казалось, раз-верзлась земля, когда в жарком бою на роту автоматчиков и взвод снайперов, выдвинутых на переднюю линию огня, об-рушился целый шквал снарядов и мин. В прицел Наташиной винтовки то и дело попадали похожие на ящериц фигуры вражеских солдат в зеленых мундирах. Немало их осталось лежать на поле сражения.

В решающий момент боя убило командира и, казалось, ряды защитников родной земли дрогнут, но Наташа заняло его место, и горстка бойцов, вдохновленная мужеством де-вушки, стойко держала оборону. Когда в живых остались только она и смертельно раненная Маша Поливанова и вок-руг них сомкнулось кольцо окружения, Наташа обратилась к подруге:

— У тебя есть еще гранаты, Маша?

— Всего две.

— И у меня две.

— Боюсь, Наташенька, сил у меня не осталось, чтобы их бросить.

— И не надо! Когда я брошу свои, ты только встряхни их, но прежде давай попрощаемся.

Героини шли дорогой чести.
К подвигам их молодость рвалась,
Вместе жили, радовались. Вместе
Встретили они свой смертный час.

Так просто и ясно обозначил Михаил Светлов в своем поэтическом слове, опубликованном во фронтовой газете, выполненный девушками гражданский долг перед Родиной.

Щемящей, неутихающей болью отозвалось в сердце матери эхо взрыва последних Наташиных гранат. О подвиге дочери узнала Нина Дмитриевна Араловец от боевых друзей отважной девушки.

К чести матери, она не сдалась в плен своему тяжелому горю, подавила в себе отчаяние, когда все валилось из рук.

И потому так убедительно воспринимаются ее горькие и сокровенные слова:

«Я поняла, что в горе моем не должна, не имею права ни на одно мгновение забыть своего долга перед партией и народом. За двоих я должна выполнять его — за себя и за свою дочь. И если я уже не в силах бороться с врагом силой боевого оружия, то есть у меня другое могучее средство, которым вооружила меня партия — сила пламенного большевистского слова, оружие партийного пропагандиста и агитатора».

Именно так должна была поступить Нина Дмитриевна Араловец, еще в декабре 1917 года вступившая в партию большевиков, состоявшая членом красногвардейского отряда, дважды брошенная белогвардейцами в тюрьмы, скрывавшаяся в подполье до освобождения Златоуста частями Красной Армии.

Проявляя горячий энтузиазм на комсомольской и партий-

ной работе, она поступила в Московский институт журналистики, а затем, в 1929 году, была направлена на учебу в «timi-рязевку». В апреле 1934 года, когда предстояло закончить последний курс сельскохозяйственной академии, ее вызвали в ЦК партии и объяснили: идет решающая борьба за укрепление колхозного строя, никто из коммунистов не должен оставаться в стороне.

Так Нина Дмитриевна была «мобилизована» на горячую точку партийной работы, в политотдел Полудинской МТС. Там, в далеком от Москвы Северном Казахстане, работала редактором политотдельской газеты. Она включилась в полную беспоконья и хлопот, кипевшую напряженным трудом жизнь. В самые дальние колхозы, иногда вместе с Наташей, увозил Нину Дмитриевну в кошке с брошенной в нее охапкой соломы эмтээсовский кучер, в прошлом байский пастух Есенбай Байканов, дядя Есень. Наташа прозвала его Дерсу Узала за добрый нрав, чуткую душу. Она очень оживлялась, когда дядя Есень, натянув вожжи и встав в полный рост в своем ставшем от дождей и пыли жестяным, как кровельном железе, плаще, запевал протяжную казахскую песню.

Не погрешив против истины, можно смело сказать, что внесла Нина Дмитриевна свою искорку в пламя горячих дел Северо-Казахстанской областной партийной организации. Она сумела на добрых традициях своей семьи воспитать Наташу, которая в феврале 1942 года напишет своим родным с фронта: «Сообщаю вам радостную вест: меня скоро примут кандидатом в члены ВКП (б), уже все три рекомендации у меня есть. Сегодня буду писать заявление. Звание кандидата в члены ВКП (б) оправдаю и в бою, и после боя. Буду такой же большевичкой, как мама, как Надя».

А за месяц до этого солдатский треугольник придет на имя бабушки: «Милая моя хлопотунья, не беспокойся за меня, знай, что твоя Наташа никогда не уронит

чести нашей семьи и не опозорит славного ее боевого прошлого».

На вопрос, в какой семье воспитывалась Наташа, что это за славное боевое прошлое, исчерпывающий ответ дала в письме к полудинскому краеведу А. С. Физову, много лет собирающему материал о Герое Советского Союза Ковшовой, ее любимая «тетушка Надюшка», которой читатели «Комсомольской правды» обязаны знакомством с Наташиными письмами.

А это приведенное ниже послание от ныне здравствующей Надежды Дмитриевны Араловец получено от нее спустя почти сорок лет после публикации писем, ставших бесценными документами грозного времени.

«Москва, 20 января 1982 года

Здравствуй, Алексей Савельевич!

Получила Ваше письмо, спасибо!

Вы просите сообщить некоторые сведения обо мне и моей работе. Я работаю доцентом в Московском институте инженеров железнодорожного транспорта на кафедре политической экономии. Работаю в этом институте у 27 лет. в том числе 12 из них руководила этой кафедрой. Это большой институт, в котором учится более 14 тысяч студентов. За работу по воспитанию кадров награждена значком «Почетный железнодорожник». А под Новый год в ЦК КПСС мне вручили знак «Ветеран партии». В партии состою с 1927 года, то есть скоро уже 55 лет. Много прожито и много пережито за эти годы вместе с нашей страной и моей семьей, в которой выросла наша Наташа, гордость и боль нашей семьи...

В воспитании Наташи главную роль сыграла моя мать, Валентина Ивановна Араловец, горячо любившая Наташу. Наша незабвенная бабуся, которая вырастила и воспитала всех нас и наших детей. Из шестерых детей в 1918 году она потеряла двух сыновей — большевиков Аркадия

и Викторина, чьи имена вошли в историю революционного движения Урала. Мой отец, Дмитрий Маркович Араловец, секретарь партийной ячейки большевиков, в мае 1918 года в селе Сикиязе Дуванского района Башкирской АССР был растерзан кулаками и погиб как большевик. Его именем названа школа этого села. Там же сельчане поставили ему памятник. Именем брата Викторина названа улица в селе Месягутове, где он погиб во время кулацкого восстания в мае 1918 года. Вот на этих революционных традициях и воспитывалась наша Наташа. Мы были очень дружны и искренне любили друг друга. До конца моей жизни (а прожила я уже почти 78 лет) я буду помнить ее как бесконечно дорогого для меня человека.

Желаю Вам, Алексей Савельевич, успехов в вашей такой нужной краеведческой работе, доброго здоровья и полного благополучия в вашей жизни.

Надежда Дмитриевна Араловец».

Право же, такой родословной можно только гордиться. Не в ней ли истоки огромной нравственной высоты, величия духа, до предела обнажившиеся в том бою на подступах к Старой Руссе?

Эта же нравственная высота помогла не согнуться ее матери в горькие минуты своей жизни, найти в себе волю и мужество, чтобы силой огненных, идущих из самого сердца строк жить и бороться за победу, за свет майских ландышей, которые так любила Наташа. И ушло из Москвы, со Сретенского бульвара, материнское послание в часть, где служила Наташа, с необычной просьбой дать ей приемного сына из числа боевых друзей дочери.

Можно представить, каким высоким внутренним светом озарилось сердце матери, когда она читала строки фронтового письма:

«На войне есть закон: когда товарищ выходит из строя, герой берет оружие героя. Петр Конаков бьет врага винтовкой, из которой стреляла Наташа. Он отличный снайпер, у него две боевые награды. Все пришли к выводу, что лучшего сына для матери Наты Ковшовой не подобрать».

Тех, кто дрался за наше будущее в снегах Подмосковья, вгрызаясь в землю в окопах Сталинграда, мерз на льду Ладожского озера, тронуло обращение матери к названному сыну, опубликованное в августовском номере «Комсомольской правды» за 1943 год.

«Дорогой сын! Благодарю тебя за то, что ты хочешь заменить мне погибшую в борьбе с врагом дочь — мою Нату любимую. Благодарю тебя за то, что винтовка, выпавшая из рук Наты, снова разит врага. Благословляю тебя всей силой своего материнского горя, всей силой осиротевшего сердца моего. Будь достойным братом Наты. Как я хотела бы быть рядом с тобой, когда ты выходишь на боевой рубеж! Пусть глаз твой будет зорким, как у сокола. Я звала соколом мою Нату. Она была смелой и гордой, как сокол, поэтому она предпочла смерть позорному плену. «Никогда не давайся в лапы врага на поругание, — завещала я своей Нате, провожая ее на фронт, — сражайся до последнего вздоха, не дай врагу торжествовать над собой». Ты знаешь, как выполнила Ната этот мой наказ. А ведь она была только маленькой девушкой с мужественным сердцем настоящей большевички. Не забывайте о ней и о Машеньке. Помните, что победа над врагом была их страстной мечтой. Эту мечту вы должны осуществить и это будет самым лучшим памятником Нате и Маше. Обнимаю тебя, сынок. Будь счастлив. Жду тебя с победой. Твоя мама»*.

*Комсомольская правда. 1943, 27 авг.

И хотя Нины Дмитриевны Араловец нет среди нас, ее боль доносится из минувших десятилетий в наши восьмидесятые, чтобы предостеречь, сказать вместе с нами «нет» звездным войнам, силой материнского заклинания остановить крылатые ракеты. Словно горячий пепел Хатыни стучатся в сердца юных ее слова самой высокой духовной пробы, завещающие всем ныне живущим на земле высокие нравственные идеалы дочери.

...Я шел по шумному, наполненному, словно щебетаньем птиц, ребячьими голосами коридору Полудинской средней школы и, глядя на оживленных переменой шустрых мальчишек и длинноногих, вырастающих из школьных платиц девчонок, пытался угадать, которая из них могла бы стать Наташей Ковшовой.

Вон та, с весело сбегающими к носу веснушками, или эта, со смешно торчащими рыжими косичками?

Впрочем, нет более неблагодарного занятия, чем загадывать то, на что давно есть убедительный и четкий ответ, который можно отыскать в синих школьных тетрадках.

В комнате боевой славы Наташа открытыми и ясными глазами смотрит с портрета на застывших в почетном карауле ребят. Учительница литературы Надежда Даниловна Грицик познакомила меня с их сочинениями.

Беру наугад из аккуратной стопки тетрадок одно из них и читаю:

«Каждый из нас старается хоть немного, хоть чуть-чуть быть непременно похожим на Наташу. Хочется научиться любить Родину так, как любила ее она. И часто делая какое-то дело, совершая какой-нибудь поступок, я задумываюсь: «А так ли на моем месте поступила бы та девушка, не пощадившая жизни ради Отечества?».

«Если вдруг придется защищать Родину, я тоже шагну в бой без малейшего промедления и буду сражаться

так, как Наташа. Имя ее, подвиг всегда будут для меня примером».

Богата народными, боевыми и трудовыми традициями полудинская земля, славится она своими старожилками, проложившими первую борозду на веками не тронутой целине. Земля, на которой жили будущие Герои Советского Союза Ковшова и Кретова, откуда в суровые годы войны прозвучал клич знатного механизатора Василисы Бондаревой «Девушки – на трактор!». Земля, породнившаяся с далеким вьетнамским кооперативом.

Какой захватывающий простор, какое поле деятельности для патриотического воспитания ребят, стремящихся ко всему героическому, возвышенному.

До глубины души взволновал меня рассказ Надежды Даниловны Грицик о том, как ребята искали в домишке, где жила Наташа, хоть какое-нибудь свидетельство ее жизни – записку, старую школьную тетрадь или вышивку.

А в душе, как эпиграф ко всей Наташиной жизни, звучали строки чеканного, как клятва, стихотворения, на которое я наткнулся, разыскивая в «Комсомольской правде» фронтовые письма Ковшовой.

Будем жизнью защищать Отчизну,
Чтобы жизнь, как песню, вспоминать,
Умирать с такою страстью к жизни,
Чтобы никогда не умирать!

Как перекликаются эти обжигающие, как горячий свинец, строки с Наташиным письмом к подруге Лиде: «В этой войне меня убьют... Я загадала, что если не убьют до 26 ноября, то я останусь жива».

И сегодня, из далеких восьмидесятых, мы по праву можем сказать: «Ты жизнь загадала, Наташа».

Когда я покидал комнату, в которой ребята, впервые переступив порог в страну знаний, на своем первом уроке узнают о твоей жизни и бессмертном подвиге, неожиданно заметил листок с нарисованными на нем ландышами.

А внизу листка неровным ученическими почерком было выведено: «Ландыши для Наташи».

В. Захаров

Нести людям радость

331-я стрелковая дивизия, в которую попала Люба Семенова, держала участок обороны у села Сенино на берегу реки Нарвы. Гитлеровцы, укрепившись на правом высоком берегу реки, цепко держали свои сильно укрепленные рубежи. Уверенные в своей недосыгаемости, фашисты даже в дневное время ходили в полный рост, на глазах у наших бойцов вели какие-то фортификационные работы. Это продолжалось в течение трех недель. Стрелять по обнаглевшему врагу бесполезно: расстояние около 800 метров, поразить цель из обычной винтовки — дело совсем нелегкое. Зато два вражеских снайпера, действующие на участке дивизии, периодически заявляли о себе довольно меткими выстрелами, унесли уже около десяти жизней наших воинов. Вот почему, когда командиру дивизии сообщили о пополнении из 16 снайперов, он не мог скрыть своей радости:

— Ну теперь мы покажем фрицам,— поделился он новостью с комсоставом дивизии.

Узнав, что все прибывшие с пополнением снайперы — девушки, он очень расстроился и даже растерялся. Однако встречать их все-таки пришел.

— Вы что, действительно снайперы?— обратился он к девушкам.

— Так точно, товарищ полковник,— дружно отозвались они. — Дипломированные снайперы.

— Ну-ну,— хмыкнул командир,— тогда, значит, повоюем.

Вечером снайперы разошлись по подразделениям. Любу Семенову и ее напарницу Лидию Климову направили в роту старшего лейтенанта Терехова.

На НП Терехов подробно объяснил девушкам обстановку. Заканчивая разговор, сказал:

— Действуйте, конечно, по обстоятельствам. Одно прошу: хорошенько проучите фрицев и, если удастся, избавьте нас от снайперов. За последнее время нельзя высунуться из траншей. И появляются, черти, там, где совсем не ждешь.

— Попробуем, товарищ старший лейтенант, — пообещала Семенова и, стрельнув глазами в сторону Климовой, добавила: — Хоть нам еще и не приходилось встречаться с живыми фрицами, но о повадках их мы достаточно наслышаны... Словом, постараемся.

— Ну вот и хорошо, — успокоился командир роты. — Ни пуха вам, ни пера, девоньки...

Перво-наперво надо было внимательно изучить местность, хорошо замаскироваться и ждать. Периодически все вокруг озарялось белесым светом ракет противника, потом все вновь погружалось во мрак. До рассвета оставалось не менее двух часов. С помощью разведчиков девушки выдвинулись вперед, метров на 300 от траншеи. На нейтральной зоне вырыли себе ячейки, тщательно их замаскировали и замерли в ожидании. Впереди притаился враг, враг злобный, хитрый, вероломный. Сколько он горя принес нашим людям, сколько злодеяний совершил на советской земле. От этой мысли ненависть закипала в сердце Семеновой. Она пристально, до боли в глазах, всматривалась в противоположный берег реки.

Утро выдалось морозное. Трава, кусты, деревянные настилы, черневшие около реки, заиндевели. И тишина, пронзительная тишина, такая, что даже не верилось: идет война.

Но что это? С ветки сорвалась и закружилась сорока,

за ней другая, третья. Птицы закружились над лесом. Девушки насторожились.

— Смотри, по-моему кто-то приближается к реке. Не иначе, как фрицы,— высказала предположение Климова.

Семенова прильнула к оптическому прицелу.

— Да, идут двое,— подтвердила она. — Попробуем взять их на мушку. — Семенова плавно, боясь пошевелиться, повела прицел и плавно нажала на спусковой крючок. Впереди идущий немец сразу упал на землю.

Тут же раздался выстрел Климовой. Беспомощно хватаясь за ветки дерева, свалился второй фашист. Девушки радостно переглянулись. Неожиданно он встал и быстро засеменил в обратную сторону.

— Ах ты, гад,— не выдержала Семенова. Она перезарядила винтовку и нажала на спусковой крючок. Больше фашист уже не поднимался.

— Теперь надо ждать,— переводя дух, сказала Семенова. — Вот-вот должны прийти за убитыми.

Она хотела добавить, что надо менять позицию, но за рекой, на вражеской стороне, заговорили орудия. Земля загудела от взрывов. Совсем рядом рвались снаряды. Обе девушки словно слились с землей, лежали, не шелохнувшись. В этом они видели теперь свое единственное спасение.

«Значит, немцы сразу засекли нас,— размышляла про себя Семенова,— потому и открыли ответный огонь, как они называют, «огонь возмездия». Она мысленно представила беснующихся сейчас фашистов. Неожиданно ее осенила догадка: под прикрытием огня они наверняка попытаются унести трупы своих солдат. А если устроить засаду? Но как это сделать? Невозможно поднять голову.

Семенова повернулась к Климовой.

— Слушай, Лида,— позвала она подругу,— давай сниматься с места.

— Да ты с ума сошла,— отозвалась Климова,— кругом огненный смерч.

— И все-таки надо попробовать,— настояла на своем Семенова.

По-пластунски, усиленно работая локтями, девушки переместились метров на сорок влево и укрылись на дне воронки от авиабомбы.

Обстрел продолжался. Снаряды проносились то справа, то над головой девушек, разрывы их слышались где-то в нашем тылу.

Главное, что сейчас беспокоило Семенову — это подкараулить фашистов, которые придут за убитыми. В том, что они придут Семенова не сомневалась. Вскоре показалась повозка. Девушки изготовились для стрельбы. В телеге сидело три немца, а четвертый шел за повозкой. Уверенные, что их артиллерия смешала с землей все живое, гитлеровцы не допускали, наверное, мысли о том, что кто-то уцелел от этого огненного смерча. Для гитлеровцев потеря этих четырех фрицев была полной неожиданностью.

Только к вечеру девушки вернулись в расположение роты. Старший лейтенант Терентьев развел руками.

— Молодцы, девоньки. Сбили с них спесь. Спасибо, мои дорогие,— он заключил Семенову и Климову в объятия,— с боевым вас крещением.

Семенова долго не могла заснуть. Прокручивала в голове события минувшего дня. Они с Климовой отправили на тот свет шестерых гитлеровцев. Но это обычный, рядовой враг. А как она будет сражаться с гитлеровскими снайперами, ведь среди них немало настоящих асов. Семенова слышала, что снайперам в гитлеровской армии уделяется особое внимание. Они там проходят двухгодичную подготовку. Сумеет ли она выстоять в единоборстве с ними?

Этот же вопрос Люба не переставала задавать себе и во все последующие дни, когда они с Лидией Климовой, укрывшись в засаде, вели наблюдение за вражескими позициями. Правда, теперь девушки находились на участке соседнего батальона, где появились гитлеровские снайперы. Они успели вы-

вести из строя двух выпускниц снайперской школы, которых отправили в госпиталь.

Провожая девушек, командир дивизии напутствовал их:

— Вы еще можете отказаться,— это не приказ. Дело добровольное. Не скрою, враг хитер и опытен. Но мы очень на вас рассчитываем. Я думаю, эта задача вам по плечу. Вы это недавно доказали.

Семенова вспомнила, как, вручая ей и Климовой медали «За отвагу», командир дивизии сказал:

— Первая, но верю — не последняя награда. Вон уже наша «дивизионка» о вас пишет. Кто знает, не появятся ли у нас свои Павличенко?

«Да, Павличенко,— размышляла Любовь Григорьевна. — Куда мне до нее. Это настоящий талант. Она тонко, досконально знает снайперское дело. О многих хитростях, которые должен знать снайпер, рассказывала нам она. И все-таки во главу угла знаменитый снайпер ставит терпение. Без него, считает она, снайпер ничто — он просто не выдержит поединка с врагом».

Третьи сутки сидели они на «нейтралке», а фашистские снайперы не появлялись. В чем дело? На исходе третьих суток над вражеским окопом показалась каска.

Климова от неожиданности даже подалась вперед, но Семенова остановила ее.

— Не стрелять! Разве не видишь — цель ложная.

Через некоторое время каска снова высунулась и как-то неестественно покачнулась, потом резко спряталась. Ясно: на голове человека она так не колеблется. Девушки стали выжидать, что будет дальше.

Вскоре показалась вторая каска. Потом еще и еще... Враг словно издевался над девушками. Он как расчетливый шахматист ждал своего единственно верного хода, который позволит ему выиграть всю партия. Это был поединок нервов. Поединок, где не бывает мирного исхода.

И все-таки первым не выдержал вражеский снайпер,

впрочем не без помощи Климовой. Сделав неосторожное движение, Лида слишком далеко высунулась из ячейки, и тотчас пуля, срикошетив от каски, впилась девушке в плечо. Молниеносная реакция Семеновой не подвела ее — меткая пуля сразила фашистского снайпера. Гитлеровцы открыли минометный огонь и не прекращали его до самого вечера.

Люба испытывала двоякое чувство: с одной стороны, ее радовало, что она вышла победителем в единоборстве с фашистским снайпером, с другой стороны,— огорчало ранение подруги. Климова потеряла много крови, часто впадала в беспамятство. Ее надо было срочно отправить к своим в медсанбат. Но как? Семенова попыталась взвалить Лиду на себя, но тут совсем рядом просвистела пуля. Девушка поняла: стреляет второй снайпер, вступать в поединок с которым она сегодня просто не могла.

Этот поединок состоялся на следующий день. Вместо Климовой, отправленной в медсанбат, с Семеновой пошла Ира Коновалова, девушка смелая, но совсем еще не обстрелянная.

На этот раз Семенова решила оборудовать свою позицию около большой разлапистой сосны. Люба понимала, что место для позиции она выбрала не самое удачное — слишком уж заметной была эта обособленная сосна. И все же именно здесь она надеялась провести эксперимент.

Подготовку к нему начали ночью. Они сделали большую, почти в рост человека куклу, подняли ее на дерево и замаскировали в кроне. С помощью веревки, выполняющей роль блока, кукла могла свободно скользить по стволу сосны, имитируя движения человека.

Все, казалось бы, учтено. Заметив куклу, имевшую столь правдоподобное сходство с человеком, фашистский снайпер должен клюнуть на приманку. Но этого не случилось по той простой причине, что фашист, еще вчера охотившийся за девушками, как потом стало известно со

слов пленного, перешел на другой участок. До вечерних сумерек Семенова со своей напарницей выманивали гитлеровца, таская по стволу дерева куклу.

— Позже поняли,— рассказывает Семенова,— что фашистского снайпера на этом участке просто нет. И все-таки от плана своего не отказались. Надо сделать так, решили мы, чтобы гитлеровский снайпер, где бы он ни был, увидел нас, и тогда он вернется сюда. Но как? И они придумали. На длинный металлический прут,— продолжает рассказ Семенова,— мы укрепили зеркало. Самое обыкновенное зеркало. Моя напарница, Ирина Коновалова, надежно укрывшись за сосной, направляла зеркало на вражеские траншеи. Я же из своей ячейки, находившейся в пятнадцати метрах от Коноваловой, следила за реакцией врагов. Первым на нашу хитрость клюнул пулеметчик. Он выпустил по кукле длинную очередь, но тут его настигла моя пуля. В этот день мне удалось подстрелить еще троих.

Возвращались в свою часть мы довольные. И все-таки где-то подспудно у меня возникла беспокойная мысль: «А гитлеровский ас так и не пришел, и когда придет — неизвестно». Трудно передать словами нашу радость, когда на следующее утро перешедший на нашу сторону немецкий ефрейтор сообщил, что в числе уничтоженных фашистов был и прославленный гитлеровский снайпер Фридрих Коль.

Так постепенно приходила к Семеновой снайперская зрелость. Много раз вела она дуэль с вражескими снайперами и всегда выигрывала ее, подчас сутками не покидая засаду. Знала, что малейшая ошибка, демаскировка, каждое лишнее движение может стоить ей жизни. Дважды за это время ее настигала вражеская пуля, но ранения, к счастью, оказывались легкими. Из медсанбата Люба вновь возвращалась в свою часть. В снайперской книжке Семеновой стоит цифра «45». Столько

гитлеровцев было уничтожено ею на фронте. Семенова награждена медалями «За отвагу», «За боевые заслуги», орденом Славы III степени.

После войны Любовь Григорьевна участвовала в строительстве столичного метро. Работала арматурщицей, отделочницей, маляром. А позже, переехав в Алматы, Семенова работала медсестрой в различных лечебных учреждениях столицы нашей республики. В восемьдесят первом, когда силы начали заметно убывать, ушла на пенсию. Но это вовсе не означает, что она ушла от людей. Скорее наоборот: у Семеновой появилось больше времени общаться с людьми. Семеновой всегда рады школьники. В дни праздничных торжеств бывает она в гостях у студентов, воинов. Словом, и ныне ветеран живет активной, деятельной жизнью. Заканчивая встречу с учащимися средней школы № 33, она прочитала стихи Юлии Друниной.

Нет, это не заслуга, а удача —
Стать девушке солдатом на войне.
Когда б сложилась жизнь моя иначе,
Как в день Победы плохо было б мне!
Смотрю назад, а предпламенные дали —
Нет, не заслугой в тот зловещий год,
А высшей честью школьницы считали
Возможность умереть за свой народ.

Да, именно так вправе о себе сказать Любовь Григорьевна Семенова, чья юность была опалена войной. Она вышла из войны закаленной и стойкой, с достоинством идет по жизни, несет людям радость.

С. Ягмурова

Она прошла по той войне

Когда-то давно, в детстве она вот так же лежала в траве и умирала, еще не зная, что ей суждено воскресать и умирать потом не единожды. Была весна, на солнцепах уже появились первые подснежники, кое-где пробивалась зеленая трава. Она шла, ничего вокруг не замечая. От голода кружилась голова, босые ноги посинели от холода. Ей было девять лет. После смерти родителей осталось семь сестренок мал-мала меньше и брат четырнадцати лет — самый старший. Соседи решили отдать Шагилу в пастушки к богатым дальним родственникам, но они оказались людьми недобрыми. Шагила впроголодь пасла их многочисленных коз с утра до позднего вечера. Еды ей почти не давали, одежды тоже, зато подзатыльников — в избытке. Ослабевшая от голода, она не выдержала и сбежала.

До родного аула была километров восемь. Силы уже покидали ее. Ребятишки, собиравшие в поле за аулом прошлогоднюю картошку, нашли ее без признаков жизни.

— Да это же Шагила! Бежим скорее, скажем ее брату,— решил за всех старший мальчик.

Перепуганные, они вбежали в дом: «Там, за селом, Шагила мертвая лежит!». Нет, она не умерла тогда. Брат принес ее на руках домой, женщины отогрели ее и отпоили козьим молоком.

Люди посоветовали брату Шагилы: сейчас всем жи-

вется очень трудно, нам не поднять вас всех. Но есть у нас одна сильная, мудрая Мать — наша социалистическая Родина, для которой дороги все ее дети и которая не даст им погибнуть, кем бы они ни были — русскими или казаками. А может, эти слова говорил Шагиле рано повзрослевший брат, отдавая ее в детский дом. Именно тогда, в самом начале жизни, в ее сознании складывалось понимание того, что Родина — это большой дом, в котором если кому-то плохо, то плохо всем, что Родина — это добрая Мать, которой одинаково дороги все ее дети и у которой нет сирот, что Родину, как мать, нельзя не любить и, как мать, надо оберегать.

Сейчас ей было восемнадцать. Она лежала на холодной по-весеннему земле и умирала. Не от пули, не от осколков бомбы, только что упавшей рядом — она умирала от горя. Восемь боевых друзей-связистов остались лежать под обломками дома, в который прямым попаданием угодила бомба. Всего несколько минут назад они мечтали о том, как будут жить после войны. Пользуясь передышкой, расположились после боя в украинской хате. Осмотрев рации, приведя в порядок обмундирование, собрались в кружок возле «буржуйки». Совсем по-мирному ворчал на печке походный чайник.

— Знаете кем я буду после войны?— нарушил молчание самый старший из связистов, двадцатилетний Григорий. — Поэтом. — Он смутился и уточнил: — Хотел бы им стать.

— А я хотел бы стать музыкантом. До войны увлекался игрой на скрипке, немного пою,— поддержал разговор по душам Иван.

— А ну-ка, ну-ка, спой.

— Да как-то не ко времени веселиться. Война ведь.

Совсем рядом раздался оглушительный взрыв. Шагила подняла голову. Потрясенная, еще не веря в случившееся, расширенными от ужаса глазами смотрела

туда, где всего несколько минут назад стояла хата. Бомба разнесла хату в щепки. Шагила, чудом спасшаяся, впиваясь до нестерпимой боли ногтями в землю, поползла в пепелищу, туда, где остались лежать ее боевые товарищи.

С этих двух эпизодов — из войны и из далекого детства — начала рассказ Шагила Акимбаевна Кусанова, которая по праву может сказать о себе словами поэта: «Я прошел по той войне, и она прошла по мне, так что мы с войною квиты!».

Весть о войне ее потрясла. И первая мысль: «Во что бы то ни стало — на фронт». Она побежала в университет, в котором заканчивала первый курс филологического факультета. Там стихийно уже возник митинг. Потом были проводы на фронт. Шагиле удивительно везло на добрых людей. Может, потому, что у нее самой душа была, как большой дом, в котором находилось тепло для каждого. Евгения Степановна Кузелева, ее названная мать, любила Шагилу как родную.

— Береги себя! Береги, пожалуйста!— Евгения Степановна снова и снова повторяла эти слова, словно все другие потеряли для нее значение. Потом Шагила будет не раз казнить себя за то, что не сказала маме чего-то главного при расставании.

— Пиши чаще!— последнее, что крикнула Евгения Степановна удалявшейся Шагиле. Слышала девушка эти слова или нет, только писала часто. Письма Шагилы были полны оптимизма, светлой и непоколебимой веры в победу. Писала о трудных солдатских буднях, о пережитом.

...Краткосрочные курсы радистов в Ташкенте, потом фронт. Первые бои и первые горькие потери. В первом бою Шагила не испытала страха — она думала об одном: хорошо обеспечить связь, четко, быстро передавать по радиации поступающие команды. Потом, при от-

ступлении, когда увидела десятки, сотни мертвых, искалеченных, зверски замученных людей, пришло ощущение жестокости войны, ее беспощадности, и ненависть к врагу, желание выстоять, победить любой ценой.

В августе 1942 года Шагила за отличную радиосвязь в боях при форсировании Дона награждается медалью «За боевые заслуги». Всего за войну она получит одиннадцать наград. Среди них — медаль «За оборону Сталинграда».

Сталинград! Много воспоминаний связано с ним. Три месяца шли напряженные бои. Их 57-я армия не только отстоявала южные подступы к Сталинграду, но и помогла окончательно расстроить планы фашистов прорваться к городу. Рубежи, проходившие по линии Ивановка — станция Тингута — поселок Дубовый овраг — хутор Семкин, войска 57-й удерживали до самого конца контрнаступления Красной Армии, начавшегося 19 ноября 1942 года. Много лет спустя, в сентябре восемьдесят первого, встретятся в Волгограде ветераны бывшей 57-й армии. Они вспоминали погибших, тех, кого не было сегодня с ними — Героя Советского Союза Н. Сердюка, закрывшего амбразуру вражеской огневой точки своим телом, сержанта М. Хвастанцева, старшину Н. Ильина и других, чей героизм приблизил победу, был для них примером.

Война была для них трудовой работой во спасение Отечества, но восстановить в памяти каждый ее день было невозможно: они сливались в одно понятие — «работа». Одним словом, на войне как на войне.

— А помните?— и не договорив, бывший начальник штаба полка Михаил Иосифович Ниршберг залился смехом, показывая в сторону Шагилы. — Помните,— сквозь смех продолжил он,— как Шагила отметила победу под Сталинградом.

Конечно, все помнили. Шагила решила устроить себе

баню. Почему-то именно так ей хотелось отпраздновать разгром врага. Вскипятила два котелка воды. Одним тут же, в блиндаже, вымыла голову, рассыпав по плечам густые волнистые волосы. Со вторым котелком ушла в дальний окоп и на морозе приняла «душ». Наутро — страшная ангина и самое ужасное — потеря голоса. «Как же связь?» — с испугом думала она. Хрипела простуженным голосом так, что командир спросил: «Откуда взялся новый радист и где Шагила?».

Они вспоминали, плакали и смеялись. Потом долго молча стояли на Мамаевом кургане с непокрытыми головами.

Кусанова приняла свое боевое крещение в Крыму в составе войск 55-й армии. Боевое крещение... Это не всегда первый бой. Под Феодосией стояли в обороне. По одну сторону небольшой речушки наши, по другую — немцы. Нашим из окопов даже высунуться нельзя: место открытое, ровное. А у немцев позиция выгодная: до самой воды сплошной кустарник. И с водой у них нет проблем. Наши же бойцы, особенно раненые, изнемогали от жажды.

— Сестренка, пить, — то и дело раздавался слабевший голос. Стоило кому-нибудь из бойцов попытаться подползти к речушке, как его встречал ливневый огонь.

Шагила возилась с рацией, стараясь не слышать стоны раненых, вдруг она резко выпрямилась, взяла котелок и, никто не успел опомниться, как она уже ползла по направлению к воде.

— Шагила, назад! — крикнул командир. Но ничто не могло ее заставить повернуть назад, туда, где слышалось: «Сестренка, пить». Немцы открыли прицельный огонь. Она ползла, то замирая, прижавшись к земле, словно прося у нее силы, то извиваясь ящерицей, продвигалась к цели. Шла азартная игра, игра на грани жизни и смерти. Обратный путь Кусанова проделала под чудовищным обстрелом, но ни одна

пуля ее не задела. «На-ка, выкуси! Моя земля мне поможет и защитит, а вам все равно убираться отсюда, хоть вы и сильны пока».

А может боевым крещением считать бой под Феодосией, где они брали высоту, на которой закрепились немцы? «Взять во что бы то ни стало!»— был приказ. Ранним утром, под непрекращающимся огнем противника, они двинулись к той высоте. Бойцы падали, как подкошенные, а живые шли и шли вперед, метр за метром продвигаясь к высоте, оставляя за собой товарищей.

«Прячь, сестренка, голову, пригнись!»— то и дело наминали Шагиле бойцы. Но она, потрясенная числом убитых и раненых, с навьюченной рацией и с карабином через плечо, склонялась то к одному, то к другому, пытаясь хоть чем-то помочь — санитарка была убита. Склонялась над раненым и шептала, глотая слезы: «Что же ты, миленький? Потерпи, сейчас помогу».

Не удалось взять высоту в тот день. Туман усилился, поэтому был отдан приказ отступить. Вернулись в окопы, залитые водой, забились тяжелым сном.

Сухие строчки «Боевой характеристики», выданной в мае 1945 года, фиксировали: «С 1942 года принимала участие в боях в составе 33-го гвардейского полка в качестве старшего радиста, прошла славный боевой путь от Волги до города Каменец в Нижней Саксонии... Во время прорыва обороны противника на Дону она, форсировав реку, обеспечила связь полка с наступающими батальонами».

«Форсировав реку»... Шагила Акимбаевна грустно улыбается и рассказывает: «Меня с рацией посадили на телегу и отправили вперед через чудом уцелевший мост. Еду, как королева: при конях, в телеге, на ароматном сене. А опасность тут как тут. Не успела сообразить что к чему, как повисла над водой. К счастью, ремни рации зацепились за разорванное гнездо рухнувшего наполовину моста. Взорвали его, оказывается, фрицы».

Вновь и вновь вчитываюсь в скупые строки характеристики. «Принимала участие в обороне Сталинграда, обеспечила бесперебойной связью командование полка с батальонами во время прорыва сильно укрепленной обороны противника западнее Сталинграда, за что была награждена медалью «За боевые заслуги». Является участником августовских боев 1943 года за г. Харьков. За отличные боевые действия по освобождению г. Харькова имеет благодарность от Верховного Главнокомандования».

Фронтные дороги, складываясь в тысячи километров, вылились в скупые строки «Боевой характеристики»: «принимала участие в боях за овладение Сандомирским плацдармом на западном берегу Вислы. Награждена медалью «За отвагу». За участие в боях по форсированию Одера, за проявленное мужество и стойкость, а также за отличную радиосвязь удостоена второй медали «За отвагу».

Больше всего меня поразили слова: «Службу несла добросовестно».

Теперь-то, после знакомства с Шагилой, было ясно, что стояло за понятием «добросовестно»: выносила раненых, держала связь, голодала и мерзла без нитя, проходила тяжелые военные километры. И все это считала службой, необходимой во имя великой Победы.

«Мне бы надо биографию дополнить, в анкету вставить новые слова, а я хочу вспомнить, все вспомнить, покамест жив и память не слаба...» В памяти и в сердце остались навсегда командиры и политруки, по призванию комиссары, оставившие след в судьбе радистки Шагила Кусановой, в восемнадцать лет ушедшей на фронт. Они были ее учителями в суровом университете жизни. Они учили воевать, побеждать и жить.

Август 1943 года запомнился особым событием. Однажды в блиндаж, где расположились девчата-связистки, пришел политрук. Осмотрев нехитрое убранство походного жилья, похвалил: «Молодцы, уютно у вас». Они ждали,

что еще скажет политрук: ведь не за тем он пришел, чтобы похвалить их уют. Забот у политрука хватало — шла подготовка к боям за освобождение Харькова.

— Жаркие деньки предстоят, — как бы угадывая ход мыслей девчат, произнес политрук. — Коммунистам, как всегда, предстоит быть впереди. Тебя, Шагила, решили рекомендовать в члены ВКП (б). Заслужила.

День, когда принимали в партию, остался в памяти навсегда. Все было просто, строго и в то же время волнующе. Зачитали рекомендации, характеристику. Проголосовали. Здесь же, в окопах, поздравили, вручив кандидатскую карточку.

С боями дошла Кусанова до самого логова фашистов. Победный 1945 год встретила на территории Германии.

И вот настал долгожданный, выстраданный час встречи с родной землей, домом. Верилось и не верилось, что все позади — фронтовые дороги, победы и поражения, наступление и оборона — все слилось в одно торжествующее слово — Победа.

Шагила вернулась в университет, только уже не на филологический, а на исторический факультет. Ко всему надо было привыкать заново: к тишине без грохота канонады, к беседам об искусстве, к посещениям театров. С жадностью она впитывала все, что читали преподаватели, а после лекции до самого закрытия библиотеки засиживалась в читальном зале. Вскоре Шагила возглавила студенческое научное общество.

Пройдут годы, и на ее счету рядом с боевыми заслугами встанут научные: она опубликует свыше 20 работ, статей и монографию о руководящей роли Коммунистической партии в социалистическом и коммунистическом строительстве, защитит кандидатскую и докторскую диссертации.

Мне представляется не случайной выбор темы научного исследования: «Руководство КПСС деятельностью массовых организаций трудящихся Казахстана в период со-

здания фундамента социализма (1926—1932 гг.)». Она обратилась именно к этому отрезку времени, словно искала ответ и для себя: как мог ее народ за исторически короткий срок добиться таких успехов. С гордостью она осознала, что Победа в Великой Отечественной войне — это победа поколения, убеждения которого сформировались тогда, в 20—30-е годы.

Ей бы с лихвой хватило и кандидатской диссертации. У Шагила к тому времени уже было трое детей. И это тоже женский подвиг: подарить Родине будущее в лице сыновей и дочерей. Но она упорно, с каким-то неистовым фанатизмом углублялась в науку. Октябрь 1978 года — дата защиты докторской диссертации.

Шагила Акимбаевна с гордостью рассказывает о своих учениках, многие из которых сейчас работают в науке.

В свое время она была чьей-то ученицей. А кто были ее учителя? Шагила Акимбаевна называет дорогие сердцу имена тех, кто вел ее по жизни: школьный учитель математики Ф. Искаков, педагоги университета С. М. Махмудов, Е. С. Кухелева.

— Не перечить всех, кто помогал мне в становлении как человека и ученого,— чуть растерянно произносит она. — Но есть еще одно имя, которое нельзя не назвать. Пусть вас не удивит, что это была неграмотная, простая, но удивительно мудрая, наделенная талантом жить ради других женщина — моя свекровь Салиха. Впрочем, свекровь не то слово — матерью она мне была. Салиха оставила о себе нежную память. По-житейски мудро воспитывала моих детей, приучала к самостоятельности. Жили как все — было не до роскоши, а она говорила: «Богат тот, у кого нет долгов, а у нас их нет, живем по средствам». В том, что мои дети — Жусупбек, Аскар, Карлыгаш отлично учились в школе, получили высшее образование, а главное, выросли нравственно здоровыми людьми, заслуга прежде всего Салихи. А еще,— заканчивает разговор Шагила Аким-

баевна,— вел меня по жизни святой долг перед теми, кто не вернулся, остался навечно там, в нашей опаленной войной юности.

Святой долг перед теми, кто не вернулся с войны, всегда живет в ее сердце.

Г. Нечунаев

Пока бьется сердце

Жребий брошен

Этот путь стал для Мархабы уже привычным. Каждый день, иногда по 2–3 раза, она проделывает его: от медицинского института до госпиталя инвалидов войны. А уж вечером — обязательно.

В госпитале, напротив которого она живет, есть у нее «своя» палата и «свои» больные, к которым она настолько привязалась, что они даже по ночам снятся ей.

Как они рады ее приходу. Особенно этот, совсем еще молоденький красноармеец, Талгат Султанов. Ему нет еще и восемнадцати, а он уже успел хлебнуть горя. Войну встретил на западной границе, в Бресте, оттуда попал в Смоленск, где и записался в отряд народного ополчения. Рыл окопы, охранял военные объекты. Когда гитлеровцы пришли на Смоленщину, Талгат добился перевода в маршевую роту. Отражал атаки озверевших врагов на подступах к Ярцево. Его ранило: один осколок перебил ключицу, другой — бедро. Ранения серьезные, поэтому и заживление шло медленно.

Всякий раз при виде Талгата у Тукубаевой сжималось сердце: «Неужели он так и останется инвалидом?— думала она. — Такой молодой, красивый юноша, и на тебе: инвалид. Эх, война, война, что же ты наделала».

Тукубаева до мельчайших подробностей помнит тот день, когда в парке культуры и отдыха имени Горького

услышала из динамика зловещее слово «война!». Как-то само собой, стихийно возник митинг. С болью и гневом ораторы говорили о вероломстве фашистов, о том, сколько бедствий и страданий несет она.

До Мархабы доносились голоса людей, выступавших с импровизированной сцены:

— Перед лицом наступившей опасности прошу записать меня добровольцем...

— Мне скоро 60, но винтовку еще сумею держать в руках. Пишите и меня.

— Мы вместе с сыном вступаем в ряды Красной Армии, чтобы бить подлых фашистов.

Потом выступали ее сокурсники Петр Михайлов и Сагындык Музапаров. Высказывали они в сущности одну мысль: сейчас место каждого советского патриота, каждого боееспособного человека на фронте. Они с сегодняшнего дня считают себя мобилизованными в Красную Армию и призывают других последовать их примеру.

Институт на следующий день гудел, как улей. Здесь тоже был митинг, но меньшего масштаба. Открыл его майор из республиканского военкомата, который заявил, что в армию могут быть призваны лишь «представители мужского пола, достигшие 18-летнего возраста. Что же касается девушек, то им это право предоставляется по окончании института».

Кажется, яснее и не скажешь, но студенты не расходились. Девушки окружили майора и настойчиво доказывали ему, что у них равные права с мужчинами, что их просто необходимо зачислить добровольцами на фронт.

Об этом же просила и Мархаба, но майор был непреклонен:

— Поучитесь еще годик, закончите институт и тогда — пожалуйста... А заняться вам и сейчас есть чем... Учеба —

это само собой, а дежурство в госпиталях? Война ведь, как известно, без жертв не бывает...

Умом Тукубаева понимала правоту слов майора, но сердце никак не хотело мириться с этим. И тогда Мархаба решила использовать свой последний шанс, но начала издали:

— Скажите пожалуйста, товарищ военный, что будут делать на фронте наши сокурсники, представители сильного пола? — Она для солидности выдержала паузу и добавила: — Если это не секрет.

Майор улыбнулся:

— Ну какой же тут секрет. Большинство из них будут трудиться в госпиталях и медсанбатах, другая часть возьмет в руки оружие.

— Оружие, говорите?

— А почему бы и нет. На фронте всему научат.

— Может, и научат. А меня вот не надо учить.

— Это как?

— А так,— Мархаба показала значок «Ворошиловский стрелок» и удостоверение к нему. — Сразу после школы в Осоавиахиме получила.

Майор растерянно и чуть смущенно улыбнулся:

— Так это же здорово — врач, умеющий стрелять.

— Так в чем же дело?— продолжала наступать Тукубаева. — Значит, для фронта я в самый раз и сгожусь.

Майор махнул рукой, рассмеялся.

— Вон ты куда, голубушка, клонишь. То что стрелять умеешь — это прекрасно, но врачом-то ты пока не стала. И уже совсем потеплевшим голосом тихо сказал: — Потерпи чуток.

И потянулись студенческие будни. Только жить теперь приходилось по другим меркам. Война наложила отпечаток на весь уклад жизни людей. Лекции начинались, как обычно, с утра, но главный упор теперь делался на практику. Большую часть дня студенты проводили

в госпиталях и больницах. С фронта стали поступать раненые и госпиталей становилось все больше.

Однажды в апреле сорок второго Мархаба встретила в коридоре госпиталя инвалидов Отечественной войны бледного, изможденного юношу, который стоял, прислонившись к стене. Юноша сделал шаг вперед и, вскрикнув, вновь привалился к стене. Глаза его были закрыты, лоб покрылся испариной, он часто и тяжело дышал.

— Что с вами?— участливо спросила Мархаба.

Больной молчал. Он открыл глаза лишь после того, как она взяла его под руку.

— Я вам помогу,— предложила девушка. — Вам куда?

Юноша кивком указал на дверь своей палаты. Тукубаева осторожно довела его до кровати, помогла лечь.

— Улькен рахмет, апа,— поблагодарил он Мархабу, которая собиралась уходить.

Тукубаева кивнула головой:

— Пожалуйста. Только какая же я «апа»? Тебе-то самому сколько лет?

— Скоро будет восемнадцать,— выдавил из себя юноша.

Мархаба не могла сдержать улыбки:

— Я всего на год старше тебя.

Больные, слушавшие этот разговор, оживились.

— Ну, Талгат, ты даешь: девушку в старушки записал.

Юноша, и без того смутившийся своей оплошности, казалось, готов был провалиться сквозь землю. Мархаба пришла к нему на помощь и все обратила в шутку.

— Да и я сама поначалу приняла его за старичка,— она простодушно подмигнула Талгату. — Видно, и на самом деле война никого из нас не красит — ни на фронте, ни в тылу.

Оглядев палату, она спросила:

— А почему у вас такой беспорядок, уважаемые фронтовики? Няни-то хоть заглядывают к вам в плату?

— Раньше была,— ответил за всех уже немолодой Максименко, летчик с обожженными руками. — Да вот уже неделю не показывается. Говорят, заболела, а заменить ее некем.

— Так, так,— вслух размышляла Тукубаева,— некем, говорите. А что если мне взять шефство над вашей палатой?— девушка вопросительным взглядом обвела раненых. — Не возражаете?

— Нет, конечно,— опять за всех ответил летчик,— сделайте, барышня, милость...

Раненые гулом одобрения поддержали товарища.

— Ну вот и прекрасно,— как бы подвела итог разговору Мархаба. — Мне остается договориться с администрацией госпиталя. Я буду у вас вроде няни. Только, сами понимаете, навещать вас смогу лишь после занятий.

Больше трех месяцев продолжалась эта дружба. Тукубаева каждый вечер приходила в госпиталь — прибирала палату, мыла пол, наводила порядок в тумбочках. Тяжелораненым, а таких было двое, в том числе и Талгат, подавала судно, умывала их, писала под диктовку письма.

Больше всего Мархабу заботил психологический настрой своих ребят, как она их теперь называла. Она старалась создать в палате особую атмосферу, но не всегда ей это удавалось. В палате восемь человек. Они такие разные, к тому же страдают от болей, недомогают, многие не знают о судьбе своих близких. Это сначала и сдерживало девушку. «Но ведь от того, что я попытаюсь поднять им настроение, развеселю их, хуже не будет, решила Тукубаева. А раз так — значит, тут к месту будет гитара». К гитаре Мархаба с детства испытывала слабость.

Теперь выздоравливающие с нетерпением ждали ее прихода. С приходом девушки будто светлее становилось в комнате. Мархаба исполняла казахские песни, шуточные частушки. Обитатели палаты сначала были просто слушателями, а потом стали подпевать девушке. Скоро в «музыкальную гостиную» стали наведываться гости из других палат.

Зашедший как-то сюда начальник госпиталя был приятно удивлен.

— Послушай, Мархаба, больные совсем другими стали. Не перейти ли тебе к нам на постоянную работу, — предложил он девушке.

Тукубаева поблагодарила, но принять предложение отказалась.

— Пока я всего лишь няня. Я давно решила: закончу институт и попрошусь на фронт.

Шел июль 1942 года. Получив диплом, Тукубаева прямо с торжественного вечера пришла в госпиталь. Больные уже знали, что Мархаба вот-вот покинет их, поэтому встретили ее несколько сдержанно. Они сердечно поздравили ее с окончанием института. Державший речь летчик сказал:

— Мы тебя, Мархаба, полюбили. Ты стала для нас как родная. В общем, сама понимаешь, нелегко нам с тобой расставаться...

Больше всех переживал предстоящую разлуку Талгат. Дела у него шли на поправку, и он даже заикнулся, что скоро его выпишут, и тогда он сможет вместе с Мархабой поехать на фронт. Тукубаева шутила, старалась быть веселой, хотя ей тоже было нелегко.

На прощание она сказала:

— И вы для меня, поверьте, не чужие. Я всей душой привязалась к вам, но меня ждет фронт. Я вам дам о себе знать. Может, еще встретимся на передовой.

Преодолей себя

Не так представляла Мархаба войну. Конечно, она понимала: война — это не только пальба из пушек, штыковые атаки и лихие кавалерийские набеги. Еще там, в Алма-Ате, она слышала от раненых, что война — это труд. Но одно дело слышать, а другое — испытать самой.

Эшелон остановился в лесу, неподалеку от стационарного поселка. Вдали глухо ухали орудия, километрах в десяти шли бои — наши части сдерживали натиск гитлеровцев.

Последовал приказ срочно развернуть полковой медицинский пункт, подготовить перевязочную для приема раненых.

Старший полковой врач Михаил Герасимович Алексеев, человек сугубо гражданский, робевший перед начальством, с беспокойством поглядывал по сторонам.

— Да, положеньице у нас, прямо скажем, незавидное, — он посмотрел на своих подчиненных, обступивших его. — Это как же: прямо на снегу устанавливать палатки? Ни лома, ни лопат нет под руками.

Спустя полчаса появилось и то, и другое. Мархаба с азартом принялась за работу — выравнивала площадки, долбила в мерзлой земле лунки для колышков и даже не заметила, как появились кровавые мозоли на руках.

Как только подошла первая машина с ранеными, Тукубаева бросилась к ней. Осторожно, боясь причинить лишнюю боль, помогала санитарам укладывать бойцов на носилки, мысленно желая каждому скорейшего выздоровления.

Усталость навалилась сразу, но по мере того, как девушка втягивалась в работу, она отступала. Мархаба уже не чувствовала боли в суставах и пояснице. Она бережно укладывала раненых на носилки и спешила к крайней палатке, оборудованной в перевязочную.

Мархаба старалась не разглядывать бойцов, особенно тяжелораненых — так ей было легче бороться с подступившей слабостью. И все-таки от вида крови, запахов йода, камфары и еще чего-то острого у нее кружилась голова, глаза временами застилал розовый туман. Усилием воли Тукубаева держалась, а встретившись взглядом с Алексеевым, даже находила в себе силы улыбаться.

Мархаба вздрогнула от мучительного стога. На носилках лежал грузный летчик в шлеме с обгоревшим, собренным в гармошку лицом. Живот раненого, едва прикрытый простынью, обильно кровоточил.

Тукубаева съежилась, потускнела, сердце ее разрывалось от сознания того, что она ничем не может помочь ни этому летчику, ни другим раненым.

Санитары поравнялись с Мархабой и вдруг один из них оступился, носилки покосились и раненый оказался на земле. И снова из груди бойца вырвался стон. Уже теряя сознание, она пыталась виновато улыбнуться.

На следующий день с раннего утра Мархаба была на ногах. О вчерашнем напоминала лишь тошнота, да тупая боль в голове.

Шли дни, похожие друг на друга. Тукубаева вместе с другими девушками, многие из которых окончили курсы фельдшеров и медсестер, перетаскивала на носилках раненых.

Позже Мархабе доверили обрабатывать раны, накладывать шины. Девушка урывками, в редкие минуты свободного времени, вела дневник. «Говорят, что к войне можно привыкнуть,— писала она,— может, кому-то это и удастся, а я вот нахожусь на фронте, в 6—7 километрах от передовой, а к войне все равно не могу привыкнуть. Какая это жестокая и несправедливая штука. Вчера в медсанбате умер, как теперь говорят, на боевом посту наш старший хирург Прибытков. Делал сложней-

шую операцию, и в это самое время его схватил инфаркт. До этого он двое суток стоял почти без сна за операционным столом. Вот и не выдержало сердце столь длительного напряжения.

В первые дни, как только я попала сюда, чувствовала себя не очень уютно, вздрагивала при любом выстреле, а уж пулям и подавно кланялась. Подружка моя Лидия Морозова (она старше меня чуть ли не на 15 лет) говорит: «И напрасно ты этим пулям честь отдаешь, ведь они давным-давно улетели. До тебя дошел только их звук. Той же пуле, которой, может быть, суждено в тебя угодить, ты не успеешь поклониться. Ты просто не услышишь ее. Так-то вот, девочка».

А я и в самом деле кажусь девочкой — росточка небольшого, тонюсенькая. Перепробовала, наверное, с полсотни шинелей, но так и не могла подобрать себе по росту, а с сапогами и того хуже. Не подвернись мне обувь погибшего сына полка из соседнего батальона, ходить бы босиком...

С девочками своими живу душа в душу: наверное, тут сказывается каждодневная опасность, общие думы, общие надежды».

Так постепенно Мархаба привыкла к военному быту, свыкалась с суровым, но не лишенным романтики укладом. Живая, общительная по характеру, Тукубаева сразу же нашла друзей, прочно вписалась в коллектив полкового медицинского пункта.

«Вчера, — записала в дневник Мархаба, — у нас состоялось отчетно-выборное комсомольское собрание. Было оно бурным и шумным. Выступавшие приводили немало фактов злодеяний фашистов под Ленинградом и в самом городе, на который гитлеровцы обрушивают тонны смертоносного металла.

Есть древний закон справедливости: «Око — за око, зуб — за зуб». Он велит нам не прощать извергам. Ком-

сомольцы поклялись мстить гитлеровским варварам, не давать им пощады. Решено поддержать начавшееся на Ленинградском фронте движение снайперов. Меня избрали комсоргом полка. Доверие большое. Люди верят в меня, считают сильной, волевой. Я с детства мечтала стать врачом. Не так просто оказалось осуществить свою мечту. Главное — не остановиться на полпути. Тут нужны силы, умение одолевать самого себя, свои слабости, сомнения и колебания. Кажется, такие силы я в себе нашла. Помню, в первый день, оглушенная душераздирающим стоном тяжелораненого летчика, я потеряла сознание. Вспоминаю сейчас об этом и испытываю укор совести: как мог позволить себе слабину человек, который должен облегчать страдания других».

Истиной не поступаешь

Мархабе приснилось, будто бы она сидит на заседании военного трибунала, где разбирается дело Леонида Маркачева. Его обвиняют в малодушии и дезертирстве. Она слышит гневные речи прокурора и его приговор, видит застывшие от ужаса глаза обвиняемого.

Девушка долго не может стряхнуть с себя нелепый сон. Усилием воли заставляет себя открыть глаза. «Надо же такому присниться,— тоскливо подумала девушка. — Это все вчерашний случай».

...Ранним утром Тукубаева собралась к командиру полка полковнику Ковалеву посоветоваться по комсомольским делам. Приблизившись к блиндажу Ковалева, она услышала срывающийся на крик голос командира. Девушка хотела было повернуть обратно, но ее заметил старшина Переверзев.

— А ты, Мархаба, очень кстати,— сказал он вместо приветствия,— сейчас командир полка ведет душеспа-

сительную беседу с одним субчиком. Думаю, тебе интересно будет послушать. Комбат даже специально хотел за тобой послать.

— Садись,— сказал Ковалев, указав кивком на топчан, придвинутый к стене,— послушай, что натворил, этот с позволения сказать, комсомолец.

Тукубаева взглядом измерила долговязого бойца. Его сгорбленная фигура, взъерошенные волосы и виновато блуждающие глаза красноречивее всяких слов говорили о том, что случилось что-то из ряда вон выходящее.

— Самовольно оставить пост, нарушить присягу. Да понимаешь ли ты, что это такое?— распаялся командир полка. — Это называется дезертирством, за которое военный трибунал может дать тебе на полную катушку...

— Но ведь я, товарищ полковник, и ушел-то всего на несколько минут, чтобы малость отогреться,— попытался оправдаться боец,— кругом было все тихо, спокойно.

— Спокойно, говоришь,— вновь взорвался Ковалев. — Оставить огневой рубеж и уйти в землянку... Видите ли, решил погреться. А что враги перед нами стоят и что они какой угодно могут преподнести сюрприз — на это ему наплевать. Ну вот что, комсорг,— несколько успокоившись, обратился полковник к Мархабе,— ему,— он с нескрываемой враждебностью кивнул в сторону Маркачева,— придется отвечать по закону. А пока разберите его по комсомольской линии. Тогда и примем окончательное решение.

Казалось бы, все ясно: вина Маркачева налицо. Но единодушия в оценке его поступка у членов комитета комсомола не было. Кое-кто пытался взять бойца под защиту: он-де комсомолец совсем еще молодой, лишь неделю находится в полку, поэтому заслуживает снисхождения.

Теперь многое зависело от комсорга, от того, как она оценит поступок Леонида Маркачева.

— Комсомолец Маркачев,— сказала Мархаба,— совершил проступок, который с полным правом в наших фронтовых условиях можно назвать преступлением. — Тукубаева сделала паузу и продолжила: — Вы только на миг представьте себе, что могло бы произойти, если бы вражеская разведка проникла по распадку, который должен был прикрывать Маркачев, в наш тыл...

— Но ведь этого не случилось,— попытался защитить Маркачева один из членов комитета.

— Да, к счастью, беда обошла нас стороной,— чуть повысив голос, отпарировала Тукубаева. — Случись по-другому, Маркачев стоял бы сейчас не здесь, а в другом месте.

Мархаба чуть помедлила, посмотрела на бойца, стараясь понять, дошли ли до его сознания ее слова, и продолжила:

— Мой отец, человек многоопытный, немало повидавший на своем веку, говорил: «Когда ты потерял деньги, ты не потерял ничего; когда ты потерял друзей, ты потерял половину жизни; когда ты потерял честь, ты потерял всю жизнь». Маркачев потерял честь, честь комсомольца. Думаю, мы не поступимся истиной, если проголосуем за исключение его из рядов комсомола. И еще,— Тукубаева вздохнула, словно почувствовала всю тяжесть принятой ответственности, и сказала: — Мы будем просить командование дать возможность Леониду Маркачеву искупить свою вину перед Родиной, перед советским народом.

Последние слова показались Тукубаевой высокопарными и она добавила:

— Пусть он докажет, что не потерянный для комсомола человек. Тогда и мы, комсомольцы, наверное, пересмотрим к нему свое отношение.

Комсомольцы дружно поддержали Тукубаеву.

Вспомнив сейчас об этом, Мархаба задумалась. Она вновь и вновь анализировала вчерашний случай, пока окончательно не решила: «Иначе я не могла поступить. Этого требовала справедливость».

Из раздумья девушку вывела Клава Рябова.

— Послушай,— зашебетала она, едва переступив порог блиндажа,— у меня для тебя новость...

На лице подруги сияла добрая, открытая улыбка, и Мархаба поняла: новость хорошая.

— Новость, говоришь!— обрадовалась девушка.

— Да, и еще какая: к нам приехала делегация из глубокого тыла.

— Да ну?

— Вот тебе и ну... За тобой послали.

— Я сейчас, мигом. — Тукубаева начала одеваться.

— А почему ты не спросишь, откуда делегация?— интригующее спросила Рябова.

— Но ты же сказала, что из глубокого тыла.

— Именно из тыла. А если точнее — из Казахстана.

Мархаба даже всплеснула руками:

— Ой, как здорово! Даже не верится.

Делегация состояла из шести человек. Это были в основном пожилые люди. Но была среди них одна совсем еще юная алмаатинка Рая, швея по специальности. Она первой заключила Тукубаеву в жаркие объятия и долго не отходила от нее, подробно расспрашивала о фронтовой жизни.

Через несколько часов Мархабе уже казалось, что она знает Раю с детства. Тукубаевой импонировала простодушная откровенность девушки, ее добрый, веселый нрав. Мархабе не терпелось узнать, что нового там, в Алма-Ате. Но Рая буквально не давала ей слова сказать.

— Ну, а как вы там, Рая, живете?— решила, наконец, прервать девушку Тукубаева.

— Мы то что,— улыбнулась Рая,— понятное дело, не сидим сложа руки. На вас, фронтовиков, равняемся. День подчас от ночи не отличаем, по 12—14 часов работаем. Одежду, варежки шьем для фронта. Вам вон подарки привезли,— она кивнула в сторону разгружавшихся машин. — И еще вот,— девушка протянула Тукубаевой плотный лист бумаги, отпечатанный типографским способом.

— Что это? Никак, послание...

— Точно!— подхватила швея. — Да еще какое!

Мархаба с нетерпением погрузилась в текст. Радостно забилося сердце.

Это было обращение комсомольцев предприятий столицы Казахстана к молодым защитникам Ленинграда. Высказывая свое восхищение казахстанскими воинами, защищавшими город на Неве, они заверяли, что не ударят в грязь лицом, будут делать в тылу все возможное, чтобы помочь фронту, не пощадят себя ради победы над ненавистным врагом.

Тукубаеву глубоко взволновали слова обращения: «Мы надеемся, что вы, наши славные земляки, будете так же мужественно сражаться, как сражались казахстанские воины, защищавшие столицу нашей Родины — Москву...»

Потом, после отъезда делегации, Мархаба не раз перечитывала это обращение. «Нам верят, на нас надеются,— размышляла про себя девушка. — Видят в нас чуть ли не героев. — При этой мысли девушка невольно вспомнила слова старшего полкового врача Алексеева, который часто повторял: «Не забывайте: мы с вами, труженики войны. Война еще идет, поэтому вредно ослабляться. Нам надо постоянно держать себя в руках».

Уже перед сном в письме к родителям Тукубаева писала: «Сегодня у нас большая радость: в гостях была делегация из Алма-Аты. Какие это прекрасные, просто

чудесные люди! Они много рассказывали о делах в тылу. Слушая их, я испытывала ни с чем не сравнимое радостное чувство, будто прикоснулась к своей родной казахстанской земле, увидела и услышала вас, мои дорогие.

Нам, конечно, нелегко здесь. Война есть война с ее неумолимыми законами. Но я, можно сказать, уже привыкла к трудностям фронтовой жизни. Знаю: вам в тылу тоже трудно. Может быть, даже труднее, чем нам. И оттого такая злость к фашистам поднимается, что порой хочется взять винтовку и вместе с нашими бойцами бить врагов. Да только наш начальник говорит: «Здесь, на полковом медпункте, мы нужнее». Одно скажу: можете верить, мои дорогие, за свою дочь вам краснеть не придется».

Возмездие

Ленинград в тисках вражеской блокады. Голод и холод косят людей. Ленинградцы переживают самую страшную трагедию за все время существования города.

О том, что готовится прорыв блокады, Тукубаева слышала, но то были слухи, вызванные искренним желанием людей видеть Ленинград свободным. А когда начнется наступление, оставалось только гадать. С нетерпением ждала прорыва блокады Мархаба, и для этого у нее были свои причины.

Однажды, это было еще в Алма-Ате, Тукубаева встретила знакомую девочку, которая так же, как Мархаба, приходила в госпиталь, чтобы помочь раненым. Обычно жизнерадостная и веселая, на этот раз она была заплаканной.

— Что случилось, Лена? — участливо спросила Тукубаева. — Тебя кто-нибудь обидел?

Девочка зарыдала.

— Понимаете я ходила в военкомат и попросила, чтобы меня отправили на фронт, а мне отказали.

— Но ведь тебе нет еще и пятнадцати, — попыталась успокоит девочку Мархаба, — кто же тебя возьмет на фронт? Надо малость подрасти.

— Нет, мне надо сейчас. Я и без того долго ждала, — упрямо твердила девочка. — Я должна отомстить фашистам.

Немного успокоившись, Лена поведала историю своей короткой жизни.

Родилась и жила Лена в Ленинграде, там ее и застала война. “В тот день, — рассказывала она Мархабе, — мы пошли гулять в парк Лесотехнической академии. Папа нес грудную Оксану, а я шла с мамой. В парке был пруд и малюсенький островок, словно созданный для отдыха. Было тихо, безлюдно, в воде, как в зеркале, деревья отражаются. Тут видим, на проспекте что-то необычное творится. Люди группами собираются, что-то кричат. Встревожились и мы. Папа побежал на проспект, быстро вернулся: война! Уже на другой день ушел он добровольцем на фронт — и больше мы его невидели. А в августе пришла похоронка: “Погиб смертью храбрых под городом Лугой”.

Девочка часто прерывала рассказ — мешали слезы. Она как бы вновь переживала ленинградскую трагедию.

“Потом началась блокада, — продолжала Лена, — фашисты вплотную подошли к Ленинграду, нам предложили эвакуироваться. Но мама не захотела. Она говорила, что фашистов скоро раобьют, папа вернется, а нас в городе не будет. Однажды глубокой осенью мы с Оксаной ждали с работы маму. Она что-то задерживалась. Ждали по поздней ночи — напрасно. Оксана начала реветь — есть захотела. Она ведь грудной была. А утром к нам пришла соседка и сообщила, что во время обстрела снаряд угодил в вагон трамвая, а мама была вагоновожатой...

Ударили морозы. В квартире холодище, топить нечем. Есть тоже нечего. Оставив Оксану соседке, я пошла работать на Кировский завод, снаряды там делала. Но вот умерла и соседка. Оксану не с кем оставить. А тут еще и сама заболела, от голода вся распухла, ноги в валенки не влазят. Но я-то уже взрослая, как-нибудь перетерплю, а Оксанка? Она совсем ослабла. И уже не кричит, а только пищит: есть хочет. Что-то надо было делать. Собрав остатки сил, я все-таки добралась до хлебного ларька. Думаю, получу паек, где-нибудь обменяю его хоть на полстакана сухого молока для Оксаны, а там — будь что будет... Но не тут-то было: продавщица отказалась отоваривать мне карточки вперед, сказала, что не положено. У меня руки опустились, не знала, что делать. Вдруг подходит ко мне военный в форме капитана. Посмотрел он на меня, послушал мой сбивчивый рассказ и говорит: «Приходи завтра сюда же, только пораньше. Я тебя через Ладогу переправлю на Большую землю». На прощание он сунул мне в руку кусочек сахара.

Домой бежала, не чувствуя под собой ног. Думаю, теперь-то я сделаю Оксанке сладкий чай. Да только живой ее уже не застала, умерла моя Оксанка.

А утром я все-таки пошла к месту встречи с капитаном. Сдержал он свое слово. Вот так я оказалась у вас, в Алма-Ате».

Рассказ девочки буквально потряс Тукубаеву. Она долго никак не могла прийти в себя. Как еще после всего пережитого это хрупкая девочка осталась приветливой и доброжелательной? То, что она должна отомстить кровавым палачам, — в этом есть высшая справедливость, но она же совсем ребенок. Кто отомстит за нее, за ее родных?

В тот день Мархаба как могла постаралась успокоить Лену, и вот сейчас вновь вспомнила о ней. «И надо

же было так распорядиться судьбе, чтобы я оказалась именно под Ленинградом, — размышляла Тукубаева. — Значит, я должна отомстить за искалеченную судьбу девочки. Но теперь уже недолго осталось ждать — комбат сказал, что артподготовка начнется в половине десятого».

В назначенное время будто небо расколосось и упало на землю. Это была чудовищная какофония звуков. Тысячи снарядов, тонны смертоносного металла обрушились на позиции врага. Земля содрогалась от взрывов. Дым, через который лишь кое-где просачивались огненные валы пламени, затянул весь горизонт. Забравшись на обледенелый пригорок, Мархаба вместо со своей подругой Клавой Рябовой наблюдала за артподготовкой.

Отсюда хорошо просматривались позиции гитлеровцев. Сначала била крупнокалиберная, так называемая дальнобойная артиллерия, усиленно обрабатывала передний край гитлеровцев наша авиация. Но вот подали свой голос и гвардейские минометы — «катюши». Девушки от радости даже закричали:

— Ну держитесь, проклятые фрицы, отольются вам слезы ленинградцев.

Два с половиной часа более четырех с половиной тысяч орудий и минометов сокрушали оборону фашистов. И вот по сигналу ракеты наши войска устремились вперед. С передовой стали доходить слухи — ленинградская блокада прорвана.

А полчаса спустя стали поступать первые раненые. Мархаба в эти минуты преобразалась. Внешне спокойная, она вдруг заряжалась неиссякаемой энергией, находилась все время в движении, торопила санитаров, сама бралась за носилки, делала перевязки, накладывала шины, переливала кровь и не переставала думать о предстоящей встрече с врагами. Но и в этот день она не состоялась.

Прорвав вражескую оборону, наши войска продолжали теснить гитлеровцев. Враг злобно огрызался, шел на всякие хитрости. Используя сильно пересеченную местность, гитлеровцы подчас незамеченными отсиживались в нашем тылу, в оврагах и лесах, выжидали удобный случай, чтобы нанести удар в спину советским частям.

Вот и сейчас гитлеровцы появились совсем неожиданно. Их было немногим больше взвода. Отбившись от своей части, они где-то переждали, пока пройдут наши главные силы прорыва, и теперь приближались к передовой, намереваясь, видимо, через наши боевые порядки прорваться к своим.

Сбившись в кучу, пренебрегая маскировкой, гитлеровцы шли краем лесной просеки. Первой их заметила Клава Рябова.

— Девочки!— вскрикнула она, едва не выронив носилки,— да вы только посмотрите! Это же фрицы!

— Да что ты мелешь! Откуда им здесь взяться,— оборвал девушку шофер санитарной машины Шилов и тут же осекся. — А ведь ты, пожалуй, права: они самые...

Фашисты, успевшие к этому времени разглядеть машину с красным крестом и людей, сновавших подле ее, открыли беспорядочную стрельбу.

Тукубаева в это время метрах в пятидесяти от машины перевязывала тяжелораненого бойца. Услышав выстрелы, она насторожилась. Достаточно было мгновенья, чтобы оценить обстановку. «Силы, конечно, неравны,— молнией пронеслось в сознании девушки,— против взвода фашистов нас шестеро. Вооружены же лишь двое: автоматы у меня и у Шилова. Правда, есть еще ящик гранат-лимонок, который про запас всегда возит с собой Шилов. И все равно это не даст нам преимущества. Страшно даже подумать, что будет с ранеными, если фашисты придут сюда. Надо срочно предупредить наших».

— Девчата!— закричала Мархаба подругам,— срочно отходите к НП, мы с Шиловым прикроем вас. Передайте, чтобы выслали подмогу.

Укрывшись в ложбинке перед машиной, Тукубаева пристально вглядывалась в сторону лесосеки, где затаились фашисты. Первые выстрелы Шилова несколько охладили их пыл — они стали осторожнее, но ненадолго. Заметив, что санитарки побежали в сторону передовой, они поднялись, намереваясь открыть стрельбу, но выстрелы Мархабы и Шилова заставили их снова залечь.

Тукубаева впервые вот так близко видела врагов. Можно было различить цвет их шинелей и даже блестящие пуговицы.

Заметив поднявшихся во весь рост гитлеровцев, Мархаба с силой нажала на спуск автомата. Она видела, как сразу осел срезанный очередью вырвавшийся вперед фашист, судя по всему, офицер, а вслед за ним, словно споткнувшись обо что-то, упал на землю другой. Она вновь нажала спуск.

Гитлеровцы залегли, начали рассредоточиваться, пытаясь обойти Тукубаеву и Шилова с флангов и взять их в клещи. Мархаба оглянулась назад: девушки были уже недосыгаемы для вражеского огня. Значит, сумеют вовремя предупредить наших о грозящей опасности. Только бы продержаться, хотя бы еще минут двадцать. Тукубаева поближе подползла к машине, из-за которой бил по фашистам Шилов. Разложив перед собой около десятка «лимонок», он уже изготовился для броска. Мархаба остановила его.

— Постой,— она сделала протестующий знак рукой,— граната до них все равно не долетит. Тут, считай, не меньше 80 метров. И потом — мы раньше времени откроем свой секрет.

— Какой секрет?— не понял шофер.

— Что у нас есть гранаты. А в данной ситуации это, считай, козырь.

— Ишь ты, какая ученая!— улыбнулся Шилов,— где ты только этому научилась?

— В Осоавиахиме,— серьезно ответила Тукубаева. — В ближнем бою это карманная артиллерия — незаменимое оружие.

А фашисты между тем медленно обступали высоту, на которой стояла машина. «Хорошо, что хоть люди не догадываются о происходящем. Большинство из них тяжело ранены»,— подумала Тукубаева и тут же поняла, что ошиблась: двое раненых, способных передвигаться, выбрались из машины и теперь вплотную придвинулись к Тукубаевой — она была ближе к ним.

— Товарищ военврач,— обратился один из них,— вояки, конечно, из нас неважные, но раз уж так случилось, не отказывайтесь от нашей помощи.

Не дождавшись ответа, он потянулся здоровой рукой к гранатам, взял одну из них и, держа ее перед лицом своего товарища с перебинтованной левой рукой, сказал: «Значит, так, браток, ты достаешь чеку, а я бросаю гранату. Договорились? Вот и ладно».

Другие раненые, встревоженные перестрелкой, тоже зашевелились. Отчетливее стали стоны и выкрики.

Мархаба сейчас думала об одном: как продержаться до подхода своих. Разобравшись в обстановке, она ясно представила, какая опасность подстерегает их всех. «Гитлеровцев где-то около двадцати. Семеро из них затаились слева за камнями, примерно столько же — справа, в лощине, пятеро фашистов обращены лицом к машине, среди них и этот мордастый, с кашне на шее, видимо, старший по званию. Его надо прикончить в первую очередь».

В эти минуты Мархабу было не узнать: она вела себя так, будто уже не раз попадала в подобные ситуации. Ее спокойствие передалось шоферу и раненым. Даже отча-

явшиеся были раненые, которые находились в машине и сверху следили за ходом событий, мало-помалу начинали верить в благополучный исход схватки.

Но вдруг раздались звуки губной гармошки, и тут же свинцовый ливень обрушился на машину, застучал по ее обшивке. Почти одновременно с двух сторон — справа и слева — поднялись гитлеровцы.

Мархаба едва успела крикнуть: «Шилов, держи их справа». Длинной очередью полоснула по группе фашистов, бегущих прямо на нее. Трое вражеских солдат сразу же упали, как подкошенные. Еще троих уничтожил раненый боец гранатой. Не оплошал и Шилов — пули его настигли четверых гитлеровцев. Оставшиеся в живых фашисты сначала залегли, а потом стали отползать к лесосеке.

Мархаба ликовала, радовались и раненые.

— Крепко мы их, — сказал боец с перевязанным плечом. — Значит, и мы еще на что-то способны.

Но передышка продолжалась недолго. Фашисты снова открыли огонь. От первой же пули погиб раненый боец, вторая пуля угодила в стоящую перед Мархабой санитарную сумку. Тукубаева сразу определила: стреляют с высокого дерева, это в 180—200 метрах от них. Судя по всему, огонь ведет снайпер. «Мы как на ладони. Надо срочно менять позицию», — мелькнула мысль.

Едва Тукубаева успела отпрянуть в расщелину между двумя валунами, раздался выстрел. Теперь фашисты подбирались к ним с правого фланга осторожно, короткими перебежками, залегая в выемках и ложбинках. Тукубаева и Шилов то вместе, то поочередно строчили из автомата, но пули их не достигали цели. В ход пошли гранаты, но и они, похоже, не причинили серьезного вреда врагам, укrywшимся в каменных расщелинах. Чувствовалось по всему, гитлеровцы выжидали момент, когда у Шилова с Мархабой кончатся боеприпасы, чтобы взять их голыми руками.

Мархаба то и дело посматривала в сторону НП, откуда должна была появиться помощь. С начала боя прошла уже без малого полчаса.

Девушка не думала о смерти: захваченная азартом боя, она жила одним: не допустить фашистов к машине с ранеными, и никакая цена за это не казалась ей чрезмерно высокой, даже собственная жизнь.

Мархаба собрала оставшиеся шесть гранат, проверила автомат. В диске оставалось немногим более половины патронов. «Если стрелять расчетливо, то можно еще не одного гада отправить на тот свет. Да и гранаты — не пустяк», — размышляла девушка, не переставая следить за фашистами, опять готовящимися к штурму. Вдруг до нее отчетливо донесся резкий, отрывистый звук ручного пулемета и в тот же миг она увидела, как фашисты, скрывавшиеся за каменной грядой, врассыпную побежали к лесному распадку. Подошли свои. Это были бойцы третьей роты и среди них Леонид Маркачев. Это его пулемет решил исход боя. «И вовсе он не трус. Искупил свою вину человек», — горячо прошептала Мархаба, как будто убеждая в этом кого-то.

Немцы уходили. Тукубаева выбежала на правый, ближайший к гитлеровцам склон высоты, и разрядила диск в удаляющихся гитлеровцев. Только теперь она почувствовала тяжесть автомата. Обессиленная, раздавленная непомерным напряжением, она упала на мерзлую землю и зарыдала.

А на следующее утро Мархаба снова выносила с поля боя раненых, делала перевязки, хлопотала у санитарной машины. Здесь ее и застал командир санитарной роты Демьянов.

— Вот что, Тукубаева, — он чаще обращался к Мархабе по фамилии, — бери сумку — и на передний край. Тебя будет сопровождать разведчик.

— Что-нибудь случилось?

— Да, случилось— мрачно подтвердил Демьянов,— ранен заместитель комдива, полковник Бармус. Сейчас он на НП капитана Курганова.

Расстояние до НП стрелкового батальона в сущности небольшое, немногим более километра, но местность открытая, хорошо просматривается противником. Первые 300 метров они прошли без всяких происшествий. Подошли к опушке леса и вдруг в воздухе засвистели снаряды. Видимо, опушка была пристрелена гитлеровцами. Артналет пришлось переждать в воронке от бомбы. Дальше шли по дороге, змейкой вьющейся по лесной просеке. Неожиданно почти рядом разорвался снаряд и ранило разведчика. Мархаба перевязала его и отправилась обратно. Перед самой передовой, прячась от выстрелов вражеских снайперов, Мархаба ползла по-пластунски, отлеживаясь в воронках. Под непрекращающимся огнем юркнула в траншею, где находился НП. Раненый был в землянке, еще дальше. Мархаба пробралась через земляные завалы в блиндаж. Бармус был почти без сознания. Он прерывисто дышал, на впалых щеках горел лихорадочный румянец. Тукубаева обработала рану на груди, сделала перевязку. Решено было немедленно эвакуировать полковника. Еле протиснувшись через узкую пробоину в стене, Тукубаева и адъютант выбрались из блиндажа и понесли раненого по траншее.

Начался обстрел. Позади что-то оглушительно ухнуло. В ушах зазвенело, казалось, лопнули перепонки. Мархаба непроизвольно присела, закрыла глаза. Снаряд вторично угодил в блиндаж. Еще бы чуть-чуть...

Переждав немного, они уложили раненого на шинель и ползком потащили его по дну замерзшей речки. Колени пристывали ко льду, мокрая шинель покрылась льдом, в голенища сапог набралась холодная вода, сапоги стали пудовыми. Но девушка почти не чувствовала ни тяжести, ни холода. Ей было даже жарко — горело в груди,

не хватало воздуха. Мархаба плохо помнит, как они с адъютантом дотащили Бармуса до медсанбата.

Поздно вечером в комнату, служившую временным прибежищем Тукубаевой, зашел старший врач Алексеев. Он пристально, словно впервые видел ее, посмотрел на Мархабу.

— Я, честно сказать, не знал, что ты такая.

— Какая такая?— недоуменно передернула плечами девушка.

— Ну, смелая такая,— подыскивая нужные слова, сказал Алексеев и широко улыбнулся. — Это главным образом по твоей милости Гитлер осиротел на целый взвод солдат.

Похвала смутила Мархабу, она не знала, что сказать в ответ.

— Большое спасибо тебе за спасенных раненых и за полковника Бармуса,— продолжал Алексеев. — Словом, молодец. Комдив о тебе спрашивал. «Хочу,— говорит,— посмотреть на эту героическую девушку». Да только до этого ли сейчас? Сама знаешь — идут бои за Ленинград.

Алексеев помолчал и уже потеплевшим голосом добавил:

— Ты смотри, так больше не рискуй, а то я лишусь своего лучшего помощника. Вот стабилизируется обстановка и будем принимать тебя в партию. Так что готовься.

Высота 43,3

Это был пятый день наступления. Гитлеровцы под напором наших войск отходили, но при этом сильно огрызались — переходили в контратаки, старались всеми силами сдержать части Волховского фронта, идущие на соединение с войсками Ленинградского фронта, на прорыв блокады Ленинграда.

Важная задача стояла перед 1216-м стрелковым полком. Он должен был овладеть господствующей высотой 43,3 и этим обеспечить продвижение других частей и подразделений 364-й дивизии, наносящих удар по врагу со стороны Синявино.

Высота эта, превращенная гитлеровцами в крепость, выглядела действительно внушительно. Тщательно замаскированные орудия и пулеметы держали под обстрелом равнину в радиусе до двух километров. Стоило появиться в зоне видимости нашим подразделениям, как фашисты обрушивали на них лавину смертоносного огня. Неудивительно, что первая атака воинов 1216-го полка за высоту закончилась неудачей.

Полковник Ковалев, собрав командный состав полка, подробно разбирал причины неудачного наступления. Необходимо было как можно скорее овладеть высотой 43,3. В заключение командир обратился к начальнику полкового медицинского пункта:

— Ну, а как медики?

— Все, что от нас зависит — сделаем, товарищ полковник, — вытянулся по стойке «смирно» врач Алексейев.

— А раненых у вас много? — поинтересовался Ковалев.

— Очень много. Не успеваем эвакуировать, не хватает перевязочных материалов, людей.

Он еще что-то хотел добавить, но полковник остановил его:

— Вот что, товарищ Алексеев, сам видишь, какую нам крепость приходится брать, так что потери неизбежны. Раненых будет еще больше. И помни: ни один раненый не должен умереть от потери крови, по халатности санитаров. Подбирать раненых надо своевременно. Мобилизуй весь свой медсанбат. Я не знаю, как ты это сделаешь, но я уверен, что твои медики не подведут.

Мархаба, оказавшаяся в третьем батальоне 1216-

го полка, чувствовала себя вполне уверенно. Она поименно знала многих бойцов, была хорошо знакома и с офицерами этого батальона, большинство из которых уже успели побывать в медпункте.

— Ну как, Иван Васильевич,— обратилась Тукубаева к командиру второй роты лейтенанту Реутову,— высотку все-таки брать придется:

— Куда денешься — придется,— вздыхает Реутов.

— А осилите?

— Да уж как-нибудь, с божьей помощью. — После небольшой паузы он добавил: — Немец крепко сидит до тех пор, пока чувствует себя в безопасности. Пушек и пулеметов вон сколько понатыкал. А лиши его этого преимущества и он сразу пятки покажет. А ты, Мархаба, и в самом деле собираешься сопровождать нас?

— А почему бы и нет?— с обидой в голосе отозвалась девушка. — Или вы считаете нас белоручками?

— Да нет, что ты,— смутился Реутов,— я просто так спросил. Тебе-то можно бы и не рисковать.

— А это уж как получится, товарищ лейтенант,— ответила Мархаба и добавила: — На войне ведь нельзя ничего загадывать заранее.

До атаки оставались считанные минуты. Мархаба внимательно осмотрела свою сумку санинструктора, достала пистолет ТТ, пожалела, что не взяла с собой автомат.

Ветер со стороны противника доносил запахи стылой земли. Снег густо перемешан с черной землей — недавно здесь был бой. Стоит оглушительная тишина, которая обычно предшествует грозе. И гроза разразилась — ударила наша артиллерия, от разрывов снарядов ходуном заходила земля. Позиции гитлеровцев на высоте 43,3 заволкло дымом. Гул нарастал, ударили эрэсы, а вслед за ними — вражеская артиллерия. Скоро все потонуло в дыму. Взвилась ракета — условный сигнал атаки. Первой бросилась в бой рота лейтенанта Реутова, за ней роты старшего лейтенанта Соболева и лейтенанта Лапухина.

Неотступно следуя за огненным валом, быстро преодолев большую поляну и неглубокую балку, они начали взбираться на обледенелый пригорок, как вдруг ударили вражеские минометы. Первые снаряды разорвались в самой гуще наступающих. На земле осталось лежать около десятка убитых и раненых. Мархаба и Рябова, идущие в 30–40 метрах за наступающими цепями, не сразу поняли, что произошло.

Кто-то крикнул: «Комроты убило!».

Бросив на ходу Рябовой: «Я туда, а ты — в роту Соболева», Тукубаева побежала к окружившим лежащего на земле командира солдатам. Лейтенанта Реутова ранило осколком снаряда в живот. Он тяжело дышал, глаза его были закрыты, пульс еле прощупывался. Это больше всего и беспокоило Мархабу. Закончив перевязку, она попросила перенести Реутова в безопасное место. Нужно было осмотреть других раненых. В это время к ней подбежал телефонист:

— Товарищ военврач, вас вызывает третий.

— Кто у телефона?— услышала она в трубке голос командира полка Ковалева.

— Военврач Тукубаева!— ответила Мархаба.

— Кроме вас есть кто из комсостава?— раздраженно спросил полковник. — Почему атака захлебнулась? Почему пехота лежит вы мне можете сказать, военврач?— продолжал насеждать командир.

Тукубаева растерялась.

— Ты что молчишь? Или от страха язык проглотила?

— Дело о том, что бьет артиллерия противника,— наконец нашлась Мархаба,— думаю, что продвижение в такие условиях невозможно...

— Ишь ты, стратег, «невозможно»,— сердито оборвал ее Ковалев. — Найди сейчас же кого-нибудь из комсостава и передай мой приказ: высоту надо брать и немедленно. Пока вы там лежите в лощине, он вас всех перебьет как куропаток.

— Слушаюсь, товарищ третий!— с этими словами Ту-

кубаева бросилась к передним цепям бойцов. Наскоро окопавшись, они ждали приказа. Гитлеровцы, оправившись от артподготовки, теперь уже сами вели довольно интенсивный огонь по нашей пехоте, находящейся в каких-нибудь трехстах метрах от высоты. Потери росли. Здесь, под огнем, секунда казалась вечностью. Надо было срочно поднимать людей в атаку. Но кто это сделает? Из состава кто убит, кто тяжело ранен. Она еще некоторое время колебалась, а потом — будь что будет, что есть силы закричала:

— Слушай мою команду! Вперед, в атаку!

Выхватив пистолет, она первой поднялась и побежала вереди наступающей цепи. Не переставая кричать «Ура-а-а!», выбиваясь из последних сил, бежала, бежала, увлекаемая за собой бойцов. До высоты оставалось не более 50 метров, когда перед ней вырос огненный столб и в тот же миг обжигающая взрывная волна ударила ее о землю.

Очнулась Мархаба в медсанбате.

— Ну как, прорвали блокаду?— были первые ее слова.

— Прорвали, моя девочка, прорвали. Только нельзя тебе волноваться,— нежно погладила Мархабу по голове, подошедшая к ее кровати немолодая незнакомая женщина.

Девушку охватила радость. Она не могла скрыть своего восторга:

— Это же здорово!— и тут же спросила: — А где я нахожусь?

— В медсанбате 310-й дивизии,— ответила женщина.

«В соседней дивизии»,— сообразила Мархаба. Она с благодарностью посмотрела на женщину, хотела что-то сказать, но тут почувствовала, что опять куда-то проваливается.

Пока бьется сердце

Мы сидим в квартире Тукубаевой. Комната, сплошь обставленная книжными стеллажами, кажется совсем крошечной и от того еще более уютной. Это ощущение создают и цветы, которые стоят на подоконнике, на стеллажах и даже на полу.

— Цветы — моя слабость, — признается Мархаба Файзрахмановна. — Даже на фронте, бывало, увижу цветок и не могу пересилить в себе желания прикоснуться к нему. Конечно, понимала, что время не самое подходящее для любования красотами природы.

Как-то в березовой роще, еще покрытой снегом, Мархаба увидела подснежник. Девушка осторожно сорвала его, поднесла к лицу. На нее повеяло степью, речкой и еще какими-то знакомыми запахами. Мархаба глубоко вдохнула чистый воздух и ей показалось, что он напоен предчувствием радости, победы, ожиданием которой жил тогда каждый.

Мархаба Файзрахмановна достает пухлый фотоальбом в темной дерматиновой обложке. Листаем его. С пожелтевшей фотографии смотрит на нас милостивая девушка с живыми, искрящимися глазами. Во всем облике угадывается порыв.

— Этот снимок был сделан летом сорок второго, — поясняет Тукубаева. — Как я рвалась на фронт. Это желание окрегло во мне в госпитале, где я ухаживала за ранеными. Я думаю, что их рассказы о войне помогли мне побороть страх перед врагом. Кроме ненависти я ничего не чувствовала к фашистам.

Мархаба Файзрахмановна задумалась. Она молчит, а память выхватывает из казалось бы забытого, давно прошедшего времени отдельные эпизоды, и они, выстраиваясь цепочкой, воссоздают картину той огненной поры.

— Помню как сейчас,— рассказывает Тукубаева,— из глубокого тыла к нам поступил раненый в ногу летчик. Его обнаружили не сразу, поэтому рана сильно загноилась. Состояние — тяжелейшее: бред, температура. Осмотрев его, я сразу поняла: вот-вот разовьется гангрена. Спасти его могла только срочная ампутация. Жизнь человеку я спасла, но мне не давала покоя мысль: «Сделала человека инвалидом, а могла ли поступить иначе? Испробовала ли я все средства, прежде чем решиться на это?».

Майор Прибытков, хирург с двадцатилетним стажем, осмотрев после операции летчика, отвел меня в сторону и сказал: «Вы, коллега, поступили совершенно правильно. Ампутация была единственным шансом спасти его и вы использовали этот шанс».

Это была первая операция. За ней последовали сотни других. Тукубаевой приходилось делать по 20 самых разнообразных операций в день. Само понятие «день» было довольно условным: порой он растягивался до двадцати и более часов.

— Самым памятным для меня,— вспоминает Тукубаева,— был, пожалуй, январь сорок третьего, прорыв блокады Ленинграда. У меня дух перехватило от радости, когда я узнала об этом. Гитлер хотел стереть с лица земли город на Неве, «бастион большевизма», но не вышло.

А несколько позже произошло еще два памятных события: меня наградили орденом Красной Звезды и в этот же день приняли в партию. Заместитель командира дивизии по политчасти майор Власов сказал тогда: «Росточка Тукубаева небольшого, но дела вершит такие, что не всякому мужику под силу». В «Боевом листке», вышедшем по этому случаю, меня изобразили скачущей на белом коне к солдатам нашего батальона, которые подготовили мне торжественную встречу. Никогда не из-

глядится из памяти поверженный Берлин, стена рейхстага, на которой я оставила такую надпись: «Девушка из Казахстана прошла долгий путь. Талды-Курган — Алма-Ата — Москва — Берлин. Мархаба Тукубаева».

— На войне ведь как,— продолжает Тукубаева,— жили одним днем и мечтали о будущем. Бывало, в редкие минуты затишья сидим с девочками в блиндаже. Фитиль из куска шинели, вправленный в сплюсненную гильзу снаряда, чадил и потрескивал, но мы не гасили «катюшу». Ночь коротали в разговорах и чувствовали себя счастливыми. Еще бы: по нас не стреляют, и это уже хорошо. Нам, отвыкшим от нормальной человеческой жизни, трудно было представить, что где-то люди ходят на работу, в школу, институт, а по ночам спят спокойно, без страха, что их может разбудить артобстрел или бомбежка. Как хотелось нам тогда побывать в той, другой жизни. Но шла война, и казалось она нам тогда бесконечной. На боль и людские страдания насмотрелись. Бывало, раненые прибывали почти круглые сутки. Часто мы не ждали, когда раненых к нам доставят, а сами шли за ними на передовую. Людей не хватало. На фронте не считались, врач ты или фельдшер. Нет санитаров — значит, иди вместо них.

Помню, почти всю ночь оперировала. Устала — трудно передать, а утром комбат говорит мне:

— Тукубаева, надо помочь санитарам, раненых сама видишь сколько.

Я не вытерпела, говорю, что это невозможно, что я валюсь с ног от усталости.

А он улыбается, гладит меня по голове и говорит:

— Понимаю, дочка, все понимаю, моя хорошая. Но другого выхода нет. Невозможное только на долю убитых осталось. А мы с тобой живые.

Пошла, конечно, на передовую. Да и не могла поступить иначе. Ведь мы, комсомольцы, когда разбирали

дело Маркачева, самовольно оставившего пост, записали в резолюции: «Считать уважительной причиной невыполнения задания только смерть».

Не помню, чтобы кто-нибудь срывал задание. Да и Маркачев искупил свою вину, был награжден медалью «За отвагу». Его снова приняли в ряды комсомола, только на этот раз в стрелковом батальоне, где он теперь служил.

Среди множества истин, которые Мархаба Файзрахмановна постигла на войне, ей ближе других одна: больше всего сближает людей фронтовая дружба, совместно перенесенные невзгоды. Сколько лет прошло, а дружба эта ничуть не ослабла, не потускнела. Тукубаева получает письма из Ленинграда, Москвы, Киева, Якутии, Николаева, Омска и других городов и сел нашей страны, где проживают ныне ее друзья-однополчане. Мархаба Файзрахмановна ведет активную переписку с ними.

— Спрашиваете, зачем я храню эти письма. Как же иначе, ведь в них — моя боевая молодость. В них я выгляжу такой, какой была сорок лет назад. Разве не приятно вновь вернуться в свою молодость?

Тукубаева показывает мне стихи, которые прислал из Николаева ее однополчанин, командир взвода 546-го стрелкового полка 191-й стрелковой дивизии лейтенант в отставке Федор Семенович Андриенко.

«Мархабе Файзрахмановне, военврачу 15-го медсанбата.

Я вспоминаю дни былые,
Друзей погибших, боя ад,
И санпалатки фронтовые,
Дивизионный медсанбат.
Вас, Мархаба, кто наши жизни
Там, в самом пекле охранял,

Кто верность матери-Отчизне
Любовью к людям доказал,
Кто выносил нас с поля боя,
От пули телом прикрывал,
И часто, жертвуя собою,
Из лап у смерти вырывал.

— Федор Семенович, конечно, преувеличивает, — улыбается Тукубаева, — но кое в чем он, конечно, прав: рисковать, понятно, приходилось. Да и смерть подчас, действительно, ходила за нами по пятам. А кто, собственно, на фронте не рисковал жизнью...

В декабре сорок пятого Мархаба демобилизовалась, приехала в Талды-Курган, на родину. Работала начальником станции переливания крови и одновременно хирургом в местной больнице. Позже руководила санитарной службой области, работала начальником санавиации, нередко сама вылетала на отдаленные пастбища и отгоны, помогала занедужившим людям.

В 1959 году после окончания ординатуры она переезжает в Алма-Ату, где трудится в ряде лечебных учреждений. Последние 25 лет она — ассистент кафедры травматологии, ортопедии и военно-полевой хирургии Алма-Атинского медицинского института.

На счету Тукубаевой сотни сложнейших операций. Работала, как говорят, не за страх, а за совесть. Об этом свидетельствуют многочисленные грамоты и дипломы.

— Вспоминаю фронт, — говорит Мархаба Файзрахмановна. — Именно там, в нелегких фронтовых условиях, ярче всего раскрывается человек. Я так думаю: на примерах ветеранов войны наша молодежь учится мужеству, смелости, стойкости в борьбе с трудностями, самоотверженности и преданности Родине. Это не громкие слова, нет, уверяю вас, ведь эти качества нужны не только на войне. Они нужны всегда, нужны для того, что-

бы успешнее бороться с еще не отжившими уродливыми явлениями нашей жизни.

Это не поза, не желание порисоваться. Это глубокое убеждение человека, верящего в правду дела, которое защищали воины Великой Отечественной.

Сейчас Тукубаева персональный пенсионер. Человек более сорока лет отдавший медицине, она могла бы и отдохнуть. Но не сидится без дела ветерану. Она член бюро Совета ветеранов комсомола при ЦК ЛКСМ Казахстана, активист республиканского общества «Знание». Тукубаева часто и с большой охотой откликается на предложения посетить школьные музеи боевой славы, выступить на пионерском сборе отряда, перед красными следопытами, а то и просто побеседовать с будущими воинами. Легко ли это для человека, давно разменявшего седьмой десяток?

На этот вопрос Мархаба Файзрахмановна отвечает так:

— Как известно, соратница В. И. Ленина Александра Михайловна Коллонтай отличалась удивительным трудолюбием: она буквально горела на работе. Когда ее спросили, не трудно ли ей, она ответила: «Чем больше дел, тем интереснее жить». Я, конечно, далека от мысли хоть в какой-то степени сравнивать себя с этой замечательной женщиной, пламенной революционеркой, но ее пример учит многому. Работать надо до тех пор, пока бьется сердце, пока чувствуешь, что ты нужна людям. И это приносит большое, ни с чем несравнимое удовлетворение. Сейчас идет великая битва за мир. В этой битве мы не отступим. Это наш солдатский долг перед детьми и внуками, перед человечеством.

В этих словах вся она, человек беспокойного сердца, воин, коммунист, чьим мужеством и стойкостью, как и миллионов других подобных ей советских людей, была завоевана Победа.

Н. Пигарев

Жить для людей

Полевой госпиталь находился в 10—12 километрах от переднего края, однако и сюда изредка доносилась глухие отголоски разрывов тяжелых снарядов. Они не пугали привыкших к близости передовой медиков.

Макашева подошла к столу, на котором лежал раненый, покрытый простыней, и наклонилась к его лицу: никаких признаков жизни, глаза полузакрыты, пульс почти не прощупывается.

Раиса Каримовна задумалась, прикусив нижнюю губу, что свидетельствовало о ее крайней озабоченности.

— С момента ранения, — размышляла она вслух, — прошло, пожалуй, не менее двух часов. Много потерял крови, пока доставили его к нам. Значит, так, — она жестом пригласила медсестру Дмитриеву, — срочно готовьте к операции.

— А может подождем, Раиса Каримовна, когда свет дадут — обещали через час-два линию исправить, — попыталась возразить Дмитриева.

Макашева резко вскинула голову, долгим взглядом измерила медсестру. Видимо, хотела бросить гневную реплику, но сдержалась и вслух сказала:

— Валя, голубушка, ты не первый день в госпитале, и надо ли тебе каждый раз напоминать о том, что мы, медики, в ответе за жизнь раненых и не можем, да и не имеем права ждать, когда нам, здесь, в прифронтовой полосе, создадут комфортные условия для операций.

— Я, конечно, понимаю,— оправдывалась Дмитриева,— можно оперировать и при копилке, но этого... — она кивнула на раненого,— ведь у него, похоже, повреждена сонная артерия.

— Тем более,— перебила ее Макашева. — Через час будет уже поздно. Оперировать надо немедленно.

Когда Макашева вспрыснула раствор новокаина, раненый слабо шевельнулся.

— Пульс?

— 130!

Скальпель погрузился в кожу у самого края тампона. Раиса Каримовна держала в одной руке кровоостанавливающий зажим, в другом пинцет, которым подтягивала тампон. Неверный, колеблющийся свет свечи, которую держала медсестра, нервировал ее, не давая возможности хорошенько разглядеть место ранения, а всякое промедление грозило обернуться бедой. Макашева быстро выдернула из раны тампон, и вдруг из раны со свистом хлынула кровь.

Медсестра ойкнула от неожиданности и отшатнулась. Раиса Каримовна погрузила в рану палец и кровь почти перестала фонтанировать.

Макашева кончиком мизинца ощупала дно раны и почувствовала вибрирующее биение артерии. Сомнений не оставалось: разрыв артерии.

Скользя по пальцу пинцетом, Макашева нащупала жгутик артерии, мягко ткнула его клювиком пинцета и на мгновение замерла:

— Превосходно!— не удержалась она от возгласа.

Не дыша, вынула палец из раны, с величайшей осторожностью закончила обработку сонной артерии, и, наконец, сняла пинцет.

— Теперь можно зашивать!— устало заключила Макашева.

Через некоторое время раненый, а им оказался лей-

тенант Фотиев, вздохнул и зашевелился: беда отступила.

Хирург Макашева, смело вступив в схватку со смертью, победила ее. Этот эпизод из жизни фронтового хирурга был описан в зарисовке «Хирург Макашева побеждает смерть» в газете «За честь Родины» в номере за 9 августа 1944 года.

— Наш госпиталь, входивший в состав 69-й армии, — вспоминает Раиса Каримовна Макашева, свертывая фронтовую газету объемом в четверть «Правды», — располагался тогда в районе польского города Пулавы. Бои носили на редкость ожесточенный характер. Закрепившись на Мангушевском плацдарме, наши войска отражали яростные атаки врага. Особенно возрастал поток раненых, когда наши воины шли в контратаку. Тогда мы, медики, как говорится, не разгибали спины: оперировали в любое время суток, в условиях, которые принято сейчас называть экстремальными. Вот об одной из таких операций и рассказывает газета. Замечу: фронтовой журналист здесь так расписал меня, будто я совершила какой-то подвиг. Это, конечно, преувеличение. Ничего, в сущности, в этом эпизоде героического нет. На фронте все медики трудились самоотверженно. И я, простой фронтовой хирург, не претендую ни на какую исключительность.

...Выпускница Алма-Атинского медицинского института Макашева попала на фронт осенью сорок второго. Это было под Тихвином.

Там она впервые лицом к лицу столкнулась с ужасами войны, увидела ее истинное лицо. Кругом лежали руины зданий, торчали трубы сгоревших домов. Мины обезвреживали неразорвавшиеся бомбы в жилых домах.

Раису Каримовну направили в госпиталь, в операционную. В первый же день она шестнадцать часов кряду

ассистировала хирургу. Только перед утром, когда глаза уже смыкались от усталости, ей удалось забыться в тяжелом тревожном сне. Она то и дело вздрагивала, просыпаясь,— все слышалось, как падают осколки, извлеченные из ран, на блестящий лоток.

Шли дни, месяцы. Постепенно Макашева втягивалась в ритм фронтовых будней. Борьба за жизнь раненых бойцов порой шла круглыми сутками, и тогда она теряла ощущение дня и ночи. Особенно усиливался поток раненых в дни наступления. Тогда работать приходилось очень много. Раиса Каримовна вместе с товарищами несла нелегкую службу ординатора госпиталя, значившегося под номером 1148.

...Мы сидим с Раисой Каримовной в Казахском научно-исследовательском кожно-венерологическом институте, в ее кабинете. Сейчас она ведет в основном исследовательскую работу, Макашева доктор медицинских наук, профессор, заслуженный врач Казахской ССР, заведующая кафедрой кожных болезней. Я попросил хозяйку кабинета вспомнить самый запомнившийся эпизод из фронтовой жизни. Раиса Каримовна задумалась. За три минуты в ее памяти промелькнула, наверное, не одна операция.

— Тяжелораненых было много,— говорит Макашева,— война калечила людей так, что мы иногда сами сомневались в успешном исходе операции. Но стояли у операционных столов, боролись за жизнь каждого бойца и командира. Когда удавалось спасти жизнь человеку, радовались этому. Никогда не забуду одного раненого. Случилось это в ноябре 1942 года под Тихвином. Глубокой ночью с передовой принесли в операционную в шоковом состоянии молоденького солдата. На вид пареньку не дашь больше семнадцати лет. Ранение у него тяжелое, в бедро, большая потеря крови. Множество осколков изрешетили тело юного воина. Мы вынуждены

были ампутировать ему ногу. Иначе спасти жизнь пареньку было нельзя.

Больше сорока лет прошло с тех пор, но до сих пор помню, как он побледнел, когда узнал, что с ним произошло. И врачи, и медицинские сестры окружили паренька особым вниманием, старались как-то подбодрить, делали все, чтобы он не падал духом. Перед отправкой в тыловую госпиталь он сказал: «Как же я теперь через заборы перелезть стану?». Рассуждал он совсем еще по-детски, был доверчив и наивен. Как сложилась его дальнейшая судьба? Не знаю, очень хотелось бы, чтобы у него было все хорошо. Не могу не вспомнить о другом случае. Как-то в операционную доставили тоже совсем молодого сержанта лет двадцати с небольшим. Прострелено плечо, раздроблены обе кисти рук. При малейшем прикосновении к ранам он стонет, пытается что-то сказать, показывает на руки. Словом, смотреть на этого сержанта было выше моих сил. А от сознания, что ему придется ампутировать обе кисти рук, меня бросало в жар: такой юный, красивый парень, и на всю жизнь останется калекой. Да и как сказать ему об этом?

Этого сержанта привезли к нам ночью. Когда утром я подошла к нему, он уже немного пришел в себя и спросил:

— Скажите доктор, а вы не ампутируете мне руки? Понимаете, это совершенно невозможно.

Он заискивающе посмотрел на меня, и на глаза его навернулись слезы.

— Нет-нет, кто сказал вам такую глупость,— я отвернулась и заспешила к выходу, но что-то заставило меня вернуться.

— Я пианист,— он чуточку замялся... — Не то чтобы настоящий пианист. Я ушел на фронт с третьего курса Ленинградской консерватории. Если невозможно спасти руки, тогда уж лучше дайте мне что-нибудь... Без музыки мне не жить...

Я обещала, что постараюсь спасти руки. Услышав мои слова, он неожиданно привстал и сел.

— Доктор, дорогой доктор, вы спасете мне жизнь,— закричал он так, что многие больные повернули в нашу сторону головы. — Да я буду самым счастливым человеком.

«Если я не сдержу своего слова, обману этого человека, искренне поверившего мне, грош цена мне как хирургу»,— вот такой приговор я тогда вынесла себе. Операция, на счастье, прошла успешно, и хотя до окончательного излечения было еще далеко, самое страшное позади — руки парню мы спасли. На следующий день мы расстались с сержантом Игорем Лебедевым. Самой дорогой для меня наградой была его улыбка и слова: «Спасибо, доктор, вы спасли мне не только руки. Вы спасли мне жизнь!».

Раиса Каримовна прекрасно помнит немало эпизодов из фронтовой жизни. Спросил, не приходилось ли ей с оружием в руках сражаться с врагом.

— Как вам сказать,— отозвалась Макашева после минутного раздумья,— был один случай. Наш полевой госпиталь стоял в польской деревне. Раненых было много. После операции мы должны были отправить их на самолете в тыловые госпитали, однако самолет не прилетал дней десять из-за плохой погоды. Я дежурила с двумя медицинскими сестрами и тремя автоматчиками из легкораненых. Вечером пришел староста деревни и предупредил, что на госпиталь собираются напасть бандеровцы. Что же делать? Решили на ночь оставить свет в тех двух комнатах, в которых не было раненых. Староста оказался прав: глубокой ночью бандеровцы все-таки напали на нас. Пришлось дать им бой, защищая раненых. Выручила хитрость: бандеровцы открыли огонь по пустым освещенным комнатам. Нам удалось дать им отпор. Потерь с нашей стороны не было. Как видите,

пришлось держать в руках автомат. Хотя воин из меня, наверное, не получится никогда.

...Капитулировала гитлеровская Германия. Наступил долгожданный мир. Но для Макашевой война не кончилась. В госпиталях Германии находилось немало наших раненых. Больше года еще Раиса Каримовна оставалась на своем посту.

Поезд, громяхая на стыках рельс, вез ее по родным степям Казахстана. Ей, считает Раиса Каримовна, сильно повезло: вернулся с фронта отец, а позже — брат, врач танковой части. С болью и горечью вспоминает Раиса Каримовна товарищей, не вернувшихся с фронта.

— У нас, бывших студентов-медиков, — говорит моя собеседница, — встречи сокурсников стали традицией. В 1982 году наш выпуск отмечал сорокалетие со дня окончания института. Со всех концов страны приехали в Алма-Ату его выпускники. Провели перекличку. Нередко из-за парты поднимался человек, опираясь на тросточку. Все поворачивали головы и видели своего бывшего однокурсника, убеленного сединами. Из 778 выпускников пока не разыскано 350. 24 фронтовика стали докторами медицинских наук, профессорами. Почти два десятка бывших выпускников — заслуженные врачи Казахской ССР, четверо — заслуженные врачи Украинской и Узбекской ССР.

Да, никто из выпускников Алма-Атинского института не изменил своему выбору, не свернул с избранного пути. У Раисы Каримовны этот путь был прямым — учеба, постоянное пополнение своих знаний, разработка новых методов лечения, внедрение в практику всего, что может служить борьбе с недугами человека.

В 1946 году, сменив гимнастерку на гражданское платье, а кирзовые сапоги на туфли, Раиса Каримовна поступила в аспирантуру к профессору А. Н. Сызганову.

ву. Сама Макашева не была уверена, что за три года, отведенных для защиты диссертации, она сумеет собрать нужный материал и подготовить работу. Послевоенные годы были очень трудными. Многого не хватало. Недосыпая, подчас недоедая, настойчиво постигла она новую для себя отрасль науки — дерматологию, а в срок все-таки уложилась.

Защитив в 1952 году кандидатскую диссертацию, Раиса Каримовна с головой ушла в работу. Жажда познания нового влекла к дальнейшим поискам. Долгие годы бывшая фронтовичка пылливо искала свой путь в науку. Произвела сотни экспериментов в лабораторных условиях, пока не добилась своего. Разработанные ею рекомендации по восстановлению кожного покрова после ожогов легли в основу многих методик.

— Отец, простой железнодорожный рабочий, всегда говорил мне, — вспоминает Макашева: «Хочу видеть тебя, дочка, хорошим человеком. Будешь им — уверенно будешь идти по жизни. Живи для людей».

Об этом никогда не забывала Макашева. Чуткая, отзывчивая, доброй души человек — такой знают ее все, с кем она встречалась на своем жизненном пути — на фронте и в мирное время.

— Жизнь прожить — не поле перейти, — как бы размышляя вслух, говорит Раиса Каримовна, — кое-кому из молодых эти слова, возможно, кажутся стершимися от частого употребления. Только с годами понимаешь их глубокую мудрость. Считаю, что только труд, упорный каждодневный труд дает врачу ощущение того, что жизнь прожита не даром.

Иногда меня спрашивают: были ли у меня сомнения, колебания, трудности. Конечно же, были, а у кого их не бывает. Помните у Маяковского: «Тот, кто постоянно ясен, тот, по-моему, просто глуп». Вот, скажем, на фронте мы долгое время не могли прийти к единому мнению

— как лучше лечить инфицированные раны. Надо ли часто перевязывать раненых? Многие тогда считали, что чем чаще делать перевязку, тем скорее очистится и заживет рана. А вот известный фронтовой хирург Александр Васильевич Вишневский доказал на практике, что если перевязки делать как можно реже, то рана заживает быстрее. Он утверждал, что часто менять повязку надо только при тяжелой инфекции. Во всех других случаях хорошо обработанная рана должна оставаться под защитой масляно-бальзамической повязки, которая не должна меняться в течение пяти-шести дней. Она снимает раздражение нервов раны и обладает сильным антисептическим действием, способствует скорейшему заживлению раны. На фронте раненые, как правило, жаловались на вынужденное длительное пребывание в госпиталях — раны медленно затягивались. А сейчас? Тоже подчас слышишь жалобы на то, что выздоровление идет не так быстро, как больным хотелось бы. Как тут помочь делу? Думается, многое зависит от нас, врачей. Надо увести пациента от самопогруженности в болезнь, добиться, чтобы он активно включился в борьбу со своей болезнью. Психика больного, если хотите, требует от врача большой изобретательности и умения руководить сознанием больного. А это, поверьте мне, сродни работе педагога.

Мне очень повезло на добрых, отзывчивых людей. Так было на войне, так было в Алма-Ате, где я тружусь больше сорока лет.

Сейчас Макашева щедро делится своим богатым опытом с молодым поколением. С большой озабоченностью говорит Раиса Каримовна о медицинских кадрах, о студентах, об их отношении к учебе.

— Молодежь сейчас грамотная, — говорит Макашева, — она очень эрудирована, но трудолюбия, устремленности что-ли, кое-кому не хватает. А между тем, ведь

сейчас для учебы созданы все условия. Вспоминаю молодые годы, свой институт. В то время было два факультета — лечебный и педиатрический. Из нас готовили врачей широкого профиля. Нынче больше десятка различных медицинских факультетов, что позволяет выбирать профессию по узкой специальности. Это дает возможность более целеустремленно вести лечение пациентов.

Как пригодился ей широкий профиль врача на фронте. Раненые поступали с различными травмами. Приходилось быть хирургом, невропатологом, даже стоматологом. Вот тогда-то она не раз вспоминала своих преподавателей, тех, кто давал ей знания, которые потом так пригодились в сложных фронтовых условиях. Макашевой знакомы и внутреннее перенапряжение, и поражения, и успехи. Трудно подчас приходилось, но борьба за жизнь человека шла в любое время суток. И, нужно сказать, велась успешно. Сотни тысяч раненых вновь вставали в строй на защиту своей Родины. Многие среди них обязаны своей жизнью Раисе Каримовне.

Б. Канапьянов

Звали ее Алтыншаш

Скрещение судеб... Что мы, молодые, родившиеся после войны, знаем о наших общих корнях? Мотивы Украины звучат во многих стихах военной поры у казахских поэтов-фронтовиков. И это естественно. Но есть и обратный взгляд у этой темы.

Во время одной из поездок в Чернобыльскую зону я обнаружил в библиотеке Союза писателей Украины стихотворение Михаила Левченко, опубликованное в далеком 1944 году в дивизионной газете «Патриот Родины». Вот оно:

Памяти комсомолки Алтыншаш Нургажиновой, подбившей два фашистских танка

Я родом сам с цветущей Украины.
И дороги мне берега Днепра.
Там с песней на пшеничные равнины
Нисходят голубые вечера.
Но кажется, что в знойном Казахстане
Я, как она, родился, жил и рос...
Я вижу рядом, в дымчатом тумане,
Ее глаза, улыбку, прядь волос.
Седой акын по вечерам в ауле
Под звуки домбры песню пропоет,
Как шла она под вражеские пули
И в смертный час сказала нам:
— Вперед!

Спокойны будут горные долины,
И в прошлое уйдет войны гроза.
Сквозь листья, падающие с вершины,
Нам улыбаются ее глаза...

Сразу же возникла мысль найти родственников неизвестной героини, узнать о ней побольше. Но в Алма-Ате, кого бы я ни спрашивал, никто не ведал о ее жизни и судьбе. Стал искать автора стихотворения и вот что выяснил.

Михаил Александрович Левченко родился на Полтавщине. Войну начал рядовым, закончил сержантом. Был полковым разведчиком, литературным сотрудником дивизионной газеты 4-го Украинского фронта. Имеет ранения и боевые награды. В настоящее время — доктор филологических наук, профессор Одесского университета. Помог мне в поисках выпускник этого университета, украинский поэт Анатолий Славута-Логвиненко, с которым мы и были на крыше третьего энергоблока Чернобыльской АЭС. Он переводил на украинский язык некоторые мои стихи из книги «Аист над Припятью», посвященной чернобыльской трагедии. Вскоре я получил ответ на свое письмо от Михаила Александровича, отрывок из которого привожу:

«Мое стихотворение было написано по горячим следам подвига Алтыншаш Нургажиновой, непосредственным очевидцем которого был я сам. Дело в том, что я, тогда сотрудник газеты «Патриот Родины», оказался среди группы солдат и офицеров, окруженной фашистами (по-моему, это было где-то под Катовицами). Положение было «аховое». И вот тогда маленькая казахская девушка вышла вперед и организовала оборону. Мы пробились из окружения, но Алтыншаш поплатилась за это жизнью. Посмертно она была представлена к званию Героя Советского Союза. Позже однополчане были в Москве, нашли там ее родителей, вручили им мое стихотворение. Они приглашали меня к себе в гости. На этом наша связь прекратилась. Прошли годы, время

стерло некоторые подробности этого события, но в моей памяти образ героической казахской девушки, фактически спасшей мне жизнь, остался навсегда. Благодарю, Бахытжан, за приглашение приехать в Алма-Ату. Как-то я был там на одной из научных конференций и остался доволен посещением. Пишите мне. Чем могу, помогу в ваших благородных поисках. Будьте здоровы! Ваш М. Левченко».

Два года тому назад в Казахстане прошли Шевченковские дни: тогда я впервые и опубликовал в молодежной газете небольшую заметку об этом письме и этом стихотворении в надежде, что кто-нибудь откликнется и чем-нибудь поможет. Получил несколько писем, авторы которых интересовались неизвестной судьбой героини Алтыншаш Нургажиновой. Однажды мне позвонил молодой журналист Жусупбек Коргасбеков и изъявил желание помогать в этом поиске. И вот что в дальнейшем выяснилось.

Гвардии лейтенант Нургажинова Алтыншаш Ускенбаевна родилась в 1924 году в городе Москве. В Красной Армии с августа 1941 года. Призвана Сталинским райвоенкоматом города Москвы. Окончила шестимесячные курсы комсоргов. Воевала на Центральном, Воронежском и Украинском фронтах. Вначале была комсоргом 1-го батальона 235-го стрелкового полка 8-й гвардейской дивизии. В декабре 1942 года была ранена и попала в госпиталь. Затем служила старшей медсестрой в санчасти 24-й отдельной механизированной бригады 1-й танковой армии, но в декабре 1943 года вновь тяжелое ранение. С марта 1944 года, после госпиталя, — комсорг 1-го батальона 835-го стрелкового полка 237-й стрелковой дивизии. И вновь госпиталь после тяжелого ранения. И вот, наконец, с июля 1944 года комсорг 2-го батальона 207-го стрелкового полка 70-й стрелковой дивизии. Именно того батальона, где служил М. А. Левченко. И сухая, бесстрастная запись в картотеке архива Министерства обороны СССР: «Погибла 2 октября 1944 года. Захоронена на северо-западной окраине населенного пункта Гуго-Полянска Лукмянско-

го района Краковского воеводства в Польше. Посмертно награждена орденом Красной Звезды».

Я специально публикую только подробные факты биографии короткой, но героической судьбы Алтыншаш Нургажиновой. Без кого-либо лирического отступления, ибо надеюсь и жду, что все-таки отзовутся родные и близкие Алтыншаш, ее однополчане по трем легендарным фронтам. В знаменитой двухтомной книге «Память», вышедшей в Польше, к сожалению, не обнаружил ее фамилии, хотя место захоронения установлено точно. А в Москве на Большой Полянке, в доме № 19, квартире 13, где до войны жила Алтыншаш со своими родителями, давным-давно проживают совсем другие люди. Нет даже самого обыкновенного квадрата фотографии Алтыншаш Нургажиновой, чтобы можно было более полно представить ее лицо, ее образ.

И только незатейливое стихотворение юного Михаила Левченко, написанное в октябре 1944 года, констатирует тот факт, что она действительно подбила два вражеских танка и ценой своей жизни спасла раненых бойцов. Да что там танки!.. Уму непостижимо — каждый раз после очередного ранения вновь бросаться в самое горнило войны. Ни разу не видя твоей фотографии, не зная твоего лица, я преклоняю перед тобой колени, юная Алтыншаш, младшая сестренка Али и Маншук. И пусть на душе у меня щемящее чувство досады, что вместо высокого звания Героя Советского Союза тебя посмертно наградили боевым орденом — Красной Звезды. В конце концов разве в этом суть? Важно, что мы все-таки узнали о твоём подвиге, Алтыншаш.

Как много переплетается в твоей до боли короткой судьбе! Москва, Россия спустя сорок пять лет узнают о тебе. «Но — все же, все же, все же»... Лучше поздно, чем никогда. Так будем же хранить вечно и свято твое солнечное имя, Алтыншаш!

Действительно, у войны не женское лицо. Не представ-

ляю шрамы и рубцы сражений на твоём юном теле, Алтыншаш. Нет пока ещё того камня, чтобы скульптор смог изваять тебя в последний миг твоей жизни. И нет пока тех поэтических строк, которые были бы достойны твоего образа. Это всё в будущем, Алтыншаш. А пока — мы преклоняем колени перед твоей памятью.

Дорогой Михаил Александрович! Вам — писателю, ученому, фронтовику — спасибо за всё. Спасибо, что вы есть, что преподаёте молодым хлопцам певучий украинский язык и великую украинскую литературу, что первым воспели в суровые годы войны подвиг Алтыншаш, что мы, молодые, узнали о ней благодаря вам и вашему стихотворению. И я верю, что узнаём ещё больше.

Мы как-то привыкли жить юбилеями. Грандиозная подготовка, пышные торжества, юбилейные кампании. Одни и те же герои. А после юбилея вновь тишь да гладь. До очередной круглой даты. И лишь в последние годы благодаря необратимой сути перестройки мы открываем новые для себя страницы этой вечной темы «Человек и война». И здесь важны, как мне кажется, не коллективные призывы к подвигу, а сам внутренний, зачастую противоречивый мир человека. Тайна его ничем не измеряемой души и нравственность воззрений. Ведь даже в героических судьбах Алии и Маншук есть мало кем замеченные страницы. На мой взгляд, они не только защищали свою великую Родину, они ценою самого подвига жаждали реабилитации репрессированных близких и родных. Я думаю, что эти естественные человеческие порывы ещё более усиливают величие их судьбы и героизма.

Мы теперь знаем полную правду и о двадцати восьми героях-панфиловцах, и о подвиге нашего земляка Михаила Коробова, установившего в последние дни войны связь с фашистским рейхстагом. Пусть же останется в наших сердцах и бессмертный образ Алтыншаш Нургажиновой.

Содержание

<i>Пандилова В.И. К читателям</i>	3
<i>Чечеткина О. Наша Маншук</i>	8
<i>Уральский Н. На берегах Ловати</i>	21
<i>Четвергов Н. Девушка из легенды</i>	36
Песня в степи	37
Накануне	41
Война	44
Под Ростовом-на-Дону	47
Сталинград	51
На целине	59
Единственный в мире	63
Память сердца	64
<i>Лебедев В. Баллада о снайпере</i>	69
<i>Чен В. Штурман Хиваз Доспанова</i>	84
<i>Шестериков В. Ландыши</i>	96
<i>Захаров В. Нести людям радость</i>	115
<i>Ягмурова С. Она прошла по той войне</i>	123
<i>Нечунаев Г. Пока бьется сердце</i>	133
Жребий брошен	133
Преодолей себя	139
Истиной не поступась	142
Возмездие	147
Высота 43,3	157
Пока бьется сердце	162
<i>Пигарев Н. Жить для людей</i>	168
<i>Канапьянов Б. Звали ее Алтыншаш</i>	178

ПОКА БЬЕТСЯ СЕРДЦЕ

Сборник очерков

Составитель *Г.И. Нечунаев*
Редактор *Т.К. Джанибекова*
Дизайн *И. А. Селивановой*
Верстка *Н.Т. Раимкуловой*

Подписано в печать 22. 08. 2005.
Формат 60x84¹/₁₆. Усл. печ.л. 11,5.
Гарнитура «Таймс».
Бумага офсетная. Печать офсетная.
Тираж 2000 экз.
Заказ № 174

ISBN 9965-759-12-X

Издательский дом «Жибек жолы».
050000, г. Алматы, ул. Казыбек би, 50, ком. 55
тел. 8 (3272) 61-11-09, факс 8 (3272) 72-65-01.